

Институт Стратегических Исследований Кавказа

СЕРИЯ «КЛАССИКИ КАВКАЗА»

БАНИН (УМ-ЭЛЬ БАНУ)

«КАВКАЗСКИЕ ДНИ»

Автобиографический роман

«Кавказ»
Баку
2006

Ответственный редактор серии:
Эльдар Исмаилов

Перевод с азербайджанского:
Гюльшан Тофик гызы

Банин (Ум-эль Бану)
Кавказские дни.
Баку, «Кавказ», 2006. – 220 стр.

ISBN 9952–432–23–2

Автор Банин (Ум-эль Бану Асадуллаева), жила и творила во Франции. В романе «Кавказские дни» находят отражение история Азербайджана 20-х годов XX века, национальная культура, нравы и обычаи. В изложенном на французском языке сюжете представлены автобиографические факты, на которых он построен.

В $\frac{4702000000}{N(098) - 2006}$ **С грифом**

**©Институт Стратегических
Исследований Кавказа, 2006**
©Издательский дом «Кавказ», 2006

Уважаемый читатель!

Перед Вами книга нашей соотечественницы Банин, имя которой возвращается на историческую Родину в дни, когда Азербайджан познает самого себя, свои корни, свое прошлое. Это прошлое во многом олицетворяется с именами людей, личная судьба которых иллюстрирует те страницы прошлого нашей страны, когда происходили жестокие события социально-политического перелома. Сегодня мы заново открываем имена наших соотечественников-эмигрантов и этим помогаем себе лучше осмыслить свое прошлое, настоящее и будущее. Каким был Азербайджан и Кавказ в начале прошлого века, что происходило на этом пространстве? На эти вопросы в своем произведении «Кавказские дни», отвечает непосредственный очевидец тех событий - писательница Банин, 100-летний юбилей которой отмечается в этом году. Ценность романа в автобиографичности произведения, в котором даже определенный субъективизм автора превращается в его достоинство, ибо представляет собой искренний взгляд автора – эмигранта.

Предлагая вниманию читателя русскую версию романа, хотим отметить, что это произведение было впервые опубликовано в 1945 году в Париже. Грусть и печаль автора находит свое отражение в самом названии романа, на страницах которого переданы многие ее переживания, связанные с

личной драмой семьи писательницы и трагизма событий в жизни азербайджанского народа в эпоху великих потрясений начала прошлого века...

И тем не менее, роман Банин «Кавказские дни» не окончен, потому, что содержит оптимистичные нотки и устремлен в будущее, как и сам Азербайджан, и этот благодатный край – Кавказ.

Эльдар ИСМАИЛОВ
Ответственный редактор серии

ВВЕДЕНИЕ

До недавних пор имя французской писательницы Банин (Ум-эль Бану) в республике было мало известно. В 1987 году «Литературная газета» опубликовала обширную информацию о переписке и друзьях русского писателя Бунина. Эта публикация была переведена на азербайджанский язык, после чего жизнь и деятельность Ум-эль Бану привлекли внимание журналов «Гобустан», «Гянджлик» и «Азербайджан» – Банин была в числе близких друзей Бунина.

Ум-эль Бану родилась в Баку в 1905 году. Оба ее деда – Муса Нагиев и Шамси Асадуллаев – были известными нефтепромышленниками, богатейшими людьми того времени. В младенчестве потеряв мать, Банин и ее сестры росли и воспитывались под опекой европейских гувернанток и педагогов. Рано приступив к учебе, девочка получила очень хорошее образование, изучила несколько иностранных языков и проявляла большой интерес к литературе.

В 1924 году Банин эмигрировала в Турцию, а оттуда – во Францию. Литературные круги Парижа 20-30 годов, в которые вошла писательница, оказали на нее сильное влияние. Первый ее роман был опубликован в 1943 году, затем в 1945-м увидел свет автобиографический роман «Кавказские дни». Позже из-под пера Банин вышли еще несколько романов и повестей. Кроме того, она была автором переводов, многочисленных публицистических статей, очерков. Ум-эль Бану переводила на французский язык произведения Достоевского, Е. Юнгера, Г. Мартона, В.Ванда.

Роман «Кавказские дни» искренен и непритязателен. Этим-то он и привлекает. Язык произведения прост и доступен. Сцены жизни разных сословий бакинского общества 20-х годов, вкусы и повадки богатых и бедных, положение простых людей – все это имеет место в книге.

В дополнении ко второму французскому изданию «Кавказских дней» Банин выражала сожаление о том, что до сих пор не смогла посетить родину. Несмотря на некоторые спорные моменты в описании обычаев и традиций народа, исторических неточностей, изложенных в книге, в целом чувствуется интерес писательницы к событиям на родине. Это особенно четко прослеживается в указанном выше интервью «Литературной газете»: сердце Банин принадлежало Азербайджану, тоска по родине никогда не покидала ее.

*Автор перевода с французского
на азербайджанский язык*
Гамлет ГОДЖАЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Некоторые люди, несмотря на бедность, происходят из благородных семей. Семья же, в которой я родилась, была хоть и весьма богатой, не могла хвалиться «хорошим» родом. Богатство нашей семьи было настолько велико, что, в конце концов, обернулось ее несчастьем. И вполне справедливо то, что несколько лет назад все это богатство было потеряно. Те, кого интересует моя родословная, могут с учтивостью задать вопрос: «Почему же Вы не считаете свой род «хорошим»? Во-первых, потому что известность пришла к нашей семье не так давно, и начало взяла с моего деда по отцовской линии – Асадуллы. В переводе с арабского это имя означает «любимец Аллаха», и в действительности оно себя оправдало. Так вот, мой пращур, будучи простым крестьянином, пасшим отару на своем каменистом участке земли, вдруг превратился в миллионера, когда на этом участке забил нефтяной фонтан. С другой стороны, большинство представителей нашего рода были настолько бестолковыми и никчемными людьми, что говорить об этом не хотелось бы. Впрочем, возможно я еще вернусь к этим личностям и, если будет желание, расскажу о них поподробнее. Свидетельствовать о неприметных вещах трудно. Как автор я этого желаю, но в дальних уголках моей души еще мерцают едва различимые отблески семейной амбициозности.

Словом, зимним днем беспокойного года и пришла я на свет в необычной, экзотической, богатой семье. Тот год был одним из самых кошмарных в истории. Это был год исторических потрясений. Он был ознаменован общественными беспорядками, забастовками, столкновениями, погромами и прочими похожими событиями. Азербайджанцы и армяне, составлявшие основную массу населения Баку, убивали друг друга. Армяне были лучше подготовлены к такому

ходу событий, поэтому зверствовали, мстя за прошлые обиды. Азербайджанцам же ничего не оставалось, как учесть все на будущее. Каждый преследовал свой умысел. Но жертвами оказались абсолютно безвинные люди, несчетное количество загубленных в водовороте событий душ.

Никто не поверит, что и я была участницей тех событий, тех погромов и убийств. Ведь и я, придя в этот мир, убила свою мать, стала причиной ее смерти... Бедняжка была на сносях. Спасаясь от погромов, она скрывалась в одном из нефтяных поселков. Когда пришло время рожать, она оказалась в жутких условиях. Сразу после родов у мамы поднялась высокая температура. Кроме того, в это время случилась сильная буря, которая отрезала путь помощи, и состояние женщины еще более ухудшилось. Оставшись без должного ухода и помощи, она пыталась бороться с недугом одна. Но тщетно. Она умерла, так и не получив никаких известий о судьбе своих близких. Ушла из жизни совсем молодой, не насладившись сполна величайшим даром – молодостью...

События тех лет неслись бурным потоком, и столь драматичное рождение маленькой девочки было неприметной его каплей. Потребовалось немало лет, чтоб я научилась осознанно, трезво смотреть на жизнь. Мой собственный реальный мир начался с игрушек, которые отец привез из Берлина. И хотя состояла эта реальность из символов, я, будучи совсем ребенком, воспринимала их как самую что ни на есть настоящую жизнь. Пискляво мяукающий плюшевый котенок, серый слоник из юфти с восседавшим на нем расчудесным индусом, смешной пестрый клоун – вот те «реалии», которые окружали маленькую девочку и составляли ее мир. Заполненная этим миром, она и начала свою жизнь.

По правде сказать, мое раннее детство было пречудесным. Я была младшей из четырех сестер. Потому внимания и заботы мне уделялось больше. А попользоваться этим я умела! Но самой нежной заботой, самой искренней лаской

одаривала выросшая меня женщина-немка с берегов Балтийского моря. Святой был человек! Я говорю это совершенно искренне. Она была мне и матерью, и няней, и защитницей. Замечательный, бескорыстный и самоотверженный человек, растративший на нас свое здоровье, нервы, силы, она относилась к категории людей на редкость искренних и способных к самопожертвованию. Милая фрейлейн Анна! У нее была белая-пребелая кожа и гладкие шелковистые волосы. Мы же, четыре вверенные ее заботам восточные девочки, были внешне прямой противоположностью: смуглые, черноволосые, черноглазые, с темным пушком на руках и ногах. Нас иногда фотографировали вместе. Неопишуемая была картина: белолицая женщина-северянка в окружении горбоносых, густобровых чернявых девиц. В те годы было модным фотографироваться, и мы (несмотря на запрет «истинной веры») часто делали памятные фотоснимки: в самых красивых нарядах, в парке, среди родственников и друзей. Мода на фотографию так пришлась по душе моим близким, что порой делались чрезвычайно нелепые и смешные фото. И все же эти фотоснимки дороги мне, и я бережно храню их и по сей день.

Да, поговорим о фрейлейн Анне. Несмотря на то, что жила она в неистово-мусульманской семье, в самобытном городе со всей восточной атрибутикой, фрейлейн Анне удалось создать вокруг себя своеобразный европейский дух. Она пела нам песни, которые прежде слушали белобрысые ребятишки, ввела в обиход рождественскую елку и необыкновенно вкусные пирожные с кремом, приучала к быту и обычаям своей родины, доказав, что твердость и терпеливая настойчивость также свойственны ей, как мягкость и терпимость. Это была трудолюбивая, твердая в намерениях, мужественная женщина. В те годы сил и воли у нее было несколько больше: мы еще не совсем замучили свою любимую няню непослушанием, упрямством и дурными выходками. С одной стороны, мы подвергались влиянию фрейлейн

Анны, с другой – нашей бабушки, матери отца, которая жила на первом этаже дома. Таким образом, создавался некий баланс, равновесие сил, задействованных в нашем воспитании. Бабушка была крупной, полной, властной по характеру женщиной. Как и все настоящие мусульманки, она своевременно совершала омовение и намаз. Предпочитала сидеть на полу на ковриках и подушках. Носила чадру и была строга и не улыбочлива. Порой в порыве религиозных чувств она даже поругивала иноверцев. Бабушка не позволяла прикасаться к своей посуде «неверным». Если такое все же случалось, она раздавала «оскверненные нечистым прикосновением» предметы бедным. Когда недопустимо близко от нее проходил посторонний мужчина, бабушка сплевывала, поругиваясь. Самым мягким ругательством в этом случае было «собачий сын». Оттого, что наши воспитатели были христианами, бабушка и с нами «держала дистанцию». Она, поглаживая чистой, морщинистой рукой наши детские головки и целуя личики, порой, как бы спохватившись, менялась в лице, изображая недовольство и брезгливость. Ее бы воля, бабушка никогда не доверила бы нас попечению фрейлейн Анны. Тут нет никаких сомнений. Представляю, сколько упреков и нареканий пришлось выслушать от нее отцу за наше европейское воспитание и образование. Страна давно уже была российской колонией, и влияние русских чувствовалось во всем. Под этим влиянием рос интерес к европейскому образу жизни, новой культуре. Люди предпочитали чадре свободу, фанатизму - образованность. Особенно этому влиянию было подвержено молодое поколение.

Итак, препоручив нас заботам белорукой фрейлейн Анны, отец все меньше времени уделял семье. Он часто путешествовал, был в разъездах. Отец, как старший сын в семье, возглавлял семейный бизнес: нефтяные фирмы на берегах Каспия и Волги, Московские, Варшавские и прочие филиалы самых разных предприятий. Вдохновленный прогрессом, отец намеревался еще более расширить производ-

ство и хозяйственную деятельность. Человеку, привыкшему к путешествиям по бескрайним Российским просторам, Берлин не казался столь отдаленным местом. Потому-то известия о нем довольно часто приходили также из Германии.

Германия в канун мировой войны 1914 года представляла для наших соотечественников, только-только ощутивших вкус прогресса, большой интерес. Из Германии поступали к нам автомобили, прислуга, служащие, пианино и даже мода носить усы «а-ля Вильгельм». Отец, возвращаясь из «немецких» поездок, наряду с многочисленными подарками, «привозил» оттуда по-новому подстриженные и завитые усы. В те времена Вильгельм II объявил себя защитником турок и мусульман. Азербайджанцы, будучи сродни туркам, питали к немцам те же симпатии. Это было взаимно.

Мне кажется, до повторного брака, отец был гораздо счастливее. Он был молод, богат, красив. Желающих стать его женой или заполучить в любовники было хоть отбавляй. А отец, частенько испытывавший любовные приключения, жениться не спешил. Но среди родни холостяцкая жизнь считалась гораздо непристойнее для мужчины, чем даже многоженство. Многочисленных кандидаток, предлагаемых родней ему в жены, он отклонял: это были, в основном, малообразованные, непривлекательные, необаятельные мусульманки. Отец же решил избрать себе «культурную» спутницу жизни. Женщины, которые нравились ему, не нравились бабушке. Его европейских избранниц она называла «сучьими детьми» и считала непристойным жениться на иноверках. Вся семья опасалась такого брака, а бабушка – та и вовсе презирала подобный. У нее были на то основания: когда-то собственный муж бросил ее, женившись на русской девице с сомнительным прошлым и дурной репутацией. Мне тогда было шесть лет. И с тех пор дед жил в Москве, в доме, переполненном иконами. И хотя дед перессорился из-за той женщины со всей своей родней, отношения с новой женой не ладилась. Не уважала его русская жена. Останавливал ли

пример деда моего отца, не осмеливавшегося жениться на христианке? Ведь пример-то был весьма поучителен для любого мусульманина. Так или иначе, но на второй брак отец долго не отваживался.

Третий этаж нашего городского дома принадлежал детям. К дому с двух сторон примыкали другие здания, а часть его выходила на параллельную улицу. Комнаты, что находились друг против друга, были абсолютно похожими. Дома были разделены внутренним двором, но соединялись друг с другом длинными галереями.

Мы с сестрами и фрейлейн Анной жили в южной части здания, где всегда было солнечно и светло. В сумеречной части с северной стороны находилась комната отца. Здесь, в тишине, проводил он дни между поездками и делами. С гордостью называемые нами «приемными залами» столовые комнаты находились тут же. В одном из залов стоял рояль. По праздникам моя старшая сестра Лейла исполняла на нем прекрасные мелодии, которым обучила ее фрейлейн Анна. Это неизменно приводило в восторг других воспитателей и гостей. В моей памяти вновь и вновь возникает изящная позолоченная лампа в руках негритенка, что стояла на одном из комодов в зале. Эту лампу включали лишь по торжественным случаям, и я подолгу с наслаждением любовалась ею. Она была такая красивая и таинственная!.. Возможно, именно тогда, любуясь чудесной статуэткой, я впервые порадовалась, что мы - богачи.

В обычные дни мы редко заходили в «приемный зал». Да и то по случайности. Все время проводили мы в просторном и светлом учебно-образовательном помещении. Было тут и пианино. Это был учебный инструмент и доставлял нам массу неприятностей. Ни дать ни взять инструмент для пыток! Чуть ли не целый день поочередно каждая из четырех сестер, сидя за этим ненавистным деревянным монстром, тыкала неумелыми пальцами в гладкие черно-белые зубья клавиш. Гаммы, арпеджио, надругательство над сона-

тами Моцарта, которое называлось «исполнением». Сопровожаемые этой музыкой, мы и росли, плача, смеясь, протестуя, учась. Росли под опекой верной своему предназначению фрейлейн Анны, которая, внушая нам сентиментальный дух чистой немецкой девушки, искореняла в наших душах свойства наследственные. Она пыталась превратить нас в хорошеньких, мягкосердечных Гретхен. Но мы были потомками своих предков и с этим ничего нельзя было поделать. Чем взрослее мы становились, тем более укрупнялись наши носы, становился гуще и чернее пушок под ними, бюст безобразно выпирал из-под модных тогда блузочек-матросок. Бедная фрейлейн Анна с отчаянием наблюдала за столь интенсивным физическим развитием своих толстозадых девочек. Она еще кое-как терпела наши внешние метаморфозы, но как дошло дело до перестройки духовной, последовали еще большие неприятности. Моей сестре Лейле исполнилось тринадцать лет, когда она объявила о своей влюбленности в нашего кузена. У того едва стали пробиваться усики, но глаза уже кипели страстью. Фрейлейн Анна была ошеломлена и с той минуты потеряла покой. Какое-то время ей удавалось уберечь нас от нежеланных эксцессов, сопутствующих проблемам роста. Но ведь мы не просто росли – мы взрослели и созревали! Жизнь бедной фрейлейн Анны стала мучительной, невыносимой. Она жила в постоянном страхе и сомнениях. Мы же начинали ополчаться против няни, считая ее опеку чрезмерной и ущемляющей. Мы становились жестокими злючками. Конечно, различия между европейскими девушками и их своенравными восточными сверстницами весьма ощутимы. Но от такого объяснения фрейлейн Анне не становилось легче. Наш бунт причинял ей страдания.

Когда мы были еще малютками, мы просто обожали фрейлейн Анну. Я, во всяком случае, говорю это с уверенностью. Не думаю, что мать можно любить больше. Или любовь к матери чем-то отличалась бы. В моих глазах фрейлейн Анна была прекраснейшей из женщин. Каждое утро я с

разинутым ртом наблюдала, как она расчесывала свои гладкие и длинные русые волосы. Я зажмуривалась, когда свет падал на ее белую кожу, а ясные голубые глаза с нежностью смотрели на меня. В такие минуты я ощущала приливы счастья. Белокурая, ясноглазая фрейлейн Анна выглядела среди нас пришлицей из иного мира, необычной, прекрасной, неким небесным созданием. И это белокожее небесное создание окружали мы – смуглые, смоляно-волосые, густобровые взрослые и дети. Самые светлые и счастливые воспоминания моего детства связаны с фрейлейн Анной. Помню, однажды в Рождественское утро, проснувшись, я увидела около своей кровати сверкающее сооружение. Перевернувшись, почувствовала, что от него исходит чудный аромат. Я протянула руку и укололась обо что-то: это была настоящая Христианская елка! Такая, какую из года в год украшают для христианских ребятишек. Эта елка была куплена, чтобы изменить наш мир, наши вкусы и понятия. Так же, как и тайно привезенная и скармливаемая нам франкфуртская колбаса. Возможно, это была первая елка в истории ислама, которая стояла, украшенная в комнате мусульманских девочек. Как долго лишали нас этой радости! Но, в конце концов, и бабушка, и отец сдались, и в наш дом пришла красавица-елка, очаровавшая и околдовавшая нас. Мне почудилось, что я потеряла дар речи, так велико было мое восхищение. Я ходила вокруг чудесного дерева, тихо напевая. Осторожно касаясь пальцами разлапистых веток, вдыхая чарующий запах хвои. Елка была украшена серебристой мишурой, цветными шарами, красными и зелеными свечами, крошечными крылатыми ангелочками, хрустальными переливчатыми сосульками. У основания была разложена вата, изображавшая снег, по всей вероятности. Это был счастливый день. Мы не учили уроки, не занимались немецким, глаголами, музыкой и прочей бессмыслицей. Смысл всего окружающего мира в тот день был сосредоточен в этом благоухающем чуде. Миром правила красота! Все худое куда-то ушло, раствори-

лось в ощущении бесконечного счастья. Кроме всего прочего, фрейлейн Анна обещала сводить нас в Общество немецких женщин. Это было очень уважаемое и религиозное общество. Мы ходили туда с большим удовольствием, встречались там с немецкой молодежью и стариками, ели всякие вкусности, пили пиво. В конце торжества с наслаждением пели вместе со всеми псалмы, славя Господа. Удивительно! Мы, четыре девочки-мусульманки, с большим удовольствием пели эти религиозные песни христиан. Такие новшества и перемены приводили нас в восторг. Но дома об этом ничего не знали. Мы держали все в строгой тайне – ведь наш Пророк запретил такое действие! Сторонница правдивости и честности, фрейлейн Анна в этом случае и сама лукавила: она понимала наш интерес к таким мероприятиям и не хотела лишать нас этой радости. Ведь эти милые торжества не принесут серьезного вреда – так полагала наша нянюшка. Приобщая нас к христианским праздникам, она была очень осторожна в вопросе религиозной идеологии. К вопросу религиозной нравственности и духовности фрейлейн Анна подходила очень осторожно, вела себя весьма тонко, не допуская нежелательного вторжения в чужие религиозные понятия. А ведь это было совсем просто: в нашей семье к религиозному воспитанию, учению ислама относились абы как. Даже приверженца истинной веры это особо не заботило. Я не умела молиться. Знала на память лишь небольшую суру из Корана. Моя религиозность была так мала, что желая подразнить бабушку, я выжидала момент, когда она приступит к намазу, раскрыв перед собой Коран. Тогда я начинала дергать ее за край шали или подол, мешая совершать ритуальные поклоны и отвлекая от молитвенного текста. Иногда, слишком распоясавшись, я дразнила ее, гримасничала. Корчила рожи, ловя бабушкин взгляд. Но бабушка, прервав молитву, совершенно спокойно и поучительно журила меня, а затем вновь продолжала шептать себе под нос молитву, нараспев выделяя отдельные фразы.

Религиозные праздники, например, Новруз или последний день Уразы, были официальными и общенародными. Мне очень нравились эти праздники, они проходили весело. В день весеннего равноденствия, 21 марта, отмечался Новруз-байрам. Это был день всеобщего обогащения детей. Ребятишки бегали от дома к дому, поздравляя родственников и соседей. За это их угощали замечательными сладостями и всякой невообразимо вкусной снедью. Столы ломились от яств и разнообразных блюд по содержанию праздничной хончи – подноса с угощениями – можно было определить достаток каждой семьи. В домах попроще на столах стояли лишь местные сладости, фрукты и крашеные яйца. В культурных семьях столы украшали более разнообразные угощения. Яйца напоминали пасхально-христианские, а блюда из индейки считались не только признаком благосостояния, но и определяли уровень культуры. Московский шоколад нес дух святой Руси. Какое это было объединение!

Так вот, сперва нас угощали сладостями. Затем хозяева дома, дяди, тети и другие родственники, доставали кошельки. Оттуда извлекался золотой (с которым расставались не без сожаления) и отдавался детям взамен на влажный и смачный поцелуй. К вечеру наши животы были полны тяжело усваиваемой пищей, а карманы – деньгами.

Ураза (Рамазан) была несколько иной. В годы моего детства она всегда совпадала с летними месяцами (Рамазан перемещается год от года), и мы отмечали ее в деревенском доме. Такие, как мы, «культурные», не держали пост. Лишь изредка постились в последние дни священного месяца, оставаясь голодными на протяжении дня. Каждый делал это добровольно, не без своих целей. Никто никого не неволил и не принуждал поститься. Иногда и я постилась. Не для того, чтобы понравиться Аллаху, а для того, чтобы оставлять его своим должником. Я загадывала желание и надеялась, что Он, видя мое усердие, исполнит это желание.

Все светлое время дня запрещалось есть и пить. Даже полоскать рот было нельзя. Курильщики в такие дни прекращали курить. Мужья не прикасались к женам. Но только блеснет в небе первая звезда, все набрасывались на еду. Проголодавшись за день, верующие наедались до отвала. Потом снова и снова. И так до утренней зари. Даже спящих будили, чтобы те успели набить свои желудки.

В последний день Поста резали барашка. Посреди двора устанавливался очаг, на котором сперва готовилось жаркое из внутренностей, жирное и восхитительное на вкус. Итак, начинался наш бурный праздник. В детстве самые вкусные блюда готовились в дни праздников. (Впрочем, торжества, отмечаемые с немецкими девочками, тоже замечательно проходили). Еда была такой божественно вкусной, что мы слизывали с пальцев последнюю капельку жира. Отовсюду доносился аромат восточных пряностей... Боже! Какое славное было время!..

Но были и такие религиозные дни, которые мне вовсе не нравились. То были дни символического траура по убиенному в Кербале в 680 году хиджры Хусейну. Сыну имама Али, и казненным членам его семьи – Махаррам. Дни этого траура, священные для мусульман-шиитов, не значат ничего для суннитов. Моя бабушка всегда отмечала эту церемонию траура по сподвижнику Пророка. По местному обычаю, комната устилалась коврами и подушками в ряд. Пол был завален подушками, когда гостей было особенно много. К центру стены прилаживался небольшой столик – здесь восседала молла-ханым.

Стекались гости, закутанные в чадру, стуча башмаками и шурша юбками из шелка и атласа. Женщины вели беседы, исполняли «марсия» – своеобразные «плачи» из «жития» святых имамов, их жен и детей.

В праздники платья шились из дорогой ткани. Национальные одеяния были весьма нарядными и придавали женщинам особый восточный шарм. Поверх белой блузы

надевалась красивая кофта своеобразного покроя с глубоким вырезом. Блуза, выглядывающая из такого выреза, украшалась жемчугом, золотыми «империалами», дорогие кольца и цепочки обвивали шею и грудь, сверкали дорогие броши-заколки. Многочисленные ювелирные украшения не всегда были высокого качества, но все они сверкали, звенели, брэнчали и радовали глаз. Для счастья хозяек этого было довольно. Юбки надевались одна поверх другой. Достаток женщины определялся качеством и количеством таких юбок: «Покажи мне свою юбку, и я скажу, что ты из себя представляешь».

Но в день траура, Махаррам, по случаю казни имама Хусейна, женщины облачались в черные одежды и не надевали украшений. Люди заполняли комнату, подушечки исчезали под многочисленными шуршащими юбками. Когда молла-ханым, усевшись на свое место, начинала читать Коран или «марсия», беседы прерывались. Затем молла, отложив Коран, уже на азербайджанском языке продолжала описывать в подробностях трагедию имама Хусейна. Сначала женщины слушали молча. Потом кто-то из них начинал плакать, и вскоре рыдали уже все. Все лили горькие слезы и стонали. Казалось, слезам не будет конца. Но стоило молле умолкнуть, в тот же миг женщины, прервав внезапно плач и стоны, вновь переключались на беседу. Мы, дети, разносили в специальных сосудах воду, настоянную на розовых лепестках и прыскали ею на протянутые ладони женщин, которые производили символическое омовение лица, глаз. Это была своеобразная небольшая пауза, «антракт» в траурном действе. После вновь читался Коран и молитвы, вновь возобновлялся плач и лились накопленные во время паузы слезы. Интересно, как удавалось этим женщинам плакать «по заказу»? Не знаю. Но на такие собрания нередко приглашались и профессиональные плакальщицы. Они-то и начинали причитать первыми. Их умение «заводить» восхищало. Вторя им, рыдали все, умывая лица вполне настоящими слеза-

ми. Словом, благодаря этим необычным профессионалкам, траурное собрание проходило на должном уровне. Это был некий ритуальный спектакль, вполне профессиональное религиозное представление.

Нас с сестрами во время таких мероприятий очень привлекали ритуально-фальшивые слезы. По правде сказать, мы по-своему развлекались на этих собраниях. Нам доставляло удовольствие наблюдать за притворно страдающими тетками и порой с трудом удавалось сдерживать смех. Одна пожилая дама казалась нам забавнее всех. Ее стоны, мимический драматизм, двуличие доставляли нам истинное наслаждение. Мы давились от смеха, видя, как она, рвя на себе волосы и обливаясь ручьями слез, умудряется наблюдать за окружающими: каково впечатление от ее мастерства? На таких мероприятиях мы тоже покрывали голову платками, поэтому могли скрывать под ними свои лица и прятать улыбки. А подергивающиеся от смеха плечи можно было принять и за плач. Бабушка, к примеру, именно так и думала. Оттого у нас увеличивались шансы заслужить ее симпатии и уважение, чем мы непременно и очень умело пользовались. Когда фрейлейн Анна приходила за нами, чтоб увести в свои спальни, родня, и особенно бабушка, недовольно косились на нее. Ей приходилось возвращаться без нас. А мы, продолжая хихикать под платками, изображая глубокую печаль, в такие дни ложились спать очень поздно.

Ребенком я очень любила бабушку и еще глубоко не осознавала разделяющие нас черты. Но, взрослея, я все больше ощущала разницу между нами, и моя детская любовь к бабуле иссякла: бабушка принадлежала к иному, чуждому мне миру. Но, а как же кровное родство? Признаюсь, что не чувствовала особой привязанности к своим родственникам. Не знаю, было ли это обусловлено какими-то объективными причинами. Может быть, я сама просто плохой человек. По моим наблюдениям отношения между даже очень близкими родственниками резко ухудшаются, когда дело

доходит до личностных интересов. Если последние не расходятся с интересами семьи, то семейная жизнь протекает в мире и согласии. Правда, порой чувство долга и ответственности подменяют в семьях истинную любовь и привязанность. Мне кажется, что безразличие и равнодушие между членами семьи не такое уж редкое явление. Ведь выбираем мы себе всего несколько друзей среди огромного количества знакомых. Как же трудно выбрать среди немногочисленной родни хорошего человека!

Вот так и увеличилась пропасть между нами и бабушкой. Ее жизнь была продолжением мусульманской истории, возникшей с рождением ислама. Значит, и возрастная разница между нами исчислялась не десятилетиями, а четырнадцатью веками хиджры. Бабушка категорически отвергала европейскую культуру, которую в наших краях представляла культура России. Она даже не знала русского языка, потому что в годы ее юности знание его было необязательным. В ее представлении русские были захватчиками, губителями национальных традиций, народ враждебный. Бабушка относилась к русским с неприязнью и брезгливостью. Эта неприязнь со временем видоизменялась: муж покинул ее, женившись на русской женщине, а дочери, воспитанные на лоне ислама, выйдя замуж, перестали носить чадру, переоделись в европейские платья, стали говорить на каком-то диком смешении азербайджанского и русского языков. И если бы только дочери доставляли бабушке огорчения своим отступничеством! Сыновей и вовсе попортили все дела: получив по настоянию отца образование в лицах, попутешествовав по миру, они перестали придерживаться строгих канонов веры, соблюдая ее лишь на облегченном, бытовом уровне. Открытые в Баку богатейшие нефтяные залежи ускорили развитие и преображение мусульманского населения Кавказа. Нефть стимулировала обогащение и прогресс, и все стремились приобщиться к «культурной жизни», используя

любую возможность. Молодежь уже не устраивали патриархальные и суровые устои и традиции простоватых предков.

Все эти изменения бабушка очень остро ощущала через нас, своих внуков. Детей она воспитала и вырастила сама, и они в какой-то степени еще сохранили уважение к вере и обычаям. В их образе жизни бабушкино воспитание продолжало играть роль. Мы же принадлежали совершенно к новому поколению, воспитанному в чуждой среде, и были непримиримы к издержкам прошлого. Даже родной язык знали очень плохо. Мы часто забывали многие слова, зато прекрасно помнили ругательства, услышанные из уст все той же бабушки. Когда я пытаюсь ее вспомнить, перед глазами встает сварливая, сквернословящая старуха. Она часто ворчала совершенно без причин. Просто так, чтобы самоутвердиться, показать свою значимость. Но если бабушка бранилась и скандалила по-настоящему, тогда от ее голоса дрожали стены дома.

Бабушка, женщина высокая, крупная, дородная, всем своим видом изображала властность. Внешностью своей она внушала трепет домочадцам и прислуге. Бабушка привыкла командовать в доме и держать всех в состоянии покорности и подчинения. Ее внешние данные к этому очень располагали: даже бранясь и крича, она не теряла достоинства матроны. Личность бабушки странным образом сочетала в себе властность и простоту. Не могу сказать, что она вовсе не любила меня, ее отношение ко мне было сложным. И мне доставалось от нее немало ругани и упреков. Да, немало! Но иногда мне удавалось вызвать ее доверие, приластиться, чтоб выклянчить какой-нибудь барыш. Ах, как она не любила, когда я просила у нее денег! Бабушка допускала лесть к своей персоне, но была жутко скупая и не спешила расставаться с денежками.

Ежедневно, спускаясь на первый этаж, мы виделись с ней. Она же редко поднималась к нам наверх. Ей трудно было нести свое грузное тело по ступеням вверх. Это давалось

с трудом, остановками через каждые 2-3 ступеньки, тяжкими вздохами. Порой она так долго, переводя дыхание стояла, вцепившись в перила, что нам становилось ее жалко. С трудом одолев подъем по лестницам и войдя в комнату, она плюхалась в кресло, долго отдувалась, а потом, положив на колени пухлые ладони, выкрашенные хной, наблюдала за нашей жизнью. Наши занятия были чужды ей, созерцание их не могло доставлять ей никакого удовольствия, смысл был ей неясен, а дурной язык, на котором мы общались, казался ей грубым. Бабушка смотрела на наш образ жизни не столько с укором, сколько с надменным снисхождением. Она считала себя и себе подобных более «правильными», а свой ограниченный мир более устойчивым и надежным. Нам, привыкшим к роскоши и богатству, бабушка предрекала сложную жизненную дорогу, полную ошибок. Она оказалась права: свобода порой очень дорого обходится.

Женщин, закутанных в чаршаб, нельзя было назвать несчастными. Им не чужды веселье, смех, танцы, шутки (порой достаточно грубые). Такие развлечения иным даже недоступны. Мечты таких женщин так же просты, как и их жизнь. А многоженство, которое так критикуется многими, вовсе не доставляет им хлопот и переживаний. В отношениях с мужьями они несут иную функцию, чем любовники или подруги: муж – господин своей жены, обязанность ее – рожать детей. Жены редко видят своих мужей. Зато вполне мирно сосуществуют друг с другом и даже часто дружат, вместе ведут хозяйство, растят детей. Могу привести пример такого уклада, который не был чужд и нашей семье.

У брата моей бабушки, которому исполнилось уже шестьдесят лет, при единственной жене не было детей. Его жена тосковала в одиночестве: ни подруги, ни деток! И это доставляло ей немалые душевные страдания. Она так устала от одиночества и скуки, что решила однажды: мужу необходимо завести новую жену!

Как-то утром, когда бабушка клала хну на волосы, к нам пришла Бегим (так звали ту родственницу). Она была возбуждена и сердита:

– Погляди-ка на Аббаса... Говорю, женился бы ты, Аббас! Знаешь, что он мне ответил? «Недосуг мне!». Убила бы его, будь моя воля!. Мне, говорит, и одной жены достаточно. И все тут! У Пророка (да наполнится светом его могила!), говорю, несколько жен было. Неужели ты вторую завести не хочешь?

– Пророк никого не принуждал многократно жениться, – отвечает он мне. – Да, верно, – говорю. – Но я тебя заставлю! Хоть одну возьми! Во-первых, она нам дитя родит. Да и мне тяжело одной. Бегаю от порога к порогу, только бы поговорить с кем-нибудь. Одна я среди подруг такая, от скуки изнывающая. Нет, Аббас, женись – и точка!

– Но ведь я уже не молод, – стал он меня уговаривать.

– Не убудет от тебя! На брачную ночь да на одно дитя сил хватит!

– Отвяжись, – говорит, – глупая баба! Мне 60 лет, самому виднее, что для меня лучше. Всё!

А потом начал меня ругать. Я раскричалась: «Женишься! Женишься!»

– Ни за что!

– Бессердечный, – ору я на него, – безмозглый мужик! Какой же ты мужчина, если не хочешь иметь две жены?

– Обругала его последними словами. А он рассердился и ушел из дому. Запугал! Нет, я этого так не оставлю! Что же мне делать? – едва сдерживал слезы, вопрошала Бегим.

– Что делать?

Бабушка аккуратно укладывала листья фисташкового дерева поверх хны на моих волосах. Наконец она произнесла: – Выбери сама понравившуюся молодую девушку. А как выберешь, приходи ко мне. Постараюсь уговорить Аббаса. Безумец, дурак безмозглый! Может быть, и он хочет походить на русских, чтоб их змеи покусали!

И жена одна, и детей нет – ничего себе! Ты, давай, найди себе подругу, после посмотрим. Да, знаешь, у свояка нашего Мухаммеда, горбатого Аслана, чудная дочка подросла. Хорошенькая такая. И характером, говорят, покладистая. Погляди, сходи, на нее. По-моему, она тебе понравится. Будет тебе хорошей подружкой.

Бегим так и поступила. Повидалась с девушкой и облюбовала ее. А бабушка переговорила с Аббасом. Тот сперва упрявился и категорически отказывался. Долго спорили. Никак не соглашался Аббас жениться! Но бабушка была настойчива, и ее упорство было вознаграждено: Аббас обессилел в споре и сдался! К сожалению, у него все равно не родилось дитя. Зато Бегим была довольна. У нее наконец-то, появилась подруга! Со скукой и одиночеством покончено!

Как видно, многоженство имело и свои положительные стороны.

Оттого, что половину года мы проводили в деревне, была возможность ближе узнать жизнь мусульман. Население Баку было смешанным: были здесь и русские, и армяне, и грузины, и европейцы. Население же деревень составляли исключительно мусульмане.

Я очень любила эту благословенную деревню. Здесь было меньше учебы и больше свободы. Времени для игр и развлечений было гораздо больше. Кроме того, в деревне мы находились вместе со своими двоюродными братьями и сестрами. Это замечательные ребята. Я расскажу о них чуть позже.

С наступлением весны я с нетерпением ожидала завершения ненавистной городской жизни. Уже в мае Баку становился знойным, пыльным и невыносимым городом. Подготовка к переезду была долгой – ведь нам предстояло провести в деревне шесть месяцев. В то время у нас еще не было автомобиля. Путь в первой половине лежал по железной дороге, а затем продолжался на фазтоне. В солнечное майское утро неторопливый поезд не спеша повез нас в де-

ревенский край, такой желанный. Об этом мы мечтали всю зиму. Когда я впервые увидела поезд, он показался мне красивым и торжественным с виду. Раздавался свисток – сигнал отправления. Поезд медленно трогался и начинал свой путь через каменистые поля, с недолгими остановками, приближаясь, наконец, к пыльной станции, где полно мух и пахло нефтью. Вокруг находились буровые. Вся окрестность заполнена нефтяными вышками и огромными чанами. В воздухе всегда стоял запах нефти. Но мне он нравился. Я с удовольствием вдыхала его. Ведь я родилась в поселке нефтяников, и этот запах был мил мне с детства. Я наслаждалась им.

На крошечной станции нас уже поджидали разрисованные сверкающими на солнце узорами фаэтоны и два извозчика с похожими именами – Зейнал и Зейни. Мы громко здоровались с ними. Зейнал и Зейни разглядывали нас, как заботливые отцы, радуясь тому, что мы подросли несколько с прошлой осени. Затем нас рассаживали, багаж укладывали, и фаэтоны, набирая скорость, стучали колесами, выбивая эхо из стен вдоль буровых. Зейнал и Зейни, погоняя лошадей, всю дорогу громко говорили. Фаэтон переваливал через холмы и катился по абсолютно голой степи. Мы пыхтели от жара и пыли, то и дело повторяя: «Ну и жарища! Ну и пылища!» И так два часа тряски и неудобств. Но через два часа все менялось. Хотя дорога по-прежнему оставалась неудобной, вдалеке показалась чудесная лазоревая гладь моря, которой мы любовались, еще издали с крутой степной дорожки.

Море лежало за высокими каменными стенами нашего двора – сада. За противоположными стенами была голая степь. Сады, полные благоухающих цветов, напоминали оазисы в пустыне. Было удивительно видеть столько зелени внутри каменных оград, когда вокруг лежит безводная степь.

Фэтоны, минуя небольшие электростанции, снабжавшие электричеством наше хозяйство, хлева и загоны для скота (я их называла «бараньими квартирами»), останавливались перед красивыми лестницами нашего дома. Первые минуты после прибытия в деревню были самыми приятными. Даже цветы сперва казались гораздо больше, свежее, ароматнее. Вода же в бассейне была чище и прозрачнее. Я сразу же принималась за обход подряд: ягнят и телят, цветов и деревьев, и даже с камнями здоровалась. Как и большинству детей, все предметы казались мне одушевленными. Я верила, что деревья и цветы слышат меня и понимают. Они даже отвечали мне на своем незатейливом языке. Надо было уметь их понимать, не каждому это дано. Иногда фрейлейн Анна, заметив, что я «разговариваю» с деревом или поленом, журила меня, грозась наказать. Меня это очень удивляло: за что же? Мне казалось несправедливым, что видимый и доступный мне мир не видят взрослые. Они просто слепы! Краски мира взрослых были более тусклыми, а явления унылыми. Иногда я сердилась на старших за их недопонимание. Но порой и жалела их: как же скучен их мир!

Все деревья в саду были моими братьями. С теми, что помоложе, я не очень ладила: они были юными и упрямыми. Деревья постарше дружили со мной и уважали меня. Играя в железную дорогу, мы с двоюродными братьями использовали листья этих деревьев в качестве железнодорожных билетов. Ветки побольше заменяли нам лошадок. А мелкие ветки использовались мальчиками для устрашения. Иногда мы плели венки из тонких и гибких веточек, водружая их на голову своему предводителю. Самое старое дерево я избрала себе в дедушки. Оно было очень величественным и мудрым. Дерево очаровало меня таинственным шелестом своей листвы, будто шепча ласковые слова. А когда я что-либо рассказывала ему, оно наостряло листья-ушки и очень внимательно слушало. Дерево было снисходительно ко мне и терпеливо.

В песке большого виноградника местами торчали серые обломки скалы. Один из самых крупных камней считался моей собственностью, и с этим вынуждены были соглашаться даже мои двоюродные братья. Когда солнце нагревало мой валун, я, лежа на нем, воображала себя на песчаном полуострове, а вокруг – море.

В винограднике была старая лоза. Сидя под ее развесистыми ветвями, я представляла себя в старинном доме. Прислонившись к стволу, рассказывала лозе, как старому другу, свои самые сокровенные тайны. А мудрая старая лоза ничему не удивлялась. Именно здесь я впервые раскурила сигарету, в тени безмолвной старушки-лозы.

Среди виноградных кустов был старый высохший колодец, к которому я часто навевывалась. Он был никому не нужен и оттого жалок и несчастен. Я представляла себе его заплаканные покрасневшие глаза и сочувствовала бедняге. Среди нагретых солнцем камней старого колодца шныряли юркие ящерицы. Они были верными подружками заброшенного колодца. Я искренне радовалась, когда количество ящериц становилось больше: значит старый колодец не одинок, друзей у него стало больше и можно быть за него спокойной.

Мои же друзья в саду встречались повсеместно. Это было и грушевое дерево, и вьюнки, и розовые кусты, и бассейн, и даже лестница. Я сама выбрала себе этих друзей и была ими довольна. В отличие от людей, они помнили добро и умели быть благородными. И я относилась к ним с нежностью и заботой.

II

Дом наш был велик и разделен на две части. В каждой части – по десять комнат. Площадку у входа мы называли «долан». Здесь даже в самые жаркие дни было прохладно – постоянный сквозняк, которого так боятся европейцы. А для

нас он ровным счетом ничего не значит. Наоборот, сквозняки специально устраивались, чтоб принести в дом прохладу. Поэтому небольшие площадки - «доланы» в деревнях имелись перед каждым домом.

Несмотря на просторность дома, летом он едва вмещал всю собравшуюся родню. Бабушка приезжала со своей прислугой, а тетка – с мужем. Муж другой тети был недружен с моим отцом. Они часто ссорились. Поэтому он на дачу не приезжал. Но его жена привозила сюда пятерых своих детей. Фрейлейн Анна терпеть их не могла. Все они были лгунами, воришками и ябедами, портили нам весь отдых. Кроме нас, четырех сестер и фрейлейн Анны, жил на даче и младший брат отца Ибрагим. Он был еще холост, был веселым и озорным малым. Вместе со своей родней, бесчисленной прислугой, пятнадцатью садовниками, извозчиками и пастухами, наша дача напоминала небольшой поселок.

В доме были и хозяйственные постройки. Пекарня находилась в распоряжении бабушки. Хлеб здесь выпекался сразу на всю неделю. Был у нас и курятник, и прачечная, и многое другое. Но более всего заслуживала внимание просторная баня в конце двора.

Из-за этой бани все родственники победнее завидовали нам. Она была одновременно и местом встреч бабушки со своими гостями.

Делать покупки на рынке не было необходимости: хлеб выпекался дома, фрукты и овощи выращивались в своем хозяйстве, мясом обеспечивала собственная скотина. Словом, все было «под рукой».

До тех пор пока отец был холост, мы были вместе. Вместе собирались и за большим столом. Нетрудно себе представить размеры такого стола! Во время обедов шум стоял невообразимый. Дети перекрикиваем друг друга, стараясь быть услышанными. Да и беспорядок создавался соответственный. Например, восседавшая во главе стола бабушка ела руками, по старинке. Но делала это намного аккуратнее, чем мои дя-

ди и тети, которые пользовались вилками и ножами. Фрейлейн Анна была единственной чужестранкой за этим столом. Она испытывала определенный дискомфорт. Потому что не могла делать нам замечаний по поводу неправильного поведения за столом и неряшливости – это могло обидеть других присутствующих. В те времена наша грубость и неотесанность не были заметны мне. Все представлялось само собой разумеющимся. Лишь сейчас я понимаю, какие чувства мог испытывать за нашей необычной трапезой человек из Европы, носитель совсем иной культуры.

Плохой русский язык старших, немецкий, на котором фрейлейн Анна обращалась к нам, азербайджанская речь – все это создавало странное языковое смешение. Свой родной язык я не любила. Он казался мне грубым и крикливым. Неприязнь к своему языку мешала мне изучать его.

А сколько невинных барашков закалывалось для блюд, готовящихся к нашему столу! Мы ели не только баранину, но и говядину. Правда, ее покупали, заказав заранее у мясника. Бабушке приходилось раскошелиться. Она руководила бюджетом всех присутствующих здесь семей и была очень экономна. Но, несмотря на ее прижимистость, всего было вдоволь. И все же расходы причиняли ей, человеку, экономившему даже на дармовых продуктах, глубокое расстройство. Изъятие денег из заветных кошельков было для нее делом мучительным, и она всячески старалась избегать этого.

У бабушки было три дочери – пышнотелые, волосатые дамы, кичащиеся своей приверженностью к новомодной европейской культуре. Они говорили на смеси русского и азербайджанского языков, курили папиросы, шили себе наряды в самых дорогих бакинских «Домах моды». А уж как они любили украшения! Были увешаны ювелирными украшениями с головы до пят. Даже к волосам прикалывали золотые заколки. По характеру же все три были очень ехидные, обожали сплетни и интриги. Говорили они очень громко, перекиваясь друг друга. Со стороны могло показаться,

что они ссорятся. Весь день тетки без усталости болтали, без конца играли в покер и бездельничали. Тем не менее, эти бестолковые болтушки были такие высокомерные, что относились свысока даже к своим родителям. Никто им не нравился! Стоило одной из этих дам покинуть помещение, как остальные тотчас начинали говорить о ней и ее детях и – ничего хорошего. Казалось, они ненавидят друг друга. Тем не менее они никогда не разлучались, всегда были вместе и очень скучали друг без друга, если ссорились.

Серьезные споры и дразги среди них начались после смерти деда. Не стало покоя, когда возник вопрос о разделе наследства. Сестры оказались меж двух огней: мужа заставляли их требовать от моего отца своей доли имущества. Но отец, будучи главой семьи и руководителем фирмы, при разделе наследства мог потерять свою руководящую функцию. Когда одна из сестер отважилась, наконец, смущаясь, попросить у него своей доли, он преспокойно спросил у нее:

– Тебе-то деньги для чего, сестрица?

– Муж требует...

– Твой муж лодырь и бестолочь. Этот тунеядец хочет пожить за твой счет.

Муж ее разгневался, когда жена вернулась с пустыми руками.

– Твой брат вор! Либо ты возьмешь свою долю, либо я разведусь с тобой, – стал угрожать он жене.

Так что, сестры и стали жертвами лукавого братца и разгневанных мужей. Нельзя было позавидовать их положению.

Родственники, не стесняясь, бранили отца даже в моем присутствии. Но, странное дело, меня это не возмущало. Наоборот, я еще больше уважала своего отца, и считала его поступок правильным. Исходящие злобой и завистью из-за наследства, дядьки обзывали моего отца разбойником, жуликом, мерзавцем. В их глазах он представал вором и интриганом. Но не только они считали себя незаслуженно обой-

денными. Вскоре вторая жена деда, русская женщина, обратилась с иском в суд, требуя своего права на дедово имущество. Дела стали совсем плохи. Все так запуталось и ухудшилось, что трудно было в чем-либо разобраться. Наследники грызлись меж собой, не умея найти какое-то приемлемое решение.

Никто не хотел уступать. Все завидовали друг другу. Неприязнь, подозрительность, враждебность, зависть – вот как можно было охарактеризовать отношения между родственниками. Вот так и прошли в судебных тяжбах долгие годы. Но грянула революция, и разом решила все их споры...

Одна из моих теток с мужем и тремя детьми жила по соседству с нами, в доме за высоким каменным забором. Между нашими дворами была дверь. Но не простая: она, как барометр, реагировала на накал страстей между родней. Когда отношения были нормальными, дверь оставалась открытой. Когда же они портились, запиралась с обратной стороны.

Только старшая из теток, Рена, нравилась мне. Это была женщина с непростым характером – вспыльчивая, нервозная, беспокойная. Но сердце у нее было доброе. Меня, сиротку, она жалела и относилась с нежностью. Своих детей у Рены не было. Среди сестер Рена была самой «культурной». Она наняла для себя учителя музыки, обучалась игре на фортепьяно. С большим трудом ей, наконец, удалось осилить модную в те времена мелодию вальса «Над океанскими волнами». Правда, исполняла она этот вальс неважно, постоянно сбиваясь с ритма. Пытаясь приобщиться к европейской культуре, тетя Рена бралась за чтение французских романистов. Это давалось ей с таким трудом! Отец все время посмеивался над ней, утверждая, что Рена завершила чтение «Войны и мира» за семь лет. Были у нее попытки заняться и французским языком. Наняв преподавателя, Рена стала изучать французский. Но и эта наука давалась ей с трудом: ее французский оставлял желать лучшего. Так, нарочито подчеркивая разницу между своим мужем и собой, она немедленно говорила: «Ты есть

глупый». А муж, казалось, сознательно раздражал ее. Этот огромный, но очень мягкий по характеру человек был несколько глуховат. Глухота, однако, была ему на пользу. Она помогла дяде мирно уживаться с самыми деспотичными и злыми на язык родственниками жены. Случалось так, что тетя Рена, вовсе не смущаясь присутствия мужа, достаточно громко произносила:

– Несчастный думает, что я его люблю. А я его просто терпеть не могу!

Ее муж, охраняемый своей глухотой, не огорчился и чувствовал себя вполне счастливым, не слыша и половины бранных и унижительных слов в свой адрес. Потому и с отцом моим был дружен только он, в отличие от других зятьков. А дружить с моим отцом-скандалистом было не так-то просто. Правда, иногда возникали мелкие трения, но они были несущественны. В целом, в отношениях этого дядьки с моим отцом правили мир и дружелюбность.

У младшей тетки, которая проводила с нами лето, было пятеро детей. Двое самых младших были неинтересны мне – совсем малютки. Остальные трое – нечто особенное! Самую старшую звали Гюльнар. Это была болтливая, двуличная интриганка. Кроме того, в свои двенадцать лет она вела такие разговоры о мужчинах, как будто имела в этом вопросе богатый опыт. Говоря мне о наших предстоящих отношениях с противоположным полом, Гюльнар со знанием дела почала:

– Мужчины эгоистичны и себялюбивы. Им ничего не стоит сделать нас беременными. Воспользуются любым удобным моментом! Надо быть начеку – своего не упустят!

– Неужели все так, как ты говоришь? – поражалась я ее «опыту» и «способностям».

– Не только я говорю! Все именно так и есть! – утверждала Гюльнар. Говоря мне эти слова, она сама не упускала возможности строить глазки проходящему неподалеку садовнику. Ох уж эта Гюльнар! Она только и думала о мужчи-

нах. А вот об учебе ей думать не хотелось. Ее беспечная мамаша не обращала внимания на ранние фантазии дочери. Отец, правда, иногда поругивал. Но это было несерьезно и длилось недолго.

Гюльнар я любила. Но и ее младшие братья-близнецы, Асад и Али, мне тоже нравились, даже несмотря на их грубость и неискренность. Я многому научилась у этих мальчишек и даже слушалась их. Старания фрейлейн Анны препятствовать нашему общению были безрезультатны. Я всегда находила для этого возможность. Что-то тянуло меня к этим чрезмерно раскованным, ворчливым сплетникам и ворюшкам. Именно так! К их рукам прилипало все, что плохо лежало. Спрятав в карманы чьи-то по рассеянности забытые деньги, они цинично заявляли: «Мы - единая семья, и все у нас общее». Они произносили эти слова не как оправдание своей вороватости, а как непреложную истину. И других мнений быть не может! А как эти братья красочно описывали процессы, идущие в их желудках после обильного приема пищи! Мы с Гюльнар слушали их, разинув рты. Заходить в туалет после этих чревоугодников было просто невозможно. Все выбеленные стены туалета были вымазаны нечистотами! Их «художества» могли поразить взгляд и изображением небесного светила, и абстракционистским кошмаром. А бегающие по этим «шедеврам» сороконожки, привлеченные сыростью, придавали им особый вид – восхитительно-омерзительный. И сейчас, вспоминая ту картину, я ощущаю отвратительный запах сырости и нечистот. А увидев сороконожку, словно вновь попадаю в это побеленное и замаранное мальчишками отхожее место.

И курить меня научили двоюродные братья. Зная их дурной нрав, я не ходила курить с ними туда, куда они звали. Моей курительной были прикрытые виноградником тайные местечки. Я курила, давась от кашля, а мои «учителя» смеялись надо мной и дразнили. Отправляясь в «курилку», мы с Гюльнар набирали в карманы сухие чайные листья и

жевали их после курения, чтоб отбить запах табака. А потом соревновались, плюясь: кто дальше заплюнет. Это тоже входило в число наших развлечений. Безусловно, в таких соревнованиях, победителями выходили именно они, Асад и Али. А уж как они любили карточную игру! Надо сказать, играли они мастерски. Мы с Гюльнар понимали, что братья ведут себя как настоящие карточные шулеры, и мы останемся в проигрыше. Но от этого желание играть в карты не уменьшалось. Порой удавалось подловить близнецов на обмане. Тогда начиналась настоящая свара. Мы бранились и дрались. Но, тем не менее, продолжали играть и, плача, мириться с проигрышем. Иногда, проявляя великодушие, Асад и Али, устраивали «консервное угощение», потратив выигранные у нас же деньги. Они покупали у щербатого бакалейщика консервы и угощали нас на своеобразных «банкетах». Эти «банкеты» были для нас истинным наслаждением!

Асад и Али были жуткими обманщиками. Они врал даже тогда, когда в этом совсем не было необходимости. Эти лицемеры утверждали, что ложь – тоже благо. Ведь она так часто избавляет от наказания!

Мальчишки ввали с легкостью, убедительно, даже, должна сказать, с неким изяществом. Поэтому сомневающимся было трудно распознать ложь, и им верили. Они казались такими искренними! Эти мальчишки были мастерами преобразования.

Именно братья-близнецы объяснили мне, что происхождение детей из капусты – чушь! Милую сердцу фрейлейн Анны блажь о капусте, в которой находят детей, братья весьма категорично опровергали:

– Они считают нас дураками? – выходили из себя разгневанные братья и, указывая на свое срамное место, утверждали: – Вот она, их капуста!

А еще эти мальчишки были страшные грязнули и неряхи. С водой они не дружили, мыться не любили и часто

ходили чумазые. Правда, в очень жаркие дни им нравилось плескаться в бассейне.

...В наших засушливых краях все растения нуждались в поливе. Воду качали из глубоких колодцев, заполняли ими бассейны, а затем посредством канавок поливали сад. В огражденном каменной стеной саду с раннего утра до позднего вечера работали десять-двенадцать садовников. Своими кетменями они то рыли новые, то перекрывали старые канавки, обеспечивая равномерный полив растений. Чистка бассейнов тоже входила в их обязанности: их чистили, мыли, наполняли свежей водой. Бассейнов в саду было несколько. Они были разные и по форме и по объему: одни большие и глубокие, другие поменьше, одни округлой формы, другие квадратные. А вокруг бассейнов росли фруктовые деревья и замечательные цветочные кустики. Вода в некоторых бассейнах была такой чистой и прозрачной – так и манила своей голубизной и свежестью.

Самый большой бассейн играл роль водохранилища. Он был так велик, что чистить его было почти невозможно. Поэтому вода в нем становилась затхлой, мутной и грязной. Этот бассейн находился на самой длинной аллее сада, окруженный развесистыми деревьями. К нему можно было подняться по лестнице и спрятаться наверху. Ограды по краю не было. Можно было запросто свалиться в илистую вонючую воду или в противоположную сторону, на землю. Но Асад и Али, постоянно лазившие по краю бассейна, ни разу не свалились в него, ни разу не ушиблись и не отведали его грязной водицы.

Деревья окружали бассейн зеленым кольцом. А на его широких стенах друг против друга стояли лежаки, на которые всегда падала прохладная тень густых ветвей. Кожура их плодов лопалась прямо на глазах, и мы с легкостью их собирали. Место, где находился бассейн, было несколько удалено от дома и выглядело очень живописным и поэтичным. Казалось, что в водорослях, покрывающих дно, обита-

ют таинственные существа. Я часто лежала на краю этого огромного бассейна, устремив взгляд в мутную воду и пытаясь обнаружить в шевелящихся водорослях какие-нибудь фантастические создания. Как им удастся так хитро прятаться? Я лежала так долгие часы, подставляя жарким лучам солнца спину. Иногда мне чудились чьи-то изучающие глаза, и я в страхе вскакивала и убегала, приняв свое собственное отражение за водяное чудовище, готовое схватить меня и уволочь на дно, как это бывает в сказках Андерсена. Страх придавал силы моим ногам, и я неслась подальше от таинственного места, туда, где стоял шум и гвалт играющих ребятшек, где мне становилось привычнее и спокойнее.

Но самое большое удовольствие доставляло нам купание в Каспийском море! Несмотря на отдаленность от дома на несколько километров, с нашего холма темно-синяя гладь моря казалась совсем рядом. Почти до самой воды вереницей тянулись плоские крыши домов и дворы, зеленеющие листвой смоковниц и виноградников. Эти маленькие домишки и садочки не принадлежали богатым и надменным нефтяным магнатам Баку. Здесь жили их менее удачливые и бедные родственники, которым фортуна не подарила нефтеносного клочка земли. То были жилища бедняков.

Говорят, что Каспий постепенно мелеет, отступает, испаряется. Когда я думала об этом и представляла, как уходит от нас все дальше это чудесное море, мне становилось очень грустно. Неужели наступит день, когда я не увижу море со своего балкона?! А что же станет тогда с теми, что живут ниже? Но, к счастью, море все еще радовало глаз серебристо-синей гладью, и я не уставала любоваться им. Часто в море виднелись нефтяные танкеры и баржи. Некоторые из них принадлежали нашей семье. Они гудели, проплывая, как бы приветствуя нас.

Дорога к морю создавала массу неудобств. Можно было запросто увязнуть в глубоком зыбучем песке. Передвигаться по такому песку можно только пешком, либо на му-

лах, да и то очень медленно. До пляжа добирались почти два часа. Но желание окунуться в ласковые лазурные волны было так велико, что мы без раздумий пускались в это короткое путешествие под палящим солнцем, по изнуряющему раскаленному песку. В повозки укладывались старые паласы, узелки с одеждой, хлеб, овощи и фрукты. Мы отправлялись в путь, а те, кто оставался дома, молились о нашем благополучном возвращении. Повозки двигались, стуча о камни, натываясь на куски скалы, утопая в песке и поднимая пыль всю дорогу. Когда Асад и Али спускались с повозки, чтоб продолжить путь пешком, я увязывалась за ними. Мы шли вслед за арбой, ругались, неприлично бранились – тоже своего рода развлечение. Иногда мы ранили босые ноги об острые камни и колючки, но все равно предпочитали идти пешком. К счастью, наши огрубевшие за лето ступни были привычны к таким походам. Летом отец приучал нас ходить без обуви. Считалось, что это способствует укреплению здоровья и выносливости. Возможно, что это так. За лето наши исцарапанные, обожженные пятки становились грубыми, как у дикарей.

Дорога изнуряла, но мы не соглашались вновь взбираться на повозки. Конец пути был самым трудным, мы уставали до крайности, но были довольны своим упрямством.

Есть восточная поговорка: «Неприлично взбираться на ишака. Но слезать с него неприлично вдвойне». Вот мы из упрямства и не садились в арбу, тащась за ней уже из последних сил.

Как я уже говорила, наш дом находился на холме, а ниже, по всему пути до моря, располагались низкие неказистые на вид домики бедняков. Богачи смотрели на них кичливо, свысока. Дома их бедны, заборы кривы и низки, а во дворах, кроме смоковниц и винограда, почти ничего не росло. Здесь не было глубоких колодцев и ирригационных приспособлений. В каждом дворе рылся небольшой, обшитый изнутри природным камнем колодец, воды которого едва

хватало людям и скоту. В домах бедняков не было электричества, тут пользовались керосиновыми лампами. Эти бедняки были очень милые и добрые люди. Любой, кто встречался нам на пути, обязательно здоровался и улыбался тебе. Каждый приглашал войти в дом, быть его гостем. Взобравшись на плоские крыши своих лачуг, люди приветствовали нас. И все это было очень искренне до умиления. Если все же приходилось войти в чей-то двор, то хозяева обязательно угощали нас инжиром и виноградом со своих деревьев, подносили прохладной колодезной воды. Женщины заводили беседы. Им так охота была посудачить со своей богатой родней!

– А знаешь, что учудила Ага-баджи? – говорит одна. Другая перебивает: – А что Бахар-ханым говорит, знаете?

Без умолку, крича, смеясь, поругиваясь, все хотели принять участие в разговоре. И так, заглядывая то к одним, то к другим дальним родственникам, мы, наконец-то, добирались до моря. Наши тела, еще не соприкоснувшись с волнами, ощущали их свежее дыхание. Их чудный шелест и журчание проникал в наши уши, мы вдыхали с наслаждением непередаваемый горьковато-соленый морской воздух. И нипочем нам были острые ракушки, впивающиеся в ноги! Вот и море – лазоревое, прохладное, с белыми «барашками» на невысоких волнах! Журча, волны набегают на песчаный берег и тотчас тают, а шелковый южный ветер, гилавар, вмиг снимает всю усталость от длинного и утомительного пути.

Модники тех лет носили купальные костюмы, какие носят в Европе. Эти костюмы выглядели эксцентрично: какие-то черные мешки с дурацкими оборочками. Простые люди, далекие от таких «культурных» нововведений, купались в нижнем белье, которое походило на пижамы: рубашки с длинными рукавами и панталоны до щиколоток. Наши женщины почти все были очень толстые и бесформенные. Большие животы, обвислые груди, необъятные зады – все это признаки, вероятнее всего, их малоподвижного образа

жизни. Многие из женщин были очень волосатыми, с короткими шеями и безобразно расплзшимися талиями. Правда, некоторые были весьма милостивы на лицо. Но фигура – просто омерзительная! Да простит мне Аллах такие слова!

И лишь одна фрейлейн Анна с ее гладкой и белой кожей вызывала у меня чувство восхищения.

Не желая участвовать в морских приключениях двоюродных братьев, я наслаждалась лежанием на мелководье. Небольшие волны то и дело накрывали меня. Они заботливо охлаждали тело, перегретое на солнце.

Я готова была лежать так часами, но у фрейлейн Анны были свои порядки и строгий контроль. Она считала, что соленая каспийская вода может причинить мне вред. Поэтому каждые двадцать минут я слышала тревожный оклик своей няни. Меня это очень огорчало. Ну почему так необходимо выполнять все указания? Неужели так будет всегда? Мне было тревожно за будущее. И чем больше я думала о контроле и запретах, тем больше огорчалась. Выходит, всю свою жизнь придется выполнять чьи-то указы, чужую волю, и решение. А поступать по-своему почти не придется?.. Я тяжело вздыхала о своей доле и, чтоб развеять грустные мысли, начинала поглощать сочный виноград...

III

Моя бабушка была странной женщиной. Она командовала всеми, кто окружал ее каждое лето в деревенском доме. Да и ее необъятные формы располагали к повелительству. Я уже говорила, что она была своенравной и властной женщиной. Когда она вставала со своего топчана, казалось, что перед тобой возникает сказочное чудовище. Обладательница такой внешности не могла быть кротким человеком. Дни напролет она то и дело отдавала приказания, что-то требовала, бранилась, сотрясая стены дома. Полнота не позволяла ей много передвигаться. Бабушка чаще сидела в

своим кресле, напоминающем трон Луи XIV. Она восседала, как императрица, в этом кресле и так принимала своих посетителей. Ее гигиенический сосуд-афтафа неизменно стоял рядом. С мужчинами она говорила со свойственной мусульманской женщине почтительностью и скромностью, покрывая лицо покрывалом. Надо сказать, несмотря на сварливый характер, своим видом она вызывала уважение. В отличие от мужчин своего сословия, другим от нее частенько доставалось. Не раз она, например, задавала трепку трясущемуся от страха какому-нибудь садовнику. Бедняга трусливо дрожал от одного ее вида! Точно так же бранила она своих дочерей, сыновей, зятьев. Даже отец, ставший после смерти деда во главе семьи, в ее присутствии не чувствовал себя абсолютно свободным и независимым человеком. Правда, отец всегда поступал по-своему, но старался не обидеть мать. Только нас, детей, не касался ее гнев. Нас она жалела и, как могла, нежила. Мы часто этим злоупотребляли, добиваясь своих целей. Бабушка часто угощала нас пахлавой – самым вкусным в мире лакомством. Когда фрейлейн Анна искала нас, мы прятались под подолом ее огромных складчатых юбок. Бабушка дарила нам цветные лоскутки на платья нашим куклам. Самым же высоким проявлением любви к внукам было одаривание деньгами. Для меня же ценнейшей и желанной наградой были посещения бани, куда бабушка брала меня с собой. Посещение бани с бабушкой – особенный ритуал, и он доставлял мне неопишуемую радость.

В банные дни в нашем доме собирались бабушкины бедные родственницы со своими ребятишками и узелками с чистым бельем и банными принадлежностями. Садовники с раннего утра принимались за растопку бани. Она состояла из предбанника, раздевалки и просторного помещения для купания. По краю, у стен, были каменные бассейны – один с холодной водой, а другой – с горячей. Воду набирали из кранов, расположенных вдоль стен. В бане было весело. Женщины мыли головы специальной пенящейся белой гли-

ной-гюлаб. Терли друг друга мочалками, удаляли с тела волосяной покров с помощью натурального средства, не очень приятно пахнущего. Они чистили лица специальной ниткой, такой экзотический способ не знаком европейцам. После начинался ритуал окраски хной, которую клали не только на волосы, но и на отдельные части тела. Было порой и такое неприятное зрелище: приходилось видеть, как кое-кто выводит вшей. Не совсем понятно, как ими успевали обзаводиться, еженедельно основательно купаясь. В бане женщины не только мылись. Это была огромная говорильня. Женщины беседовали, обменивались шутками, рассказывали сказки и разные истории. Иногда, здесь же, в бане, женщины решали и брачные вопросы. Такие разговоры делали банную процедуру еще интереснее и насыщеннее. Надо было видеть, как распаренные толстозадые тетки в паузах между намыливанием и обливанием решают судьбу своих холостяков и девушек!

За участие в «банном празднике» я была готова на все. Случилось как-то, что бабушка в наказание за не очень существенную провинность решила не брать меня в баню. Я очень рассердилась и решила отомстить. Как только все женщины собрались в бане, я закрыла снаружи дверь и спрятала ключ. Затем я отправилась играть с ребятами и совсем забыла о своей проказе. Когда женщины, накупавшись и завершив «банное торжество» собрались выходить, дверь оказалась запертой. В панике они начали кричать и причитать, но никого поблизости не было, никто их не услышал. Женщины были страшно напуганы, они не могли даже дотянуться до слишком высоко расположенных окошек. Больше часа, крича и вопя, перепуганные, злые и голодные, были они пленницами в жарко натопленной бане. Наконец, их голоса услышал случайно проходивший мимо садовник и, приблизившись к двери, обнаружил, что она заперта на ключ. Он побежал в дом и рассказал о случившемся. Дверь

бани открыли другим ключом, и бедные женщины, измученные жарой, обрели свободу.

Когда я узнала о происшедшем по моей вине, из-за моей шалости, то чуть не умерла от страха. Я была очень перепугана и не призналась, а все подумали, что это проделка Асада и Али. Как они не клялись, никто им не поверил, и мальчики были наказаны. Правда, не очень строго, ведь вину их доказать не смогли.

Но, хотя и не сурово, но все же наказанные, они не хотели мириться с наказанием – это несправедливо! Когда прошел страх, все стало казаться мне смешным и забавным: вечные лгунишки, Асад и Али, впервые говорили правду, а им никто не поверил! Как в сказке про пастушка-обманщика: у лгуна сгорел дом, но никто ему не поверил.

Наши бедные родственники иногда с разрешения бабушки стирали свое белье в бассейне, полном лягушек. Из-за квакушек бассейн называли «лягушачьим озером». В вечерние часы из него доносилось невообразимое тысячеголосое кваканье, от которого закладывало уши.

– Ох, уж эти лягушки! - качали головами родичи.

Этот бассейн был невысоким, но широким, поэтому очень удобен для стирки. Женщин, стиравших в нем белье, совсем не смущала мутная и грязная вода. Здесь же иногда мыли бабушкину посуду, купали детей. Иногда даже обмывали ноги.

Однажды Асад и Али принесли мне радостное известие: есть возможность подшутить над нашей дальней родственницей, которую называли «Ами досту». Мы и сами не понимали, за что не любили эту несчастную женщину – она ведь не сделала нам ничего плохого.

Вот и отправилась я вместе со своими братьями-задирами к «Лягушачьему озеру». Вокруг него стояло с десятков женщин-прачек, усердно теребя, полоща и выкручивая белье. Они развесили рядом свои чаршабы, которые развевались, как огромные черные флаги. Все знали, что во время

стирки никто из мужчин не ходит в сторону этого бассейна. Женщины ловко расправлялись с бельем, полагая, что в такой воде оно станет чище (?). Крупные хлопья грязной пены стекали то в один, то в другой угол бассейна, скапливаясь на поверхности воды. Языки женщин работали так же бойко, как и руки. И одно не мешало другому. Наоборот, чем больше уставали руки, тем шибче работали языки, облегчая накопленное на душе. И бабушка присутствовала тут. Правда, она не стирала белье, но внимательно слушала разговоры прачек, наблюдая за их работой. Когда начинала говорить бабушка, все почтительно умолкали. А она говорила, не обращаясь ни к кому, как будто говорила и с водой, и с женщинами, и с окружающими деревьями, и с птицами. Вот и на этот раз, когда мы подошли поближе, бабушка «вела» беседу. Увидя нас, она на мгновение замолкла и посмотрела на нас с подозрением:

– Ну, что вам здесь нужно, дьяволята?

– Ничего, бабушка. Просто пришли, посидеть возле тебя, – вкрадчиво ответили мы, изображая самую невинность. Мы по очереди подошли и поцеловали ее потное лицо (было очень жарко!). Но похоже, она не больно нам поверила: опыт подсказывал ей, что принявшие учтивый и застенчивый вид близнецы что-то затевают, какую-то очередную пакость. Мы тихонечко присели возле бабушки, а она, глубоко вздохнув, продолжила разговор.

Асаду и Али еще не исполнилось тринадцати лет. Поэтому им разрешалось присутствовать на женских собираюшках. А женщины не прятали от них своих потных лиц, их чаршабы по-прежнему развевались неподалеку. Женщины продолжали увлеченно отжимать и выкручивать свое белье. Даже знойное солнце не могло заставить их прекратить работу.

– Да, – продолжала бабушка, – значит, Фарида ответила, что не хочет идти замуж за Акпера. Ему, мол, 60 лет. Вот

оно, влияние неверных! Боже, что же с нами будет? К чему мы идем?

– Боже! – хором подхватили женщины.

– К чему мы идем? – взволнованно повторила бабушкин вопрос Амидосту, из-за которой, собственно, мы сюда и пришли.

Она посмотрела маленькими глазенками на бабушку и с беспомощным выражением лица еще раз повторила:

– К чему мы идем?

Бабушка сделала неопределенный жест, взмахнув ладонью над головой. Перстни на ее пухлых пальцах сверкнули в лучах солнца. Потом она опустила руку на согнутое колено и произнесла:

– Все во власти Аллаха!

Десятиголосный хор женщин разом подхватил:

– Все во власти Аллаха!

На небе не было ни облачка. Солнце нещадно палило, раскаляя воздух вокруг. Пот стекал со смуглых женских лиц прямо в воду, капая на отжимаемое в ловких руках белье. Никто и не пытался вытирать пот. А что пользы? Зряшное дело – сразу же снова вспотеют! И не стоит понапрасну тратить на это силы. Женщины продолжали работу и беседу. Каждая считала, что ее слова достойны большего внимания, старалась говорить громче всех. Поэтому шум стоял такой, что хоровое пение квакушек казалось чуть ли не шепотом. В жаркие часы послеполуденного отдыха женские голоса разносились в отдаленные концы большого сада. Садовники, усмехаясь, качали головами: «Лягушачье озеро» вполне оправдывает свое название.

– Вы слышали, - начала новый разговор бабушка, и все тотчас затихли, – дядя свояченицы моей племянницы Сары, Ахмед, занедужил сердечной болезнью? Наверное, помрет. Все мы смертны... Все – гости в этом мире... лишь Бог вечен!

– Лишь Бог вечен! Все мы смертны,.. – вторили ей женщины.

Глубокие вздохи слились со шлепками вытряхиваемого белья. Амидосту вздыхала глубже всех, у нее даже слезы навернулись на глаза. Бабушка продолжила незаконченный разговор.

– Так вот, представьте себе, что эта девчонка, Фариди, отказывается идти замуж за дядю своей тети. Ему, говорит, уже 60 лет! Самой-то Фариде шестнадцать. Она ведь родилась в год большого Сураханского пожара, не так ли? Девчонка – а перечит! Все от русского влияния! Мои дети тоже умом тронулись, чада свои как иноверцы воспитывают. Сами на себя беду кликают. Поймут, да поздно будет! Но, что поделаешь? На все воля Аллаха!

– На все воля Аллаха! – хором подтвердили женщины.

– Вот это верно! – вдруг серьезным тоном произнес Асад. Он поднялся с места и подошел к Амидосту, вытащил из кармана небольшую склянку и стал выплескивать содержимое на одежду женщины. В это время Али достал коробок спичек, приготовившись запалить.

– Что вы делаете, собачьи дети? – встрепенулась бабушка, почуввав неладное.

Асад спокойно ответил.

– Бабушка, сотни раз я тебе говорил: ругая нас, ты ругаешь себя! Если мы собачьи дети, то кто же их родители? А эта Амидосту нам так осточертела! Сейчас мы ее подпалим.

Амидосту завопила, молнией вскочила с места, сбросила забрызганный соляжкой чаршаб. Стала развязывать пояс, чтобы снять замаранную горячим юбку. Она пыталась раздеться, ведь ее платье было забрызгано горячим, а Али уже приближался к ней с зажженной спичкой в руках. Пожилая женщина бросилась бежать по широкой аллее сада, дико крича и зовя на помощь. Бабушка тоже кричала и ругала детей. Остальные женщины поддержали ее дружным хором. Меня же трясло от смеха, я едва держалась на ногах.

Наконец, не устояла и упала, покатываясь со смеха. Амидосту с открытым лицом и в исподней юбке бежала впереди братьев-близнецов, грозивших поджечь ее одежду. Обезумев от страха, она неслась в таком виде мимо садовников и других мужчин. Интересно, почему ей не пришло в голову спрыгнуть в бассейн?..

Все остальное время, помимо ежедневного пятикратного намаза и приема гостей, бабушка проводила в кухне. Вот это был и вправду ее салон! Вокруг нее без конца вилась бедная родня. Но в кухне собирались и родственники побогаче, и бедняки, которые родственниками не приходились. Среди них особенно выделялась одна, по имени Фатма. Поговаривали, что она двуполоая (гермафродит). А еще говорили, что Фатма принадлежит к роду потомков Пророка. Но это родство не дало ей ничего, кроме гордости. Она и замужем никогда не была – единственная мусульманка, засидевшаяся в старых девах, которую я знала. Может быть, слухи о ее двуполоости были небезосновательны. А может быть, причиной тому оказалась ее внешняя непривлекательность? Непривлекательность – это мягко сказано. Даже не боявшиеся никого Асад и Али, при виде Фатмы поеживались. Ее морщинистое, волосатое, очень крупное и грубое лицо напоминало морду пса. Не будь у нее таких громадных титок, которые шли волнами, когда она ходила, все принимали бы ее за мужчину. Еще Фатма отличалась чрезвычайной прожорливостью. С каким удовольствием она поглощала фрукты, которыми угощала ее из вежливости бабушка! Хотя Фатма была и уродлива, она нравилась мне больше других, потому что не лезла, как другие женщины, целоваться, прижимаясь ко мне своим потным лицом и влажными губами. Эти омерзительные целования вызывали у меня чувство брезгливости и выводили из себя. Наши родственницы – беднячки – каждый раз с таким необъяснимым рвением лезли целоваться. С такой жадностью зацеловывали, слюнявили и вымазывали своим потом мое лицо! Мне приходилось терпеть, закусив

губу, эти приступы нежности. Я начинала ненавидеть этих теток! Как только процедура лобзания заканчивалась, я начинала тщательно вытирать лицо платком или подолом платья. Женщины видели это, но не переставали досаждать своими поцелуями. Как будто у них вовсе не было самолюбия!

Но вернемся к бабушкиной кухне. Это очень просторное помещение всегда было полно женщин и детей разного возраста. Здесь всегда можно было увидеть женщину, кормящую грудью младенца. И даже ребенка постарше – пока прибывало молоко, детей от грудного кормления не отлучали. Я не скрывала своей неприязни к их грязным и крикливым детям. Некоторых женщин это обижало, и они называли меня бесенком. Чтобы оправдать такое прозвище, я вела себя еще хуже. Дразнила детей, высовывая язык и гримасничая, дергала детей за волосы, больно щипала их.

В кухне с семи утра и до девяти вечера готовилась всевозможная пища. Мы с Асадом, Али и Гюльнар часто бывали здесь. Не потому, что были голодны. Просто хотели показать другим детям разницу между нами и ими. С этой целью мы демонстративно макали пальцы в тазы со свежесваренным вареньем, пробуя его. Или, выхватывая из кипящих чугунков полусырое мясо, жевали его, обжигаясь и давясь. Хозяйским детям все дозволено! Бабушка в таких случаях грозила нам скалкой или ухватом. Но мы знали, что угрозы символичны, потому как подняться на ноги бабушка все равно не сможет. Вот и озорничали, лазая в кастрюли и тазы руками, мешая готовить еду. Когда терпение бабушки иссякало, она просила кого-нибудь из женщин – гостей выставить нас из кухни. С какой готовностью и удовольствием исполнялся бабушкин указ!

Но, бывало, мы приходили в кухню и с другой целью – послушать сказки. В кухне не было специального стола, и мы, усевшись на камышовой подстилке, молча слушали.

Гундосая сказительница завораживала нас сказочными небылицами. Странно, почему все сказительницы говорят в нос?.. Младенцы сопели на груди своих мамаш, женщины обмахивались соломенными веерами, некоторые перебирали четки. Но все очень внимательно слушали. А сказительница с упоением, в который раз, рассказывала сказочные любовные истории Ахмеда и Сурайи или Мохаммеда и Лейлы. Наши женщины, лишённые понимания любви по жизни, просто обожали слушать красивые легенды о любви. Сказки всегда начинались словами: «Когда еще не было никого, кроме Бога, жили-были...». Сказки текли, лаская наши души, волнуя и радуя. А за это время «поспевал» катык из кислого молока, залитого в большие глиняные горшки, поджаривалась жирная баранина, в медных сковородках готовилась халва.

Родственниц-беднячек я не любила не только за их назойливые лобзания. Некоторые из них были весьма бесцеремонны: они заходили в наши спальни. Открывали шкафы и ящики, разглядывая вещи, вертели в руках платья, интересуясь их ценой, самые нахальные щупали нам грудь: поспевают ли девочки? Им очень хочется все знать о своих богатых родственницах, поэтому задаются самые невероятные вопросы: стали ли мы девушками? С каких пор? Которую из нас отец любит больше всех? Сколько у нас платьев? Сколько мы платим своей гувернантке-немке? А сколько платят другим нянькам-христианкам? Эти женщины притрагивались и изучали все предметы, которые были им в диковинку: пианино, механические игрушки, ракетки для тенниса – все трогали, все щупали. Но несмотря на восхищение, они не завидовали нам. Эти женщины считали изобилие чуждого опасным: в будущем могут быть сложности и неприятности. Свое житье-бытье казалось им более спокойным и надежным. Когда наши незваные посетительницы становились чересчур надоедливыми, мы прогоняли их из комнаты и хлопывали двери. Но они не обижались, и через некоторое

время снова досаждали нам своим присутствием и бесконечными вопросами.

Бабушка своих гостей защищала и в обиду не давала. Ведь все эти беднячки и простолюдинки были послушны ей, охотно выполняли любое ее поручение. Это были как бы ее подданные, верные, льстивые, исполнительные. Кроме того, они сообщали бабушке все городские новости, а для пущей убедительности, дополняли и приукрашивали их на свой лад. Бабушка была довольна! Взамен услужливые тетеньки вознаграждались: бабушка одаривала их кусками ситца, непригодного самой, отдавала им баранью требуху, водила с собой в баню. Если бабушка, бранила своих «придворных дам» (бывало и такое), они молча сносили обиду – такова участь всех слуг.

* * *

Очень важное место в наших семейных отношениях занимали ссоры и дразги. Было тому две основные причины: первая – это прирожденная язвительная суть и вредность некоторых членов семьи, и вторая, самая важная, - это НАСЛЕДСТВО. Вторая причина возникла после смерти деда. Ссоры по вопросу раздела наследства стали самой большой проблемой. После слова «НАСЛЕДНИК» надо бы поставить несколько восклицательных знаков. Причиной скольких скандалов, ненависти, проклятий оно стало! Братья, сестры, зятя, жены деда – все грызлись между собой за право наследства. Отношения взрослых сказывались и на отношениях детей. Детям враждебно настроенных родственников запрещалось играть друг с другом. В эту «войну» были втянуты все члены семьи. И продолжалась она до 1917 года. Тут уж нет необходимости рассказывать об исходе «войны» - комментарии излишни...

Но дети, обреченные на отчужденность из-за капризов взрослых, скучали друг без друга. Мы продолжали поддерживать отношения втайне от взрослых. Нам это даже нрави-

лось – своего рода приключение. Ведь запрет только усиливает желание. Подстрекаемые враждебно настроенными родителями, Асад и Али стали позволять себе грубость по отношению ко мне, обзывали меня и обижали. Это больно ранило мою детскую душу...

Как я уже говорила, отец Асада и Али, Сулейман, был в ссоре с моим отцом. Поэтому не приезжал летом на дачу, но жену и детей своих присылал. Да еще поручал ей до возвращения решить с братом вопрос о разделе наследства. Именно после таких разговоров братья-близнецы становились недружелюбны ко мне. А ведь я их так любила! Но они, видно, больше любили своего отца и подчинялись его указаниям. Он нарек моего отца «вором» и запретил сыновьям играть с «дочерью вора». Сыновья повиновались почти всегда. Но если между нашими родителями заключалось перемирие, братья-близнецы снова начинали со мной дружить. Я понимала, за что Асад и Али любят и уважают своего отца. Злые языки распространяли сплетни, будто он болел сифилисом. А сам, мол, вор и преступник. Если прислушиваться к недоброжелателям, то скоро, кроме себя, перестанешь верить всем. Отец близнецов был очень красивый мужчина, несколько своенравный, но трудолюбивый. Не знаю, какими путями, но он сумел сколотить себе капитал, женился на дочери миллионера и отстроил в городе такой великолепный дом, что все приходили в восторг. Во дворе дома имелось даже стойло для слонов (оно так и оставалось без них) и огромная оранжерея для сирени (где она так и не произросла). Некоторые постройки еще не были завершены. Но я глядела с разинутым ртом на фонтаны посреди огромной комнаты для приемов, исполненной в восточном стиле. На украшенный в стиле Ренессанс зал, на зеркальные стены спальни, где стояла двуспальная кровать, скрытая за узорчатыми занавесками.

Однако, несмотря на всю эту красоту и роскошь, в доме всегда был какой-то беспорядок. Безусловно, вина в том лежала на домочадцах. Я уверена, что Асад и Али и в Ели-

сейском дворце умудрились бы создать беспорядок. Человек везде покажет, на что способен.

...Но вернемся к семейным склокам. С сестрой и зятем, что жили на даче по соседству, вопрос решался скоро: дверь во внутреннем заборе запиралась, отношения прерывались. Когда обстановка особенно накалялась с высоты двухметрового забора доносились оскорбления и ругань. Но однажды случилось нечто, что заставило соперников обернуться против общего противника: на дачу приехала русская жена деда! Нас, детей, тотчас заперли в одной из дальних комнат. Однако даже сюда доносились дикие вопли, крики и истерические визги выясняющих отношения сторон. Все взрослые члены семьи были на веранде. Еще утром непримиримые враги, они сплотились перед общей опасностью и общим врагом. Позже я узнала, что и русская жена деда была не робкого десятка. Не боялась ни бога, ни черта. Она не только достойно оборонялась, но и сама переходила в наступление. Не знаю точно, что происходило на той исторической встрече, но наша неродная бабка вскоре уехала в город. Когда нас выпустили наконец, нашим взорам предстала волнующая кровь картина: лица женщин были перекошены злобой и гневом, глаза их воинственно сверкали, волосы были растрепаны. Во время обеда все говорили по-азербайджански: родной язык почему-то вспоминался в состоянии гнева. Но как только общий враг покинул «поле боя», родственники вновь разделились на лагеря и продолжили свою междоусобицу. Собравшись после обеда на террасе, они вновь и вновь повторяли одни и те же слова, бранились и спорили. Все завершилось крупным скандалом. В тот вечер все были очень рассержены и злы друг на друга. Настолько сильно, что целую неделю враждующие стороны не разговаривали. Это были тяжелые дни. Нужно было отворачиваться при встрече с «неприятелем», прикидываться слепым, глухим и немым, не видеть «врага» в упор, изображать презрение, словом, придерживаться всех правил серьезной ссоры.

Но не только дети скучали во время ссор друг без друга. Три мои тетки, родные сестры, привыкшие к своему обязательному покеру, тосковали. Они так любили покер, что вкладывали в эту игру всю свою не востребовавшую страсть, целиком уходя в игру. Иногда, начав игру сразу после полудня, прерывали ее лишь на короткое время обеда. А затем продолжали до вечера. Потом играли ночью... и так до рассвета. Выходит, что во время семейных ссор сестры были в убытке и становились пострадавшей стороной! Надо было видеть, как поспешно они усаживались вокруг стола под зеленой скатертью, когда, наконец, наступало перемирие! И мы становились веселее, наблюдали за играющими, болели (необыкновенное чувство!), сопереживали. Поддерживали «везунчика», который совал рублик в карман тихо сидевшему рядом племяннику или племяннице. Если выигрыш был солидным, то нам перепадал не один рублик. Фрейлейн Анна не одобряла это, но кто с ней станет считаться! Дающие не обращали на нее никакого внимания, а берущие вряд ли отказались бы от денежек. Так мы обогащались, чтоб потом самим проиграть эти рублики в карты. В результате все деньги доставались братьям-близнецам. До сих пор сомневаюсь: жульничали они или просто играли лучше нас. В любом случае они были не без способностей. Замечательные ребята!

Помните, я рассказывала о некой девушке, Фариде? О ней вела разговор бабушка у «Лягушечьего озера», где женщины стирали белье. Хотя ей было 16 лет, она, умница, не хотела идти замуж за шестидесятилетнего мужчину. Через некоторое время после того разговора, она, по настоянию своего отца, все же сдалась и дала согласие на брак. Того и следовало ожидать!.. У этой милой девушки, скрывающей свое лицо от парней, не было возможности самой найти себе избранника. Позже, когда грянула Кавказская революция, та девушка бросила обоих – и чадру, и своего пожилого мужа. Вскоре после этого она вышла замуж за своего сверстника.

Не знаю, правда, с которым из мужей она была более счастлива, с первым или со вторым?

Свадьба Фарида была назначена на середину июня. Мы, ребяташки, не вникали в отрицательные стороны этой свадьбы. Нас интересовало само торжество, веселье и развлечения. Мы здорово повеселились на этой свадьбе! Детям нашего возраста разрешалось присутствовать как в мужской, так и в женской половине помещения, где проходило торжество. Все женщины, родственники жениха и невесты (в том числе и сама невеста), расположились в одной части дома, а жених с гостями-мужчинами – в другой. В обеих половинах люди ели, пели, плясали, пили сладкий цветочный шербет. Казалось бы, что зазорного, если бы все праздновали событие вместе? Но нет! Господа мужчины так не считали. А у женщин никто и не спрашивал.

Красавица Фарида сидела на стуле посреди комнаты, выделенной для женщин. Лицо ее было скрыто под красным покрывалом. Поэтому красота невесты оставалась недоступной посторонним взглядам. Согласно обычаям, невеста должна была сидеть вот так, неподвижно, и молчать. Бедняжка не могла веселиться вместе со всеми. Наверное, ей было очень скучно. На нее и внимания-то уже не обращали! Словом, всем было весело... кроме невесты.

Уж мы с братьями повесились на свадьбе! Гюльнар и я, как всегда, следовали всюду за братьями-близнецами. Они ходили из комнаты в комнату, угощаясь в каждой, успевая то там, то тут отведать чего-нибудь. Пошалить тоже успевали: кого-то дразнили, кого-то сердили. Эти мальчишки умели из любой обстановки извлечь для себя выгоду. Они никогда не шли по течению. Все свои действия планировали заранее. Братья-близнецы шныряли повсюду, отдавали какие-то указания прислуге, сами никого не слушались, даже свою мать.

И мы с Гюльнар следовали примеру Асада и Али, баловались, проказничали, пили шербет и айран, уплетали

сладости. Фрейлейн Анна не была приглашена на мусульманскую свадьбу, и мы наслаждались свободой. Но зато бабушка была рядом. Она не хотела нас бранить и портить праздник, но время от времени одергивала, незлобливо и мягко окликаая проказников: «Ах, собачьи дети!». Так бабушка пыталась призвать нас к порядку. Но стоило нам чмокнуть ее в потную щеку, как все грехи нам тотчас прощались. Любой проступок наказывался чисто символическим шлепком. Укоризненным взглядом или легким поругиванием.

На свадьбах очень много плясали. Не танцевали только очень старые или больные. Но и они дружно прихлопывали в такт музыке, исполняемой на своеобразных восточных инструментах.

Мужское общество веселилось еще более оживленно. На их половине присутствовали специально приглашенные певцы и танцовщицы. Мугамы (протяжные народные песни) мне не нравились. Когда певец принимал соответствующую позу, предваряя исполнение мугама, я уходила. Меня обучали музыке Моцарта и Баха, и эти странные песни были непривычны моему слуху. Ритм их был несложен, слова мне непонятны. Но окружающие слушали с таким упоением, с таким восторгом!

* * *

Надо бы рассказать и о своих любовных чувствах и переживаниях. Эти чувства очень рано проснулись в моем сердце. На протяжении детских лет я многократно влюблялась в разных людей. Я сказала – рано? Да, по-моему. Впервые влюбиться в десять лет – это рановато для девочки.

Вы уже знаете, что поливкой занималось множество садовников. Один из них мне очень нравился. Имя у него было подходящее – Руслан. Однажды бабушка послала меня на огород за дыней. Прохаживаясь с Русланом по огороду, я в него и влюбилась. Это необычное чувство возникло в моем

сердце, когда он протянул мне ароматную желтую дыню. После это чувство часто меняло направление к другим объектам, но первое ощущение было одинаковым. Возвращаясь к дому с тяжелой дыней в руках, я несла и запавшее в сердце чувство. С того дня я преобразилась, стала совсем другой... - чуть не сказала «женщиной»... - девочкой. Меня пробирали дрожь, когда Руслан проходил мимо. Мое волнение было таким сильным, что я и днем, и ночью непрерывно грезилась. Разве я могла выйти замуж за садовника? Это было бы чудом. Поэтому в своем воображении я рисовала всевозможные чудеса, которые приблизили бы меня к «милому». Например, воображала, что мой отец обанкротился, и я стала нищей, лишенной всего. Но, понимая, что банкротства одного только отца не хватало бы – ведь оставался еще богатый дед, наследницей которого я могла стать – я бездушно «расправлялась» и с ним: пусть и дед будет разорен! Лишь бы никто не мешал мне достичь воображаемой цели! Откуда мне было знать, что придет время и грянувшие вихри исторических перемен претворят мою глупую детскую мечту в жизнь?! Но, пока еще мысленно обращая себя в нищую оборванку, я едва сводила концы с концами, попрошайничая. Жила в дряхлой лачуге, латала свое старое-престарое платье (латки очень важны – платье бедняка должно быть в заплатках), собирала хворост на берегу моря и варила бедняцкую похлебку на огне очага. Такое бедственное положение меня радовало – ведь оно помогло бы мне оказаться на том социальном уровне, где находился мой возлюбленный. Мы стали бы равны, и моя мечта – выйти замуж за Руслана – осуществилась бы. И вот однажды я, нищая девица, в старом, но опрятном и чистом платье, скитаюсь, грустная и печальная, по улицам Баку. Вдруг неожиданно навстречу мне выходит Руслан! Он восхищен моей красотой, опрятностью и целомудрием. Берет меня за руку, приводит в свой дом и я становлюсь его женой. В другой раз сладкие грезы рисовали совершенно иной сюжет: в результате счастливой случайно-

сти, жизнь самого Руслана меняется. Он получает неожиданную помощь от какого-то своего родственника из Турции или Ирана, становится обладателем огромного богатства. Он начинает учиться, получает хорошее образование, приобщается к культуре. Его состоятельная родня, подыскивая невесту, останавливает свой выбор на мне – самой красивой и достойной. Руслан осыпает меня дорогими подарками, строит для меня дворец из черного мрамора (я так мечтала о нем в детстве!). Он самый нежный и любящий мужчина на свете! Мы становимся счастливыми супругами, рожаем кучу детей.

Все мои мечты рухнули, когда Руслан женился на некрасивой, мужеподобной дочери садовника. Мне было тяжело поначалу, что «соперницей» оказалась такая уродина, я была огорчена его выбором. Но потом решила: он выбрал то, чего достоин, его выбор говорит о его уровне. Вот и слава Богу, что мы «расстались»!

После этой неудачи я еще не раз испытывала горечь неразделенной любви. Случилось, что мне стал мил русский паренек, друживший с Асадом и Али. Он был намного старше близнецов. Я выбрала его объектом своих воздыханий не только за красоту и статью, но и за образованность. Кроме того, он был инородцем, а это меня устраивало более всего. Ах, какой на нем был суртук с блестящими металлическими пуговицами! Мне казалось, что фраза «Я так думаю...», которой он начинал разговор – признак высокой культуры и образованности, и никто не произносил ее с таким глубокомыслием. Когда парнишка понял, что я влюблена в него по уши, он загордился и стал приглядываться ко мне. Однажды, набравшись смелости, он ущипнул меня за руку. Это так меня взволновало! Но и это любовное приключение очень скоро закончилось, потому что паренек переехал с родителями в другой город.

Третья влюбленность была «двойной» - меня угораздило влюбиться в двух братьев одновременно. Оба были довольно хороши собой. Просто красавцы. Нет, я не была ос-

леплена чувством, они, действительно, были очень красивы. Подтверждение тому фотография, которую я до сих пор храню. Эта любовь принесла мне жестокие страдания – ведь я одинаково сильно любила обоих! Мои страдания усугублялись тем, что не имея возможности предпочтения, я с ужасом думала: чем же это завершится? По тем временам объективным концом влюбленности должен был стать брак. Но кого же предпочесть?! Я мысленно металась между ними обоими. Ислам допускает только многоженство. Положение было безвыходным. Как я могла выйти замуж за одного из братьев, забыть другого? Я лишилась покоя и сна. Меня преследовали воображаемые сцены сурового конца, трагических последствий. Но ничего не менялось. Пока я пыталась развязать этот сложный узел, произошло событие, которое изменило мой взгляд на мужчин, и интерес к ним пошел в ином направлении.

IV

Отец уехал в Москву. Его брат, Ибрагим, тоже отправился вслед за ним. Когда через 10 дней дядя вернулся, он привез нам неожиданное известие. За ужином семья собралась за столом. Подали баранину. И тут дядя Ибрагим заявляет:

– Ваш отец женится. Он хочет, чтоб Лейла поехала со мной в Москву на его свадьбу.

Сначала стало очень тихо. Но потом поднялся такой гвалт! Перебивая друг друга, родственники задавали вопросы:

– Кто родители девушки? – интересовалась сестра отца.

– Богаты ли они? – спрашивала другая.

– Чем торгует ее отец? – перебивала, чуть ли не крича, третья сестра. Бабушка была мрачна. Она хмурилась и молчала. Похоже, она кое-что знала.

– Девушка из бедной семьи, - ответил дядя Ибрагим.

– Что?! – возмутились мои тетки, ошеломленные ответом.

Но ответы на последующие их вопросы были еще более удручающими. Слава Богу, что девушка хотя бы мусульманка! Правда, оказалось, осетинка...

Самым большим недостатком было то, что отец девушки ничем не торговал. Как же так? Мужчина обязательно должен быть купцом: хоть нефтью торговать, хоть арбузами. Но, как оказалось, отец избранницы моего отца был простым инженером, инспектором на железной дороге, обыкновенным служащим. Правда, он состоял на государственной службе, но профессия была не из доходных. Его первая жена, мать Амины (моей будущей мачехи), умерла. Сейчас он женат вторично, на еврейке.

Тут бабушка рассудительно произнесла:

– Ну, что ж, евреи – хороший народ, достойный. Во всяком случае, гораздо лучше «нечистых» христиан.

Мы с жадным вниманием прислушивались к словам дяди Ибрагима, впитывая их, как пустыня капли дождя. Так значит, эта необычная семья живет в Москве. Отец девушки (их две сестры) воспитывал их в европейском духе. Когда дядя произнес эти слова, он значительно обвел глазами окружающих. Дядя все время старался усилить впечатление от своих слов, удивить всех. Когда это ему удавалось, очень гордился собой. Но родня и без того была обескуражена, больше молчала и вздыхала. Известие о свадьбе отца больше огорчило теток. Они восприняли его как траур. Оказалось, что будущий тесть нашего отца не довольствовался московским образованием своих дочерей и отправил их на учебу в Париж. Они жили там одни – да-да, одни! Тут наступила гробовая тишина. Ужас обуял души теток. Дядя Ибрагим ничего не знал о парижской жизни избранницы отца. Но его отношение к этому очень четко передавалось мимикой, жестами и тоном. Например, он говорил, что девушки в Москве часто видятся с творческими людьми (тут слышались взвол-

нованные ахи-охи), по вечерам прогуливаются с мужчинами. При этих словах бабушка вдруг громко застонала. Ей дружно вторили дочери:

– Боже! Боже! – стонала бабушка.

Еще выяснилось, что в двадцать лет Амина вышла замуж за какого-то волжского мусульманина (так ведь она и в девках засиделась!), но через шесть месяцев развелась и вернулась к своему папаше-инженеру и его жене-еврейке. Мой отец познакомился с Аминой на каком-то торжестве, вскоре безумно влюбился. Попал-таки в колдовские любовные сети! Амина долго колебалась, прежде чем ответить согласием на предложение отца. Тетки, услышав это, стали горько смеяться.

- Ну и ну! Простолюдинка, беднячка, бесприданница не хотела идти замуж за мужчину из самой богатой, известной и уважаемой бакинской семьи?! – удивлялись возмущенные тетки, утирая слезы горечи.

Жениться по любви на нищей девице! Никто не хотел в это верить. Поступок отца, преступившего мораль, обычаи и традиции, объясняли одной фразой: он потерял рассудок! Если мир бабушки и теток прежде сотрясался, то теперь он рушился. Они даже знали, кто в этом виноват – проклятые иноверцы.

Но мы, дети, были представителями нового поколения. Мы радовались происходящему. Так значит, наша мачеха будет молодой, культурной, белолицей женщиной! Дядя Ибрагим даже привез ее фотографию. Мы не могли ею любоваться: какая красавица! Но тут же начинали завидовать старшей сестренке Лейле. Она поедет в Москву!.. А может быть, даже в Париж. Ведь дядя Ибрагим говорил, что Амина изъявила желание съездить в Париж, прежде чем приедет в Баку. Но отец не мог оставить своих дел, поэтому поручил Ибрагиму сопровождать Амину в путешествии во Францию. Лейла же будет ей подружкой в пути. Таким образом, если говорить официальным языком, предполагалось

свадебное путешествие. По некоторым обстоятельствам оно становилось и семейной прогулкой.

Вот и повидает подросшая Лейла Париж! Мало ей того, что вокруг уже женихи вьются! Разве не обидно станет другим сестрам, если столько внимания одной только из-за того, что ей уже 16 лет? И это причина для поездки в Европу?!

Судьба отвернулась от меня – думала я. Чувство несправедливости сжимало мне сердце. Я даже стала вспоминать свою несчастную любовь к русскому юноше. Кругом несправедливость! Спрятавшись под старым виноградным кустом, прижавшись к лозе, я подолгу обливалась слезами и горевала.

Следующие два месяца тянулись медленно. За эти месяцы мы получили множество писем и почтовых открыток из Варшавы, Берлина, Парижа. Письма представлялись мне прилетевшими издалека волшебными стрелами. И я пыталась раскрыть их таинственную силу и смысл, многократно перечитывала, представляла, как эти бумажные листки, минуя страны и города, добирались до нас. По ночам я не могла уснуть, подолгу думая, как было бы замечательно оказаться рядом с Аминой, проводить время в путешествиях и развлечениях.

Я мысленно сопровождала Амину в Париже, Ницце, Риме. Какое счастье! Новый сюжет для воображения так занял меня, что были позабыты даже братья, к которым я совсем недавно испытывала такие глубокие чувства. При встречах они уже не казались мне такими привлекательными. Их красота уже не завораживала меня.

Те летние месяцы я провела в незабываемом мире грез. Так не хотелось расставаться с этим чудным миром! Мне нравилось помечтать в одиночестве. Остаться наедине со своими мечтами, сказочными грезами – какое это счастье! Но, чтоб прийти к нему, нужно было прибегнуть к массе уловок, ведь рядом всегда были сестры, тетки, прислуга и особенно хитроглазые Асад и Али. Скрывшись от глаз ок-

ружающих, я пряталась в винограднике, и растянувшись на ласковом теплом песочке, зажмурив глаза, удалялась в мир своих фантазий. Мысленно я была рядом с Аминой, заменив волоокую, грудастую, толстозадую Лейлу. Как я ненавидела свою сестру! И вот гуляем мы с Аминой по улицам Парижа, она покупает мне подарки. А я, забыв интриганство и пако-стничество, которому обучилась у двоюродных братьев и сестер, люблю Амину всем сердцем и все крепче привязываюсь к ней.

И вот настал день встречи... Такой долгожданный и желанный. С самого утра мы украшали дом цветами. Повсюду стоял чудесный аромат. В пять часов все, кроме бабушки, вырядившись в самые красивые платья, стояли у ворот. Старшие на время прекратили свои ссоры. Я была так взволнованна, что в знойный летний день дрожала, будто от холода. С утра я даже не ела от волнения. Кроме воды, ничего не шло в горло. Сердце стучало, как молот. Сцену торжественной встречи и нежности я представляла себе так: сойдя с фаэтона, она увидит меня раньше всех остальных, подойдет, протянет ко мне руки и, со слезами на глазах, будет шептать мне на ухо ласковые слова – «мой любимый маленький ангелочек». Но настоящее счастье наступит позже, после долгожданной встречи. Оно произойдет не из слов, а из чувств.

Мы сидели на каменных лавках у ворот, устремив взгляды на дорогу. Пыль вдалеке у нас вызывала волнение, аж дух перехватывало. Ощущение счастья портили тетки. Они крикливо переговаривались, судачили, «мыли кости» женщине, которую даже не видели. Их сварливое брюзжание начиналось обычными фразами и перерастало в брань и хулу. Мои сестры и кузины со своими нянечками сидели одной группой, изображая «хороших девочек». В опрятные косички были вплетены зеленые ленты. Воротнички на модных блузах-матросках тоже были зеленые. Верхнюю губу сестричек украшал темный пушок. С трудом сдвинув кри-

вые ножки, они сидели смиренно, положив ладони на коленки, как будто собирались фотографироваться. А братья-близнецы были верны себе: они пинались, толкались, огрызались друг на друга, не обращая внимания на торжественность момента. Я впервые в жизни их ненавидела.

Наконец, вдали опять за клубилась пыль. Неужели – едут? Облако пыли, приближаясь, росло. Сомнений нет – они! Мы уже их видели и узнавали: вон отец, позади извозчика! И вот фэтон приближается и останавливается у ворот. Сначала сошел на землю отец. Он был, как всегда, подтянут и уверен в себе. Но таким веселым я видела его впервые. Вслед за ним спрыгнула Лейла и (наконец-то!) – она... Сердце мое готово было выскочить из груди. Мне казалось, что их несколько, этих колотящихся сердец: одно в груди, другое в голове, третье в горле – да и повсюду. Все эти сердца стучали в унисон, и волнение мое было небезосновательным: Амина гораздо красивее, чем на фото! Она была просто лучезарна. Ее слегка вздернутый носик чуть не лишил меня сознания, губки ее, алые и пухлые, растянуты в улыбке. Каштановые волосы отливали золотом в лучах солнца. Она шла в нашу сторону, стройная, изящная, очаровательная.

Отец поочередно представил ей всех собравшихся. По моим замыслам Амина должна была узнать меня сама, выделив достойным образом среди всех этих болванов, почувствовать мою к ней настоящую любовь. Но она сперва расцеловалась с моими тетками, кузинами и даже с этими пройдохами близнецами. Я, забытая и необласканная, осталась за пределами ее внимания. Когда все двинулись по главной аллее в сторону дома, отец заметил меня, одиноко бредущую за тетками и, спохватившись, представил Амине: «А это самая младшая дочурка». Только после его слов она обернулась ко мне, поцеловала в лоб и провела рукой по моей щеке.

- Ах, чернушечка, - улыбнулась Амина и, взяв мужа под руку, снова повернулась ко мне спиной.

Я была обескуражена. Но дети умеют прощать. И я, спрятав глубоко свою печаль, стала жить в пропасти, разделяющей мечту и действительность, оправдывая поведение Амины и продолжая любить ее. Правда, с меньшей надеждой на взаимность... Амина была безразлична ко мне. Когда видела, была ласкова, когда не видела – забывала. У нее множество других забот, и недосуг заниматься влюбленной в тебя девчушкой, налаживать с ней какие-то исключительные отношения. А в семье возникли некоторые казусы. Амине, непривычной к запретам и ограничениям, было не по себе среди женщин, закутанных в чадру. Как будут уживаться столь разные люди? Какова ценность в такой обстановке знаменитой «нефти»? Есть ли от нее польза? Конечно, нефть может превращаться в ценные украшения, дорогие наряды, меха и прочие предметы роскоши. Но в таких условиях все они теряют смысл. Как появляться в присутствии усатых золотов в платье, сшитом по последней парижской моде? Как показываться перед консервативными братьями мужа в парижской косметике? В доме никогда не было посторонних мужчин. Исключение составляли несколько пожилых инженеров и служащих фирм, почтенных старцев, ну и конечно, мальчишки, дети родственников. Приглашать в дом чужого мужчину считалось неприличным. Правда, мой отец не был человеком таких уж строгих правил и не возражал против присутствия гостей-мужчин. Но остальные члены семьи были в этом вопросе очень строги и контролировали «чистоту нравов».

Поначалу жизнь Амины в нашей семье была не очень радостной. Привыкшая к раскованности и обстановке европейского духа, Амина попала в окружение «темных» людей. Но ни я, ни мои сестры не понимали ее внутренних переживаний, радовались ее присутствию и гордились ею. Она многому нас научила. Амина привезла из последней поездки в Париж множество музыкальных записей.

*В Мартини, в Мартини жизнь прекрасна.
Закипает в жилах кровь любострастно.*

Не понимая смысла слов, мы тем не менее с удовольствием распевали эти песни. Мелодии танго, «Танец апачи», песни Майола и модные в то время другие музыкальные произведения оставляли в тени наши конкретные номера. Кроме того, скоро я познакомилась и с такими композиторами, как Равель и Дебюсси. А прочтя «Парижскую жизнь», познакомилась и с духом французской литературы. В этой книге были замечательные иллюстрации. Они приводили меня в восторг. Мировоззрение наше расширялось, рос интерес к познанию окружающего мира. Иного мира...

Позже я серьезнее заинтересовалась культурой Франции. И в этом была большая заслуга Амины. Француженка Мари Сарман стала обучать нас французскому языку. По инициативе Амины, одновременно был приглашен преподаватель из Англии. Она должна была учить нас языку Шекспира, английскому этикету. Учительница с рвением приступила к нашему обучению. И в первую очередь стала знакомить с правилами поведения за столом. Это была такая тоска! Мы, привыкшие грызть кукурузные початки, ухватившись обеими руками, должны были отныне накалывать кукурузные зерна на вилку и постепенно подносить ее ко рту. Мисс Коллинз сама даже кукурузу ела при помощи ножа и вилки, по одному зернышку. Но мы, с интересом наблюдая за действиями мисс Коллинз, все равно пытались есть кукурузу как прежде, грызя по-своему, по-кавказски.

Фрейлейн Анна несколько упала духом по приезду новых гувернанток. Безусловно, отношение к ней не изменилось, было уважительным, как и раньше – она ведь почти член семьи, но функции ее несколько ограничались. Теперь нашим кумиром была единственная женщина – очаровательная Амина-ханым. Она всесторонне влияла на нас. Мы восхищались ее прекрасным французским, роскошными на-

рядами, привезенными из Парижа, чудесными каштановыми волосами. Ее умом, обхождением, манерами. Притягательность Фрейлейн Анны несколько потускнела в моих глазах... Одним словом, я была влюблена в Амину! Даже наши прежние игры стали мне малоинтересны. Я все меньше играла в куклы. Наши обычные «дочки-матери» или «войнушки» стали для меня скучны. Я придумала новую игру под названием «Амина»: подражала жестам и движениям своей обожаемой мачехи, ее походке, голосу, манере носить дорогие платья (их мне заменял кусок ткани), даже ее французскому произношению. Когда мы играли дома, роль моего отца исполнял Асад. Надо сказать, он делал это мастерски. Али и Гюльнар изображали то прислугу, то докторов, то купцов или полицейских.

В моем представлении слово «Амина» было тождественно слову «Франция». Моя последующая любовь к Франции, ставшей мне новой Родиной, произошла именно из любви к Амине. Я хотела, чтоб вокруг все говорили по-французски, даже бабушка. Подойдя к ее «трону», обращалась к ней со словами: «Bonjour ma petite fille». Бабушка сначала беззлобно ругала меня, а потом с трудом, но ласково отвечала: «Бонжунтифи». Я уговаривала ее многократно повторить непривычные слова, обучала все новым и новым. Наконец, ей это надоедало, и она, легонько шлепнув меня и обругав непонятными словами, прогоняла. И тогда я, оставив в покое бабушку, пускалась на поиски более терпеливого ученика.

Появление Амины изменило и моральное, и материальное состояние в семье. Осенью мы собирались переехать в новый дом, мебель для которого была заказана в Москве. Скоро старый дом будет забыт, а вместе с ним уйдет из памяти и часть нашей прежней жизни. Прощай, наша привычная квартира! Прощайте, нарядные, забавные куклы! Заканчивалась пустившая чудные корни в азербайджанской земле эпоха немецкой сентиментальности. Начиналась новая – эпоха Амины.

Мне вновь придется вернуться назад, прошлое продолжает удивлять меня, воспитанную одновременно в восточных, немецких и русских традициях. Мечтательная, нелюдимая, с дурным характером – все это я. Порой воспоминания кажутся мне чужими. Как будто все происходило не со мной... Я захожу в собственную память, словно гость, а не хозяйка... Баку остался в ней далеким миражом, а моя семья кажется выдуманной. Возвращая свои мысли в воспоминания, я порой испытывала наслаждение, а порой – горечь и растерянность. Прежде я была счастлива. Но счастье иссякло, я стала замкнутой и нелюдимой, мне было одиноко рядом со старшими сестрами.

Все перемены наступили, когда отец женился во второй раз. Амине удалось оживить мои мечты и превратить воображаемое в действительность. Передо мной возникал новый мир. Я поняла, что кроме любимой фрейлейн Анны и нашего деревенского дома существуют и другие люди, другие места. Прежде я думала, что Баку – самый красивый город, а наша семья самая достойная и уважаемая. Но мои представления не сходились со взглядами Амины. Это меня огорчало. Амина не любила Баку, наша семья ей не нравилась, наш образ жизни вызывал у нее неприязнь. И я, поразмыслив, решила соглашаться с ее мнением, быть ее единомышленницей. Отныне Баку представлялся мне, хоть и богатым, но мерзким городом. Мои близкие – грубыми и неотесанными; образ жизни – невыносимым. С тех пор мои мечты стали казаться еще более невыполнимыми и безнадежными. Если бы в те времена кто-то сказал мне, что в будущем я стану совершенно независимой, буду жить за границей, не испытывать тех переживаний, которые угнетали Амину, буду наслаждаться созерцанием красот Парижа, ежедневно прогуливаться по площади Канкорд и посещать

Лувр, – я бы очень удивилась и не поверила. Мне и на ум не приходило, что после изнурительной войны и революции осуществляются мои самые невообразимые фантазии. Да, я еще не знала своего будущего... ведь меня готовили к совсем иному: замужество с каким-нибудь бакинским нефтяным магнатом, несметные богатства, множество ювелирных украшений и куча детей. Самой большой моей мечтой было желание иметь красивого и любящего мужа. Оттого, что я рано стала думать о любви, очень хотелось побыстрее ее испытать.

От Баку, который был мне дорог в детстве, не осталось и следа. По отечеству тосковали лишь пожилые эмигранты, скитавшиеся по миру с ностальгическим грузом на сердце. Страдания презренных миллионеров никого не волновали – они терпели заслуженную кару. Ислам сошел со своего истинного пути, заплутал и потерял изначальный смысл. Вера, смешавшаяся с реалиями современного мира, не покоила сердца. Она стала помехой в сиюминутных интересах и была отброшена за ненадобностью. Разве Коран не запрещает азартные игры? Но весь Баку играл. Выигрывал и проигрывал деньги мешками. Пророк запретил употребление вина. Но все пили! Пили и водку, и коньяк, и прочие алкогольные напитки, лицемерно утверждая, что эти напитки – не вино. Изображение человека считается запретным в исламе. Но мусульмане толпами посещали фотоателье, чтоб затем украшать стены своих домов собственными изображениями.

Да, годы моего детства были удивительными! Каждому человеку детство представляется чем-то очень далеким. Но мое детство осталось далеко и по временным меркам, и по географическими, и уже ничто с ним не связывало: ни моя вера, ни потерянные миллионы, ни вещи, ни люди. Прошлое для меня – давно завершившаяся жизнь, полузабытый сон, услышанная где-то сказка...

VI

...Едва мы перебрались из деревни в новый городской дом и начали обустраиваться, как из Москвы прибыла новая мебель. Когда я увидела ее, мое восхищение вкусом Амины выплеснулось за возможные границы. Эта мебель была не просто очень дорогим приобретением, признаком богатства и роскоши, но и настоящим произведением искусства. Она очаровывала своей оригинальностью. Исполнена в мавританском стиле, близком нашим восточным вкусам, украшенные изящным орнаментом, тонкой резьбой шкафы, софы, диваны потрясали красотой. Мы привыкли к широким и мягким диванам. Но эти, новомодные, были узкими и жесткими, и подолгу сидеть на них было неудобно. Зато красоты они неопишуемой! Стены нового салона, выкрашенные в чудесные тона, напоминали посещение дворца Альгамбра.

Для двух других салонов мебель была выполнена в версальском стиле. Она была менее притязательной и роскошной, чем мебель «мавританского» салона. Но простота не делала ее менее красивой. Малый зал тоже украсила новая мебель. Здесь был и гардероб Амины. Ширмы и перегородки посреди комнаты удивляли теток и дядек своей непривычностью. По их мнению, диваны, кресла и хрустальные канделябры за этими ширмами – признак беспечности и баловства.

Но самой красивой была выполненная в готическом стиле столовая. Здесь стояли такие высокие шкафы, что их остроконечные, узорчатые верхушки доходили почти до потолка. Диваны были драпированы дорогой материей, вытканной золотом. Дубовые двери украшены медными узорами, вся обстановка напоминала восхитительный средневековый замок. Работа мастеров была выше всяких похвал.

Спальня Амины тоже была несколько упрощенной «алабамской» направленности. Здесь стояли отражающие тот стиль плоские кресла и округлые столы. Ах, какая у нас

была чудесная квартира! Постепенно здесь менялось все. Прежде между прислугой не было определенного раздела труда. Каждый выполнял необходимую в данный момент любую работу. Теперь появился управляющий домашними делами, и каждый из прислуги, мужчины и женщины, выполняли только свою, персональную работу. По требованию Амины отец приобрел два автомобиля «Мерседес-бенц». Купить их оказалось не самым сложным. Гораздо труднее ими управлять. Баку был не так велик, а большому автомобилю просто негде было развернуться. Потому мало у кого возникало желание покупать эти дорогие и неоправдывающие себя в местных условиях «чудеса техники». Выезды за город были редки и малоинтересны. Мы ездили на нефтяные промыслы «Биби-Эйбат». Кругом пустынный берег, утыканный нефтяными вышками. Шум морских волн и ветра – такой пейзаж вызывал меланхолические настроения.

Я сидела, прижавшись к Амине, и разглядывала каменистый берег, на который море сердито обрушивало свои волны и остро чувствовала грусть этой картины. Осенние прогулки на автомобиле меня не радовали.

Весенние выезды были веселее. У семьи Нобель в Баку имелись сотни буровых, и мы ездили на их дачу, окруженную нефтяными вышками. Территория дачи простиралась на несколько гектаров. Здесь росли выносливые виды растений. Мы собирали здесь цветущие вишневые ветки и, привезя домой, украшали ими комнату Амины. Так в наш дом приходила весна! Перемены, пришедшие в наш дом после женитьбы отца, продолжались. Амина, борясь с суровыми обычаями, то терпя поражение, то победу, наконец-то добилась того, что двери дома открылись для гостей. К нам стали приходить не только родственники, толстые степенные старики, женатые мужчины, но и очень красивые «безродные» холостяки. Чтобы добиться этого, Амине пришлось очень часто напирать на слово «культура». И хотя это слово часто преследовало несколько иные цели, далекие от его содержа-

ния, нам такое положение дел нравилось. Оставшись несколько в стороне от строгих норм фрейлейн Анны, мы расширяли кругозор. Две новые гувернантки, помимо Амины, тоже внесли в это свою немалую лепту.

Мадемуазель Мари Сармен была умной, жизнерадостной учительницей. У нее был «бурбонский» профиль, густые волосы и большие груди. Телом она было несколько мелковата. Поэтому бюст казался еще больше. Она даже стеснялась этого. Я до сих пор помню наш первый с ней урок. Он был такой яркий и красочный! Весь урок мадемуазель Мари говорила о красках и цветах: красный, голубой, сиреневый... Она велела записывать названия цветов в тетрадки, по несколько раз повторяла их. Я с беспокойством думала: «Вот и англичанка заставит нас зубрить английские слова. Если так дальше пойдет, за десять лет придется изучить десять языков». Я представляла, как это будет трудно и очень огорчалась. А мадемуазель Мари, слегка потряхивая меня за плечо, отвлекала от грустных мыслей и, задрав свой бурбонский нос, торжественным тоном произносила фразу на французском: «Этот карандаш красный!» Поднося к моему лицу тот самый карандаш, она требовала повторить фразу. Мне казалось, что у мадемуазель Мари разорвется сердце, если я этого не сделаю, и из приличия подтверждала усталым голосом: «Этот карандаш красный».

Целый час цветные карандаши мелькали перед моими глазами, и я пыталась называть их цвета на французский манер, с необходимым произношением. И тогда мадемуазель Мари, поцеловав меня в обе щеки, говорила по-русски, очень нежно, что я чудесный ребенок. Скоро у меня не осталось в этом никаких сомнений, а мадемуазель Мари стала моей любимицей.

У меня были и другие причины любить мадемуазель Мари. Однажды, внимательно изучая меня взглядом, она сказала: «Ты будешь знаменитой!» Мне это очень понравилось. С тех пор стремилась поскорее вырасти, чтоб прибли-

зить желанное время и очень переживала оттого, что так долго остаюсь маленьким, никчемным человечком. Ах, милая мадмуазель Мари! Вы были замечательной учительницей и чудным человеком! И хотя те слова так и не претворились в жизнь (тому много причин), я все равно вам благодарна. Слышать добрые слова от человека, которому ты веришь, вселяет надежду и дает силы.

Через несколько дней, сидя перед мисс Коллинз, я тоскливо повторяла по-английски названия цветных карандашей: «Красный, синий, белый...» Я озабоченно думала, что не будь этих занятий, осталась бы необразованной, неряшливой девчонкой. А дальние страны так и оставались бы неосуществимой мечтой для этой маленькой замарашки, не знающей иностранных языков и лишь по два часа в день бречающей на пианино. Мисс Коллинз не была такой обаятельной, как мадемуазель Мари. Поэтому изучение английского языка делало меня счастливее, чем я себя ощущала прежде, будучи маленькой замарашкой.

Мисс Коллинз была несколько чопорна и осторожна. Это отталкивало. А в том, что английские слова напоминают несколько измененные немецкие и французские, я мысленно обвиняла именно ее. Мне не нравилось, переставляя буквы, коверкать слова. Эти хмурые англичане, заимствовав слова из других языков и немного изменив их, придумали себе новый язык, да еще с гордостью учат ему других! Я не понимала их гордости. Говорили бы себе на немецком или французском, без всякого лукавства! Тогда ни мне, ни четверти мира не пришлось бы изучать этот переделанный язык. Поэтому, испытывая неприязнь к англичанам и считая их двуличными и неискренними, ставила в один ряд с нелюбимыми народами – греками и армянами.

Еще одним преимуществом нового дома было то, что тетя Рена жила здесь же, на верхнем этаже, и мы стали соседями. Такое соседство, выгодное мне, очень меня устраивало. Во-первых, тетя Рена часто пекла восхитительные торты

и приглашала нас в гости. Во-вторых, в ее квартире часто собирались на покер другие тети и дяди, и тогда нам перепали денежки. Но, самое главное, тетя Рена часто «одалживала» меня у фрейлейн Анны, чтоб не оставаться одной, если ее муж был в отъезде. Фрейлейн Анна соглашалась нехотя. Но что поделать – приходилось уступать. Тетя Рена была трусишкой и боялась спать одна. Фрейлейн Анна советовала ей устроить одну из служанок в соседней комнате. Но тетя Рена и в постели боялась оставаться в одиночестве и всегда выбирала меня. Так что мне иногда приходилось ночевать у своей тетушки. Часто такие перемещения длились одну-две недели и доставляли мне огромное удовольствие: тетя Рена без конца играла в карты со своими сестрами, а я, оставшись одна в большой квартире, могла, пользоваться случаем, читать любую книгу. Рядом со спальней была небольшая комната, а в ней шкаф, набитый книгами, в большинстве своем переводами с французского – Мопассан, Флобер, Золя и еще множество других. Я читала эти книги по ночам, оставаясь одна. Некоторые из них даже перечитывала по нескольку раз. В девять часов, отправляясь спать, я брала какую-нибудь книгу. Тетя Рена возвращалась почти на рассвете, увлекшись карточной игрой. До ее возвращения я читала и осмысливала содержание книги. Но после трех часов ночи приходилось быть настороже. Заслышав звуки подъехавшего экипажа, шаги на лестнице, быстро возвращала книгу на место, гасила свет и лезла в постель. Тетя верила моему притворству и, чтоб не разбудить спящее дитя, передвигалась по комнате тихонечко, на цыпочках. Тогда я, жалея ее, делала вид, что только проснулась, ласково спрашивала, как прошла игра, чем закончилась. Тетя Рена, обрадованная появлению собеседницы, укладывалась в кровать. Поворочавшись и покряхтев какое-то время, она, наконец, успокаивается и, произнеся короткую молитву, засыпает. Но ненадолго. Через некоторое время она внезапно просыпается.

– О, господи! – недовольным сонным голосом произносит тетя. – Кажется, начинается.

Затем она встает с постели и спешит к ночному горшку, который стоит в дальнем углу комнаты между шкафами.

— Что же делать? Недержание у меня, детка, – смущаясь говорит Рена извиняющимся голосом. А мне было все равно, я уже почти уснула.

Оставаясь в одиночестве, я тоже иногда испытывала страх. Помню, однажды, читая что-то из Мопассана, была так напугана, что тряслась от страха, когда раздавался слабый скрип, шуршали шторы на окнах или гудел ветер в трубах. Но больше всего пугали тени вокруг. Они вот-вот превратятся в чудищ и набросятся на меня! Меня прошибал холодный пот, в висках стоял стук. Я в страхе боялась шевельнуться. Страх порой не покидал подолгу, повергая меня в дрожь. Но это не останавливало моего интереса к книгам. Я вновь соглашалась на ночлег у тети Рены, предвкушая сладостное путешествие в мир французских романов. Если бы бедняжка фрейлейн Анна только знала об этом!.. Но, к счастью, она в неведении мирно спала в своей комнате на нижнем этаже. А я зачитывалась Чеховым, Гюго, Мирбо и многими, многими другими. Так прошло несколько лет, и некоторые книги удалось перечитать не раз. Не все из прочитанного было мне ясно. Но это неважно. Я домысливала непонятные места по-своему, придумывая не менее интересный сюжет, входила в образы женщин, героинь произведений, становясь то мерзкой или чистой, то трусливой или отважной, то нежной или жестокой. Часами, будучи в «образе», как больной человек, я переживала чужую жизнь. Как чудесны порой воспоминания! Даже ворчание тети Рены и ее «общение» с ночным горшком не могли испортить общего впечатления, и мои герои и образы подолгу оставались рядом. Они не были рождены исключительно воображением, но и являлись результатом прочитанного.

VII

Первая весна нашей совместной с Аминой жизни была ранней. Дули теплые ветры, шумно чирикали воробьи, лопались почки. Смена времен года, сопровождалась переменой мест, прогулками и переездами. Амина не желала проводить лето с нашей родней в деревне. Она не смогла бы жить в одном доме с дикарями Асадом и Али, среди толпы неряшливой бедняцкой родни, сплетницами золовками и подозрительными ко всему деверями. Она хотела съездить во Францию, но ей не позволили. После долгих разговоров отец решил, что поедем на Северный Кавказ, где находятся курорты с минеральными источниками, в Кисловодск. Мой дед по материнской линии предоставил нам одну из своих тамошних вилл. Это было очень удобно, так как и в отсутствие отца можно было спокойно проживать в доме. В гостиницах таких городов нельзя без надзора оставлять молоденьких женщин и детей.

Наконец-то появилась возможность выехать за пределы Баку. К тому же мы поедем на настоящем, красивом пассажирском поезде. Совсем не то, что маленькие простенькие поезда, которые везли нас летом в деревню. В путешествие мы взяли кучу платьев. Их Амина сама выбирала. Ей нравилось окружать себя красотой. Я любовалась новыми платьями. Одно из них просто сводило меня с ума: белое, с оборочками на рукавах и красной вышивкой. По ночам я подолгу представляла себе, как, надев это чудесное платье, буду выходить на прогулку с Аминой. Ей обязательно должно понравится мое платье, и тогда она станет любить меня еще больше. Я лезла из кожи, чтоб понравиться Амине. Все мои предыдущие усилия не дали ощутимого результата. Я чувствовала, что безразлична Амине. Амина была красавица, а я – полная ее противоположность. Обыкновенная чернявая дурнушка. Кто же станет любить такую?.. Эта мысль очень огорчала меня. Почему я такая непривлекательная? Глядя на

Амину, мне становилось все тоскливее от осознания своих внешних недостатков. Я тайно молила бога о чуде: пусть он превратит меня в красавицу! Очень надеялась на такое чудо... А вдруг однажды утром я проснусь белолицей, голубоглазой, русоволосой чаровницей?

Я впервые садилась на настоящий поезд. Амина, Лейла и отец уехали несколько раньше нас. Теперь же и мы, фрейлейн Анна с тремя «малютками», отправлялись следом. В день отъезда было очень жарко, дул сильный порывистый ветер, поднимая облака пыли и песка. Я бесцельно ходила из комнаты в комнату, не находя себе места от волнения. Окна в доме были закрыты, на полу уже лежала пыль. Сестры тоже волновались. От волнения нам и кусок в горло не шел, мы весь день ничего не могли есть. Чтоб несколько снять напряжение, фрейлейн Анна предложила нам перед обедом сходить на море, искупаться, а после пообедать в одном из кафе на бульваре. На вокзал поехали бы сразу оттуда, не возвращаясь домой. Эта мысль пришлась нам по душе.

Бакинский бульвар занимал огромную береговую линию, покрытую асфальтом. Этот бульвар играл очень важную роль в общественной жизни города. Деревьев здесь было немного, но всюду стояли скамейки. Люди приходили сюда покрасоваться, да и на других поглазеть, услышать последние новости, музыку, посидеть в кафе. Одним словом, бульвар мог удружить каждому. На открытых площадях выступали музыканты, пели исполнители народных песен. Здесь, в кафе, можно было заказать йогурт, кумыс, простоквашу и другие молочные продукты. На центральной аллее была эстрада, где играл городской оркестр. И это еще не всё! Музыка доносилась и с прогулочных катеров, которые стояли у самого берега. На катер можно было перейти с берега по небольшому деревянному мосточку. В самом городе нет общего пляжа. Желаящие искупаться арендовали крошечные купальни.

Проведя день на замечательном Бакинском бульваре, мы отправились на вокзал.

Поезд был очень нарядный. Вещи были погружены в купе. А какие это были роскошные купе! Зеркала, полированные сиденья, яркие фонари, коврики, плюшевые покрывала были восхитительны. Купе с трудом умещало всю эту роскошь. На каждый сантиметр площади здесь приходилось столько красивых вещей, что ими запросто можно было обставить целую комнату. Фрейлейн Анна уложила меня на постель. Сестры тоже устроились, и вскоре все уже спали. Но я уснула не сразу, долго еще ворочалась и разглядывала купе. На столике стояла красноватая ночная лампа, похожая на икону. Глядя на нее, я заново переживала мысленно пройденный день, предвкушала грядущие события. Перебирала в памяти свои платья, выделяя среди них то белое с красной вышивкой. Я снова и снова задавалась вопросом: «Ах, почему же мы не такие беленькие, как фрейлейн Анна и Амина?»

У моей сестры Зулейхи над верхней губой уже чернели темным пушком усики. А у Сурайи, сестры постарше Зулейхи, усики уже виднелись довольно четко. Лейла, самая старшая сестра, была самой усатой. Ей часто приходилось делать эпиляцию, удалять волоски с лица. Глядя на некрасивых, волосатых сестер, я очень огорчалась, представляла свое недалекое будущее. Через несколько лет я стану такой же дурнушкой! Об еще отдаленном будущем, о старости и дряхлости, я еще не думала.

Проснувшись утром, я вспомнила, что нахожусь в пути. В окно заглядывало чудное голубое небесное око. Вдоль полотна виднелся лес. Я никогда прежде не видела леса. Какие сказочные пейзажи лежали за окном! Что может быть краше зеленых полей, коврами расстеленных вокруг, и волшебства лесов?! Наши садовники разинули бы рты, увидев сразу столько зелени. Бедняги, без конца поливая песчаную землю нашего сада, с таким трудом выращивают в нем деревья и цветы!

Поезд остановился в степи. Нет, это не была голая степь, неподалеку был домик дорожного смотрителя. Он подошел к паровозу, приблизился к машинисту, и они стали о чем-то разговаривать. А вокруг было тихо. Но эта особая тишина, тишина временной остановки, одинокого полустанка, тишина одновременно радостная и щемящая.

Домик дорожного служащего был окружен небольшим садом, из которого доносилось пение птиц. На подоконнике распахнутого окна стояла алая герань. В окне показалась светловолосая, очень молодая и пригожая женщина. И домик смотрителя, и герань на подоконнике, и эта юная красавица, чудный лес в лучах золотого солнца – все это до сих пор со мной. Даже пение птиц звучит в ушах, когда я, закрывая глаза, вспоминаю эту картину.

Боже! Сколько же прошло времени! Возможно, той красоты уже и нет, но моя память сохранила ее, сберегла и будет беречь вечно...

Дом моего деда Мусы снаружи был увит плющом. В комнатах было полно сороконожек, пауков, моли. Здесь давно никто не жил. Было забавно наблюдать, как паучок дремлет на своей паутине, а сороконожка, линяя, меняет «наряд». Мы днями напролет ловили насекомых. Охота была то обильной, то неудачной. Насекомые помогали нам не скучать, когда мы оставались дома одни. Эти создания были моими друзьями и во время болезни (я заболела свинкой, как только мы приехали в Кисловодск). Целый месяц я болела и сутками разглядывала насекомых, лежа в кровати. Мне было тоскливо в полутемной комнате. Единственное окошко было наполовину прикрыто плющом. А снаружи светило солнышко, пели птички, прогуливались люди. Я была лишена всего этого. Мое замечательное белое платье с красными узорами висело в шкафу, где пахло нафталином. Черные лакированные туфельки смиренно стояли на нижней полке шкафа. Они тоже терпеливо ждали моего выздоровления и грустили вместе со мной. А жизнь за стенами дома текла и

без меня: люди развлекались, радовались, огорчались, ссорились, мирились. Тогда я услышала от фрейлейн Анны, что русские вступили в войну против немцев и наших братьев турок. Но это меня вовсе не интересовало, болезнь была моей самой серьезной проблемой. Некоторое время спустя я начала потихонечку подниматься с постели, прохаживаться по комнате и очень скоро покинула стены надоевшей комнаты. Как только мне разрешили выходить во двор, я пошла в гости к своему деду Мусе. Он часто приезжал в Кисловодск. Дед сидел в саду, под огромной чинарой, в своем старом кресле. Он был не очень красивым мужчиной и не очень разговорчивым. К нам, детям покойной дочери, дед был несколько холодноват. Если честно, и я его недолюбливала, не нравился он мне. Но приличия требовали навестить деда, и мне пришлось это сделать - вынужденный жест уважения. Увидев деда в тени чинары, я смело двинулась ему навстречу. Подойдя к нему, одарила легким поцелуем в бородастую щеку. Потом уселась на скамейку поблизости от деда и стала с интересом разглядывать облака: уж лучше смотреть на облака, чем на него! Мы оба молчали, отдавая таким образом дань вынужденному родственному общению. Дед должен был вот так, молча, терпеть мое присутствие, а я сидя на скамейке и любуясь облаками, своим присутствием выражать уважение к нему. Воспользовавшись незначительным поводом, я встала, чтобы покинуть деда и уйти, а он полез в карман, чтоб выполнить свой «долг»: одарить меня деньгами. Дед долго возился, в руки ему лезли только крупные купюры. Наконец он нашел денежку помельче, удовлетворенно перевел дыхание (жадина!) и вложил мне в ладошку десять копеек. Среди нашей родни было принято вместо подарков дарить деньги. Это вошло в обычай и считалось нормальным. Я не возражала против такого обычая, и даже, напротив, он был мне по душе. Но ценность монетки, которой одарил меня дед, была возмутительной. Я была сконфужена, но вынуждена принять эту подачку с благодарной улыбкой.

Но тут мне повезло: к нам подошла вторая жена деда, приветливо поздоровалась со мной, поцеловав в щечку и обиженным голосом обратилась к мужу: «Ага-Муса, дай ребенку приличные деньги. Что же она купит себе на 10 копеек?» Женщина, в знак почтительности, обращалась к мужу со словом «ага» - господин. Дед с недовольным выражением лица вновь начал рыться в кармане. Наконец, раскопав рублик и протянув его мне, обиженно отвернулся.

Мой дед Ага-Муса, будучи одним из самых богатых бакинских нефтепромышленников, слыл человеком прижимистым. О его скупости говорили многие, и эти рассказы были часто очень противоречивыми. Чтобы читатель имел какое-то представление о несклонном к щедрости дедушке, я расскажу одну историю.

Иногда разные благотворительные общества проводили акции, например, продавали на улицах искусственные цветы. Продавщицы прикалывали фиалку на грудь какому-нибудь прохожему, протягивая ему металлическую баночку для пожертвований. Говорят, что в такие дни дед не выходил из дому. Но когда дедушка умер, стало известно, что он давал в долг малознакомым людям огромные деньги, без всякого залога или расписки, веря им на слово. Кроме того, он оплачивал учебу множества неимущих юношей и девушек. Такой вот, противоречивый малый был мой дед Ага-Муса Нагиев. Его два раза похищали с целью выкупа, требуя больших денег. Но деду удавалось выходить из этих передряг. В те годы в Баку нередки были похищения людей, а американские гангстеры были детьми по сравнению с местными «гочу». Как и американские коллеги, «гочу» всегда действовали по плану, аккуратно и рассудительно. В этом деле им очень помогали русские жандармы – главные советники местных разбойников. «Гочу» были практически безнаказанны. Наоборот, их даже уважали и относились с почтительным страхом. Похищенные люди никогда, после освобождения, не рассказывали, как с ними обходились похи-

тители. Но, было похоже, что их не обижали, хорошо кормили. Настолько хорошо, что многие из освобожденных возвращались домой заметно растолстевшими. Их отпускали сразу же, получив выкуп. Словом, сделка была справедливой, без нареканий!

Мой дед Ага-Муса, этот Гарпагон, был славен еще и тем, что украсил Баку великолепными зданиями. Это было его слабостью. Когда умер от чахотки мой дядя Исмаил, единственный сын Ага-Мусы, дед возвел в память о нем жемчужину архитектуры – здание «Исмаилия». Позже в этом здании располагался недолговечный парламент Независимой Азербайджанской Республики.

Хочу, чтобы читатель знал значение слова «Азербайджан» - оно означает «Страна огней». Издревле на поверхности земли пылали естественные факелы, нефть и газ; выбываясь наружу, они пламенели чудесным образом.

VIII

Кисловодск – красивый город. Природа вокруг него дивной красоты. Такие чудесные пейзажи! Всюду цветущие поляны, тенистые деревья, увитые лианами. Прохлада и влажный воздух после сухой бакинской жары растекались по всему телу бальзамом. В ясную погоду виднелись заснеженные гряды Кавказских гор, величественный Эльбрус будоражил мое воображение.

В то лето я поняла, что иногда фантазии могут становиться былью. Я поверила в это, когда наконец-то, надев чудесное белое платье с красной вышивкой и широкополую шляпку, вышла на прогулку со своей обожаемой Аминой. В парке было множество нарядных и красивых женщин. Но все обращали внимания на Амину – она была краше всех! Прохожие оглядывались на нее и провожали долгим взглядом. Многие останавливались, глядя нам вслед. Как мы этим

гордились! У меня просто кружилась голова от счастья и гордости! Сейчас, став взрослее и рассудительнее, я понимаю, что Амина вовсе не была такой неотразимой красавицей. Но в ней было нечто более привлекательное, какое-то особенное обаяние. Она была свежа, стройна, одевалась со вкусом. Но все это было лишь частью ее привлекательности. Амина обладала какой-то внутренней притягательностью, от которой мужчины теряют головы. Как я их понимаю! Я завидовала этим мужчинам, ревновала к ним Амину. Мне хотелось занять место одного из них, который бы понравился ей. Какое-то невообразимое желание: быть не уставшей от болезни и лекарств девчонкой, а свободным, зрелым женщиной!

В тот проклятый 1914 год в Кисловодске было полно русских. Обычно они выезжали за границу. Но война на этот раз помешала. На минеральные воды Северного Кавказа съехались князья, миллионеры, другие известные личности. Танцы, концерты, балетные представления, всевозможные экскурсии были их основным занятием. Амина, свободная от мусульманских запретов бакинской жизни, наслаждалась их обществом. Ее предприятия поддерживала моя старшая сестра Лейла, любимица отца. Лейла полностью поддерживала Амину и ее прихоти. А прихоти росли. Амина пользовалась успехом у окружающих, и это ее вдохновляло.

Лейла была уже взрослой девицей, ее тело, внешность, манеры говорили о достаточной зрелости. По совету Амины она очистила от излишнего волосяного покрова лицо. Выщипала брови, сменила свое богатое тафтовое платье с жемчужинами на более изящное и простое. А ведь мои тетки считали, что девушка из самой богатой бакинской семьи не должна так одеваться! Лейла была чересчур полной. Это ее удручало, и она решила похудеть, для чего сама изобрела особый способ. Он был прост, но давал хорошие результаты. Когда приходило время обеда, Лейла втайне ела шоколад, который отбивал у нее аппетит. За столом она так и сидела,

ни к чему не притрагиваясь, как небожительница, наблюдая за нами. Но, кроме шоколада, Лейла пила и сок недозрелого винограда, абгора. Такая диета очень скоро дала видимые результаты. Лейла сильно похудела, стала ладной и стройной. Даже ее грудь, похожая на грудь кормящей женщины, уменьшилась. И бедра стали гораздо уже, округлое лицо несколько вытянулось. Она научилась закидывать ногу на ногу, когда сидела, и делала это достаточно легко и непринужденно. Я и сейчас удивляюсь, как удалось ей при такой кошмарной диете не подорвать здоровье. Так или иначе, но Лейла превратилась в стройную и достаточно привлекательную девушку. Огромные черные глаза добавляли шарма хорошевшей Лейле. Отец Амины часто повторял: «Подумаешь! У кавказских овчарок тоже большие глаза». Тем не менее, даже он сам был очарован чудесными глазами Лейлы.

У Лейлы, однако, были и свои странности. Ее выходки, порой просто ошеломляли. Одним из ее «пороков» была привычка «рвать на себе волосы». Обычно этот ритуал имел место во время траурных церемоний. Здесь дело обстояло иначе. Лейла совершала это действие очень своеобразно. Я опишу эту дурацкую привычку сестры, но пусть читатель не думает, что мною руководит желание увлечь его – все обстояло именно так. Лейла, усевшись за стол, ставила перед собой какую-нибудь книгу. Потом, выдернув из шевелюры длинный волос, некоторое время держа перед собой, внимательно разглядывала. Затем клала его на книгу и снова любовалась им. Насладившись созерцанием выдернутого волоса, она выдергивала другой. Это привело к тому, что у нее стали появляться залысины. Лейле запрещали дергать волосы, но было бесполезно. Она продолжала свое бессмысленное занятие, спрятавшись от посторонних глаз в своей комнате. В итоге она лишилась красивой прически и пришлось покупать ей парик. Лейла носила его с удовольствием. Но по-прежнему не прекращала своих дурных занятий по выдергиванию волос. Только по истечении нескольких лет

Лейла в конце концов оставила эту мерзкую привычку, и ее залысины скоро покрылись новыми волосами.

Может быть, и нехорошо выставлять на смех дурацкую привычку сестры, ведь и у меня самой были некоторые неприглядные прихоти. Я сама, например, часто выдергивала собственные ресницы. Могла заниматься этим часами. Теряя в пальцах ресницы, я поначалу и не думала их выдергивать, и даже надеялась, что они не поддадутся. Но, вероятно, они при этом слабели и выпадали. В результате я осталась без ресниц, как Лейла без волос. Мои верхние веки становились абсолютно голыми. Дней через десять они обрастали новыми ресничками, которых ждала участь прежних. Эта привычка не покидала меня несколько лет. Я часто зарекалась не дергать ресницы. Но мои пальцы, привыкшие все время в чем-то ковыряться, не слушались. Позже в медицинской энциклопедии Ларусса я обнаружила название этой привычки, кажется, трихомания.

Была у меня еще одна дурная привычка – потрогать все руками. Я обязательно прикасалась к краю стола, спинке стула, электрическим приборам. Мне могло прийти в голову встать с постели для того, чтобы, пройдя в столовую, потрогать край обеденного стола. Превозмогая лень, я поднималась с кровати и направлялась в другую комнату, чтоб удовлетворить «своих чертей». Затем я возвращалась, полагая, что теперь можно и уснуть спокойно. Но не тут-то было! Мне приходилось вновь подниматься с постели и повторять бессмысленное действие. Но вернемся в Кисловодск.

Через три недели после нашего приезда сюда съехались почти все родственники. Сначала приехала тетя Рена. За ней – остальные тетки со своими детьми и, наконец, дядя Ибрагим с молодой женой. Они, вероятно, думали так: – Почему это Амина и Мирза (мой отец), его дети могут отдыхать в Кисловодске, а мы – нет? Разве мы менее культурные? Отчего мы должны проводить лето в деревне? Таким образом, все родные, кроме бабушки, съехались на mine-

ральные воды Кисловодска. Амина чуть не плакала от возмущения. Ей снова придется «заковаться» среди родни! К счастью, тетушки не смогли найти поблизости подходящую квартиру и сняли домик достаточно далеко от нас. Кисловодск – небольшой город, и по вечерам все стекались в парк или казино. Поэтому мы часто сталкивались со своими родственниками. Уверенная в поддержке мужа, Амина не обращала внимания на недовольство родственников, их слезки и пересуды. Вела себя независимо. Она встретила здесь своих московских друзей. Завела, как говорили мои тетки, «сомнительные» знакомства. А Лейла, одурманенная своей новой, привлекательной внешностью и опьяненная свободой, гуляла с кем попало! Она готова была дружить со всеми мужчинами старше 16-ти и моложе 60-ти лет. За ней требовался серьезный контроль. Но даже 6 или 7 человек не справились с этой задачей.

– Мирза, девку пора выдавать замуж! Куда ты смотришь? – возмущались тетки, обращаясь к своему брату. Но отец отвечал им, что времена нынче иные и говорил что-то о новых правилах и свободе женщин. Тетки безуспешно пытались внушить ему, что он безумец и плохой мусульманин – ничего не помогало. Каждый оставался при своем мнении. Хотя желающих жениться на Лейле было немало... Ее уже давно сватали. Многие холостые мусульмане сочли бы за честь взять в жены дочь Мирзы Асадуллаева... Но ни один из них пока что этой чести не удостоился.

Осенью, по возвращении в Баку, Амина и Лейла по-прежнему не хотели менять образ жизни, вели себя достаточно вольно и, по местным понятиям, непозволительно. Они считали, что прогресс касается всех. А отец без конца уступал им и потакал во всем. Родственники с ужасом наблюдали картину «падения нравов», не имея возможности что-либо изменить. Дома устраивались вечеринки, на которых под музыку оркестра женщины танцевали с чужими мужчинами. На одной из вечеринок Лейла, переодевшись

простолюдинкой, изумляла присутствующих, приводя в бешенство теток. Вместо приличествующих положению бесед с отпрысками достойных мусульманских семей, Амина и Лейла, развалившись на диванах в восточном заде, выряженные в возмутительные короткие юбки, с бесстыдством хохотали с заигрывающими с ними сомнительными иноверцами. Так оценивали ситуацию мои тетушки. После женитьбы отца вино в нашем доме стало обычным делом. И это несмотря на каноны веры, на запреты ислама! Оттого и навис над нашим домом гнев Аллаха. Шампанское, лившееся в доме рекой, выпивалось целыми реками. Так и текла разгульная жизнь, пока не грянула беда.

IX

Хмурым зимним утром фрейлейн Анна долго стучала в дверь спальни Лейлы, полагая, что та еще спит. Но Лейла не отвечала. Фрейлейн Анна, открыв дверь, завопила диким голосом. В комнате было пусто. Здесь никто и не ночевал. Лейлы же нигде не было. У фрейлейн Анны от волнения дрожали ноги, а сердце выскакивало из груди. На столе она обнаружила письмо, прочла его и ужаснулась: «Я уйду к любимому, без которого не могу жить. Не ищите меня. Простите и прощайте».

Через час вся семья толпилась вокруг отца. Все кричали, бранились, возмущались. Состоялось настоящее торжество мусульманских традиций.

– Я же тебя предупреждала! – вопила одна из теток.

– Такого позорного конца следовало ожидать! – вторила ей другая.

– Так тебе и надо! Ты сам во всем виноват! – упрекал зять.

– Вот теперь и призадумайся! – прошипел, словно змея, отец Асада и Али, Сулейман, который после последнего скандала не появлялся. А теперь наслаждался, ужалив отца.

Все эти крики и вопли не слушал лишь глухой муж тети Рены. Прикладывая руку к уху, он переспрашивал:

– Что он сказал?

– Отвяжись ты ради бога! – отмахивались от него взволнованные и разъяренные родственники.

Сторонники «прогресса» потерпели крах. Отец сразу поник и состарился. Он не мог представить себе, что его любимица, обожаемая доченька, так с ним обошлась. Как это возможно, чтоб Лейла сбежала с каким-то мужчиной! Ведь она девушка из самой богатой, самой знатной и уважаемой бакинской семьи! С кем она сбежала? Наверное, он не мусульманин – такую низость мог совершить лишь иноверец (будь они прокляты!).

– Не будь проклятых иноверцев, не обрушился бы позор на наш дом! – кричала бабушка. – Да покарает их Аллах!

Происшедшее получило название «великий позор». О нем говорили как о бедствии вроде землетрясения или смертоносной эпидемии.

– Я убью ее как собаку! – уверял отец с твердостью. Мужчины одобряли его решения. А женщины, рыдая, заранее оплакивали Лейлу.

Прежде чем исполнить обещание, требовалось разыскать Лейлу. Но один из недостатков Российском империи – ее бескрайность. Как тут найти беглянку? Где ее искать? Но, так или иначе, нужно было действовать. Была поставлена в известность полиция. На все железнодорожные станции отправлены телеграммы. Отец решил сам поехать в Москву. По его предположениям, беглецы, скорее всего, направились именно туда. Амина, которая вела себя «тише воды, ниже травы», стала объектом всеобщей ненависти и упреков отца. Ведь это именно она выдвинула лозунг «Прогресс – для всех!» Она предложила отцу взять ее с собой, чтоб он в ярости не наделал глупостей. Семья одобрила это предложение.

– Не выдержит, наломает дров, – соглашались родственники, беспокоясь за отца. В последний момент дядя Иб-

рагим изъявил желание ехать с ними, якобы, для поддержки. На самом же деле, ему хотелось прогуляться. Почему бы не воспользоваться случаем?

Они отправились в путь, а дом застыл в напряженном ожидании. Я с ужасом думала: «Неужели Лейлу убьют?! А может быть, того мужчину? Но вдруг убьют обоих?! Что станут делать с сестрой, если все же не убьют? Ведь не простят же! Разве можно такое простить?» В моих мыслях возникали сотни вопросов, а сердце сжималось от жалости к отцу. За судьбу сестры мне тоже было страшно. Но к этому страху примешивалось и злорадство: «Вот она, месть, за то, что ты краше и привлекательнее других!» Все эти мысли утомляли меня и пугали. Ведь сегодняшние предположения очень скоро могут осуществиться! На следующий день пришла телеграмма: «Лейла нашлась, завтра вечером возвращаемся вместе с ней домой». Страх уменьшился. Раз уж везут домой, значит еще жива. На следующий день Лейлу и в самом деле привезли. Мы видели ее издали: она шла между заплаканной фрейлейн Анной и разгневанным отцом, и вошла в свою комнату, будто в преисподнюю. Некоторое время спустя мы узнали, что Лейлу нашли в крошечной гостинице маленького городка, вырвав из рук какого-то бестолкового русского пилота. Они, якобы, очень любят друг друга. Этот влюбленный, бестолковый пилот, клялся отцу, что «не прикоснулся» к девушке, что она «чиста» и, бросившись к его ногам, умолял благословить их брак. Но разъяренный отец был готов убить свою дочь, а дядя Ибрагим – пилота. В итоге никто никого не убил, а зареванную Лейлу вернули домой. Бестолковый пилот с разбитым сердцем остался в крошечной гостинице маленького городка печалиться в одиночестве.

Вернувшись домой, отец отдал такой приказ: «Чтоб никто из нас не подходил к Лейле! А она до принятия нового решения не должна выходить из своей комнаты. Через несколько дней меры наказания были усилены: мы с болью в

сердце узнали, что и нас ждет наказание, хотя и незаслуженное. Я даже подумала, что за грядущие грехи. Наши занятия были приостановлены, учительницы французского и английского языков уволены, танцы, музыка, рисование – отменяются. Старшим сестрам предстояло поскорее подрасти и благополучно выйти замуж за достойного мужчину из благополучной и уважаемой семьи и стать добропорядочными женами. Меня же отправили в городскую школу для мусульманских девочек. Занятия в этой школе проводились на азербайджанском языке, и многие девушки носили чаршаб. Старших сестер в школу не определили, вероятно, по причине их подверженности вредоносному «прогрессу».

Только я до сих пор считалась неиспорченной его дурным влиянием, и потому могла получить желаемое моральное воспитание.

Ну, и школа же была! Ровно два месяца я редела и редела. Дети из богатых семей получали европейское образование, поэтому здесь учились дети бедняков, и я вынуждена была учиться среди этих грубых и неулыбчивых девиц. Они без всякой причины ненавидели меня. Считали меня своим классовым врагом. Меня презирали, дразнили, избегали всякого общения со мной. Педагоги тоже были мусульманками, главным образом из Казани. Казанские мусульманки не носили чадру и были хорошо образованны. Но сами – очень некрасивые, зловредные и крикливые. Обедала я в школе. Обеды были омерзительные. Меня до сих пор тошнит, когда вспоминаю приготовленную на бараньем сале лапшу. Но противнее всего было соседство с девочкой, что сидела рядом во время уроков: от нее так мерзко пахло потом! По субботам еще можно было ее терпеть, потому что в пятницу она мылась в бане. Но, начиная с воскресенья, от нее уже несло потом. Надо сказать, что в мусульманских школах в воскресные дни велись занятия. Выходные были по пятницам. Запах пота от соседки был так мучителен для меня, что мешал сосредоточиться, и я плохо соображала, что говорили

учителя. А преподаватель считал меня тупой и ставил плохие отметки. Со временем я и на самом деле стала тупее. Девочки-одноклассницы радовались моим неприятностям, а я все замыкалась и грустнела. Становилась угрюмой и желчной. Мне некому было жаловаться. Я была одинока и несчастна. Но, наконец, когда я заявила, что смерть лучше такой жизни, отец избавил меня от этой школы пыток. Два месяца, проведенные в ненавистной школе, стали черными днями моего детства.

Все снова изменилось: к нам вернулись прежние учителя и гувернантки, возобновились уроки танцев и музыки. Лейла была выпущена из-под «ареста». Ей позволили выходить из комнаты, а Амина заказала новые платья. Отец сожалел над нами и отменил наказания, сердце его смягчилось. Он решил в скором времени выдать Лейлу замуж. Приданое Лейлы измерялось миллионами, но, несмотря на это, была опасность «растерять» женихов. Отец не хотел рисковать и терять время на долгое сватовство. Он пригласил одного из наших родственников и предложил взять Лейлу в жены. Его предложение было очень похоже на принуждение. Отец даже не поинтересовался мнением бедняги-кандидата. Он считал, что этот человек должен быть счастлив такому родству. Этот молодой человек приходился одновременно двоюродным братом отцу и шурином нашему дяде. Таким образом он стал моему отцу тройственным родственником: зятем, кузеном и шурином. Разве бывает родство более надежное? «Жених» жил в Москве, руководил одной из фирм нашего деда. Была тут еще одна выгодная сторона: если Лейла совершит какой-либо дурной поступок там, то здесь мало кто об этом узнает. «Жених» был старше Лейлы на двадцать лет, оттого-то ему пришлось бы нести и «наблюдательные функции». Глаз да глаз нужен за этой девицей! Но Лейла, кажется, с благодарностью приняла «подарок судьбы». Ее обрадовало не только замужество, но и возможность жить в Москве. Она сказала, что Амина не любила Баку и тосковала по

Москве. Теперь Амина будет завидовать Лейле! Лейла предвкушала счастливую и свободную жизнь в Москве. Она знала, что будущий муж, приходившейся ей двойственным дядей, будет носиться с ее капризами всю жизнь. Ее предположения полностью сбылись.

Х

Почти одновременно у Амины и Лейлы родились мальчики. До сих пор в семье были одни девочки. Отец парил в небесах от радости. Его счастьем не было предела. Он раздавал магарыч всем и каждому. Устраивал шумные пиры в честь своего наследника. Наш дом был забит цветами и безвкусными подарками.

Но рождение малышкой было мне интересно. Рождение племянника стало для меня более радостным известием, чем появление братишки. Ведь, становясь «тетей», я в какой-то степени уравнивалась со взрослыми. А моя безответная любовь к Амине в то время начала охладевать: Амина по-прежнему не питала ко мне особых чувств, я была ей безразлична. Не могла же я всю жизнь безнадежно любить ее! Но и без любимого человека жить было скучновато. И я снова влюбилась - на этот раз в офицера, сына грузинского князя. Он пришел в наш дом одним из первых, после того, как был снят запрет на прием гостей. Тетки мои таких мужчин не любили, посылали им всяческие проклятия.

Этот молодой грузин был очень красив, изыскан и, говорят, рассудителен. Но его, конечно же, больше интересовала Амина, а не я. Меня он вовсе не замечал. Я была ему не более интересна, чем бульжник на дороге.

Но не только я была влюблена в молодого князя. Мои сестры, Зулейха и Сурайя, тоже были неравнодушны к нему. Мы с сестрами не раз испытывали чувство «коллективной» влюбленности. Сестры! Я только сейчас вспомнила, что

почти ничего не рассказала о них. Это несправедливо по отношению к ним. Меня могут упрекнуть в непоследовательности повествования, необоснованности сюжетной линии. Но это не столь важно... я и не собиралась что-то «строить» или «создавать». Пишу, как пишется...

Вторую из сестер звали, как вы поняли, Сурайя, а третью – Зулейха. Сурайя была спокойной, уравновешенной и ласковой девочкой. Зулейха, наоборот, вспыльчивой, крикливой и воинственной. Она считала себя самой умной и вела себя надменно. Сурайя, хотя была и постарше, сносила ее выходки терпеливо, не обращая внимания на склочный нрав сестры. Но я не хотела подчиняться приказам Зулейхи – самодурки, возражала против ее глупых выходок, сердилась на нее. Один только вопрос ставил меня в зависимость от Зулейхи – любовный. Потому, что объект внимания первой обозначала именно Зулейха. Она выбирала достойного, на ее взгляд, кандидата в предмет страсти, и мы всей группой (все три одновременно) влюблялись в него. Если Зулейха начинала «строить глазки», менять тон на более нежный, общаясь с кем-то, я понимала, что очень скоро мы вдвоем влюбимся в этого человека. И тут я уже начинала морально подготавливать себя к новому чувству. Поэтому, когда Зулейха, заводя разговор о том самом грузинском князе, Тенгизе, часто и глубоко вздыхала, стало ясно, что мне пора обратить на него внимание, что я и сделала. Уже через неделю мой интерес перерос в страстную любовь.

Тенгиз жил на нашей улице. Окна восточного салона нашего дома смотрели на их квартиру. Весь день я держала под наблюдением входную дверь дома, в котором жил Тенгиз. Стоило мне хоть на мгновение увидеть возлюбленного, одетого в длинный архалук, уши мои закладывало от ударов собственного сердца.

Однажды, более часа проторчав в холодном зале, я увидела, что Тенгиз, выйдя из дома, направился в нашу сторону. Когда он шел в сторону города, я видела его спину. А

сейчас он наверняка шел к нам – ведь у нас намечается прием. Я не ошиблась: Тенгиз приблизился к нашей парадной и вошел внутрь. Тотчас, примчавшись ко входу, я дождалась, пока послышатся шаги, и открыла дверь. Тенгиз стоял передо мной, стройный и красивый, в облегающей епанче, папаче, сдвинутой несколько набок, и смотрел на меня пронзительно-светлыми глазами.

– Ах, добро пожаловать! – приветствовала я, будто оказалась здесь случайно. Маленькая притворщица, я продолжала лукавить. – А я собиралась к своей тетушке. Вы, наверное, пришли навестить Амину?

– Да, если можно, – ответил Тенгиз. Он снял верхнюю одежду, и я проводила его в приемный покой мачехи. Сказала, что Амина в своей спальне, но я ее позову сейчас же.

– Вы очень добры, мадемуазель, – по-французски сказал Тенгиз.

С этими словами он взял мою руку, поднес к губам и поцеловал кончики пальцев, которые обездвижили меня – так я была взволнована. Он впервые внимательно посмотрел на меня, как на человека, а не на бульжик с мостовой. Тень улыбки скользнула по его устам. Неужели он почувствовал мое волнение? Тенгиз пригнулся ко мне и продолжил по-французски:

– Вы позволите поцеловать вашу щечку?

Дрожа от смущения и возбуждения, я подставила щеку для поцелуя. Наши лица соприкоснулись. И я коснулась губами его щеки. Страх и радость обуяли меня: если бы кто-то увидел нас в тот миг – тогда мне конец!

– Ну вот, а теперь, милая девушка, пойдите и позовите Амину.

Он снова улыбнулся, а я тихонько, как после постыдного свидания, бесшумными шагами покинула комнату.

Вернувшись к сестрам, я, задрав нос, смотрела на них с гордой надменностью. Они даже и представить себе не смогут, что Тенгиз поцеловал мне руку и щеку! Им и на ум не

придет, что я тоже его поцеловала! У меня не оставалось сомнений: я ему нравлюсь! Иначе зачем же ему целовать меня? Да еще позволить ответить поцелуем. По моему виду ушлая Зулейха поняла, что произошло нечто особенное.

– Что случилось? – стала выпытывать сестрица. Но я молчала, усиливая ее любопытство. С тех пор, когда Тенгиз приходил к нам, я вспоминала тот поцелуй, заново переживая волнительный миг и думала, что у нас с ним есть общая тайна. Уже сейчас, готовая ради него сменить веру, отречься от семьи и богатства, я представляла себя его обожаемой супругой – княгиней. Я готова была идти за ним в любой край России, даже в Сибирь, хотя ужасно боялась холода, нарожать ему кучу детишек...

Стоило мне влюбиться, я теряла покой и сон. Это случилось постоянно. Любовь и бессонница неразлучны. Бессонница была самым изнуряющим процессом в период очередной влюбленности. Невозможно было от нее избавиться - я не могла спать. Лишь грезилась и томилась, лежа в постели. К счастью, Тенгиз уехал из Баку, и я обрела покой. Временный. До новой, безуспешной любви...

Именно тогда со мной впервые заговорили о замужестве. Точнее, я получила первое официальное предложение.

После того как в нашей семье появилась Амина, я почти не виделась со своими двоюродными братьями, и даже не вспоминала о них. Восхищение ими развеялось с приходом мачехи. Отныне я любила только Амину. Ну, разумеется, если не считать последующих «любовных переживаний» из-за молодых людей. С двоюродными братьями в городе мы виделись нечасто. Наше общение происходило, главным образом, на даче, в летние месяцы. Примерно раз в неделю, навещая городской дом своей тети, я встречалась с кузенами и мы вели наши игры. Предводителем всегда был Асад. Он так уверенно командовал, что мы беспрекословно выполняли все его приказы: выстраивались в ряд, маршировали, изображая армию. Асад был любимчиком отца. Ему прочили большие ус-

пехи в будущем. Под успехами подразумевалось богатство. Вот он и искал для сына выгодную партию. Наконец, Сулейман остановил свой выбор на мне. Решил, что, став наследницей миллионов своего деда Ага-Мусы, я вполне сгодились бы и в жены его сыну. Прежде я не понимала смысла ласкового взгляда дяди Сулеймана, когда приходилось навещать свою тетушку. Обычно старшие трепали за щечку детишек, которые им особенно нравились. И дядя Сулейман щипал мне щеку и ерошил волосы, ласково называя «мамочкой». Его особое внимание к моей персоне было непонятно мне, по наивности я еще не думала, что в этом может быть какой-то расчет. Но однажды Сулейман увел меня в свой рабочий кабинет, усадил на колени и завел разговор. Разговор проходил в комнате, устроенной наполовину в стиле барокко, наполовину в восточном. Здесь было множество книг, но никто и никогда к ним не притрагивался.

– Скажи-ка, детка, не хочешь ли ты выйти замуж? – начал свою предварительную «разведку» Сулейман.

– Еще как хочу! – подумала я, но промолчала, сделав удивленные глазки. Я думала об этом день и ночь, строила сотни планов! Но дети моего возраста при таких беседах должны делать вид, что ничего не понимают.

– Что же ты молчишь? Отвечай же, хочешь замуж? – настаивал дядя Сулейман.

– Мне еще рано об этом думать, - опустил глаза, отвечала я, изобразив скромницу.

– Все будет хорошо! – ущипнул меня весело Сулейман. – Что значит, рано думать? Ты же не малокровная христианка! Обе твои бабки вышли замуж в тринадцать лет. Моя матушка – в 14 лет. Да и тетки твои в 14-15 лет были замужем. Очень скоро и твое время подоспеет. Ну, отвечай же, хочешь замуж?

Я, не отвечая толком, что-то бурчала себе под нос.

– Я спрашиваю, потому что присмотрел для тебя жениха. Такого замечательного! Даже не можешь представить, какого расчудесного, – не отставал дядя Сулейман.

– Ах,.. – слабо вздохнула я.

– Что значит «ах»? Асад – отличный юноша. Он будет очень сильным, когда вырастет. Красавец станет. Вот увидишь! Он накупит тебе кучу драгоценностей, построит такой дворец, что все вокруг обзавидуются. Ни у кого в Баку не будет дворца лучше, даже у самого Таги Русланова. Там будут мраморные стены, фонтаны с золотыми рыбками. Будешь есть из золотых тарелок, пить из хрустальных бокалов. – Сулеймана обуял приступ красноречия. Вдруг он разошелся, с жаром выдав свою давнюю мечту. – Твои тетки станут у тебя прислугой, а дядьки будут твоими служащими. Ты будешь командовать ими, как настоящая хозяйка! Я заставлю их кланяться тебе! Они будут пресмыкаться перед тобой, как собачонки! Ну что, согласна?

– Это дело будущего,- ответила я, не зная, что ответить. Никакой твердой уверенности не было.

– Разумеется, дело будущего, - смачно чмокнул меня Сулейман. – Оставайся сегодня с нами ужинать. Я закажу твоё любимое шоколадное мороженое. Когда станешь женой Асада, будешь каждый день есть такое мороженое. А летом я буду смешить тебя, глотая мороженое с мухами...

Об этом следует рассказать отдельно. Я уже говорила, что Сулейман редко приезжал на дачу из-за неладов с моим отцом. Но когда приезжал, показывал странное представление. Во время десерта мы то и дело отмахивались от назойливых мух. А Сулейман, поймав одну, обмакивал в мороженое и поедал, чавкая и облизываясь, как будто это действительно доставляет ему удовольствие. Гувернантки не могли видеть эту сцену, тетки брезгливо морщились. Но дети, разинув рот, с восхищением наблюдали за «мастерством» Сулеймана. Мы считали его виртуозом в поедании мушиного мороженого. Он просто талантище! А как он рыгал! Я нико-

гда не встречала больше таких «рыгачей». Он делал это, как будто по нотам: громко, непрерывно, с упоением. Эта его привычка возмущала гувернанток, вызывая омерзение. Но нас, детей, она забавляла. Сулейман так невозмутимо рыгал, даже в присутствии уважаемых людей, что они уже не обращали на это внимания. Бывало, потихонечку и сами порывались. Но наши гувернантки считали, что поведение Сулеймана возмутительно и плохо влияет на воспитание детей, что его невежество просто оскорбительно. А мы и вправду пытались подражать дяде Сулейману, неумело рыгая. У нас не получалось. Куда нам до такого аса, как Сулейман! Это был рыгач – всем рыгачам рыгач, мастер суперкласса. Другие его чудачества мне тоже нравились. Однажды в Берлине он несколько раз платил полицейским штраф. Как известно, в германской столице запрещено плевать на улицах. Но дядя Сулейман, в прямом смысле слова, плевал на немецкие законы. Он нарочно плевался там, где ему хотелось, и раздавал штраф. Главное, его «эго» было удовлетворено. В другой раз, умышленно испортив лифт в одной из гостиниц, он заставил бедного лифтера сотню раз подниматься по лестнице. В фойе Парижской оперы дядя Сулейман распевал наши народные песни, писал с балкона гостиницы на улицу, с наслаждением громко рыгал в элитном ресторане «Максимс». Каждый раз, возвращаясь из дальних поездок, он наряду с подарками гордо демонстрировал вещицы, украденные из самых известных гостиниц. Это «баловство» доставляло ему особое удовольствие, и он, хвалясь, раздавал нам уворованные из гранд-отелей тарелочки, пепельницы, вазочки и прочую мелочь. А мы берегли эти вещички пуще самых любимых игрушек. Человеческая натура имеет множество странностей... Сулейман казался мне очень забавным и нравился больше других именно из-за своих недостатков, как я сейчас понимаю.

И сейчас, нащупав мое «слабое место», Сулейман всячески пытался заинтересовать меня. Мне, конечно, очень

нравились его проделки, но стать женой Асада, по-правде сказать, особого желания не было. Я предпочитала влюбляться в принцев и князей. Асад, безусловно, малый не без талантов. Но он не герой моего романа... Но Сулейман был настойчив. Он объявил о своем решении в семье и даже получил предварительное согласие. Мое желание в этом случае не имело значения. Сулейман считал, что когда придет время (то самое!), он с легкостью получит желаемое. Он был уверен в этом.

XI

И вот настали времена, полные драматизма, давшие бесконечные темы историкам и усугубившие тяготы народа. После известных событий в России был свергнут царь, грянула Октябрьская революция, Керенский сдал власть, гражданская война столкнула красных и белых. Империя рухнула... На фоне этих потрясений национальные территории государства стали самоопределяться, создавая независимые республики.

На Кавказе народы Азербайджана, Грузии и Армении спешили восстановить свои права, начав активную деятельность. В Баку, столице Азербайджана, шла бурная политическая жизнь. Благодаря деятельности всевозможных политических новообразований усиливалось соперничество, разруха и противостояние. Известная армянская организация социалистической направленности под лозунгами «во спасение страны от коммунистического переворота» создала в стране военную диктатуру. Но среди людей ходили слухи, что во главе этой организации сами большевики и стояли. Кем бы они не были, во время этой черной эпохи началось истребление мусульман. По выражению некоего английского писателя, народ стал жертвой политических интриг. Представители самых высоких, ведущих слоев, независимо от национальности, во время политической свары и погро-

мов, поддерживали друг друга. Их объединяли общие интересы. А резню поочередно, в определенное время, начинала та из сторон, которая на тот момент была сильнее и которой это было выгоднее. Если в Турции истреблялось и депортировалось христианское население (издержки первой мировой войны!), то в Азербайджане армяне убивали азербайджанцев. Русское правительство наблюдало эту трагедию со спокойным безразличием, придерживаясь политики «Разделяй и властвуй!» Оно давало возможность республикам обескровить друг друга.

Однажды в два часа ночи меня разбудила фрейлейн Анна. Я проснулась, но кругом была кромешная тьма. Свет погас во всем городе, не стало электричества. Город упал в бездну тьмы. В этой ужасающей тьме слышались выстрелы, неизвестно откуда производимые, со свистом пролетали пули. Вдали раздавался треск пулеметных очередей. Мы со страхом ждали появления «дашнаков» (так назывались армянские националисты) в нашем доме, с отчаянием думали, как будет разрушен дом, как будут истреблять нас самих. Телефон тоже был отключен. Дом напоминал одинокий остров в окружении враждебной и опасной тьмы. Мы собрались в темной спальне Амины и ждали. Что же нам еще оставалось? Только ждать... В четыре утра в парадную дверь начали так сильно стучать, что показалось – сейчас рухнет весь дом, а вместе с ним и все наши надежды. Вот они, дашнаки! Сейчас всех нас перережут!.. Отец взял револьвер и вышел из комнаты, вслед за ним вышла и Амина. Для слабой женщины такой поступок был признаком отваги и верности. А мы готовились к смерти... Но, видно, несколько поторопились. Некоторое время спустя отец и Амина вернулись. С ними были наши соседи-армяне, жившие напротив. Они пришли, чтоб предложить нам укрыться в своем доме. Там будет безопаснее. Их предложение было с благодарностью принято. Что же нам оставалось? Мы тотчас схватили свои маленькие чемоданчики и побежали вниз по лестнице. Нам

нужно было всего лишь перейти улицу. Но бесконечно пролетающие отовсюду пули даже этот короткий путь делали смертельно опасным. Нам велели бежать через улицу, в противоположном конце которой шел бой. Щелкали выстрелы, со свистом и воем пролетали пули. От нашей обычной лени не осталось и следа. Скорее добраться до соседского дома! Мы бежали, спасаясь от пуль, спотыкаясь в темноте о камни и колдобины, дрожа от страха. Только отец передвигался не спеша, осторожно: он держал на руках моего крошечного братишку и боялся споткнуться и упасть. Но Аллах сжалился над ним.

Хозяева встретили нас, окружив заботой. В тот момент это много стоило и было очень трогательно. Укладываясь спать, мы испытали множество неудобств. Кроватей оказалось гораздо меньше, чем людей. Поэтому некоторым пришлось спать даже на полу, разложив матрасы на ковре. И я улеглась на полу в небольшой комнатушке. Здесь же расположилась на диванчике и фрейлейн Анна с моим маленьким братишкой. Так и не удалось мне уснуть до самого утра: всю ночь плакал ребенок и трещали выстрелы.

Утром следующего дня мы увидели грузовые автомобили, стоящие перед нашим домом. Какие-то люди, обмотанные патронташами, заполняли их вещами, которые выбрасывали прямо из окна. Эти люди, одетые в грязную армейскую одежду, вызывали чувство страха и ненависти. Но, глядя на сцену гнусного грабежа, мы одновременно внутренне радовались: ведь, окажись мы сейчас там, дома, и нас, не колеблясь, повыбрасывали бы из окон. Все содержимое дома очень скоро вывалилось наружу: вслед за ложками и вилками летело женское нижнее белье, корсеты и панталоны, подсвечник в стиле XV века летел вместе с зацепившейся за него кашмирской шалью.

– А вот и мое зеленое бархатное платье... – печально вздохнула Амина. А фрейлейн Анна со слезами на глазах

смотрела на покрывало, которое вязала целый год. Оно летело по воздуху, лохматясь шелковой бахромой...

– Моя замечательная новая ночная рубашка... – подавила крик Зулейха.

Я же, всегда относившаяся к вещам как к одушевленным предметам, тихонечко шептала: «Бедное мое пальтишко! Тебя обижают... прощай! Прощай, мое любимое пальтишко с меховым воротником, мое чудесное пальтишко, летящее через окно в этот гадкий грузовик!».

В тот же день отец и Амина покинули нас: для них, разыскиваемых армянскими головорезами, оставаться здесь было небезопасно. Один из армян, друзей отца, увел его в более спокойное место. А положение все ухудшалось. Как это часто бывает, главари потеряли контроль над своими людьми. Те же превратились в обезумевших грабителей и убийц.

Нас разбудили в три часа ночи, когда отца уже рядом не было. В доме какие-то вооруженные люди проводили обыск. Они шарили всюду: лезли на крышу, заглядывали в шкафы, ящики, под кровати, прокалывали штыками все места, где мог укрыться человек. Не найдя никого, эти негодяи выпили все вино, что нашли в доме и, грязно ругаясь и грозясь, ушли.

А утром откуда-то появилась группа военных и установила на крыше пулемет, из которого стали расстреливать пустой дом... Так мы прожили две недели, полные тревог и страхов. Мы были абсолютно подавлены, морально и материально, прячась от озверевших солдат и шальных пуль. Весь день сидели в доме, не отворяя окон. А по вечерам, дрожа от страха, собирались вокруг слабого света парочки свечей. Свечи нужно было экономить. Провизии тоже не было. Две недели мы жевали осточертевшую чечевицу – и утром, и днем, и вечером. Ничего другого не было. А хозяйка дома ласково уговаривала нас:

– Вы ешьте, ешьте чечевичку. Не беспокойтесь, ешьте сколько угодно. Ее у нас много! Еще два мешка есть.

Странно, но чечевица не вызывала отвращения. Даже сейчас я ем ее с удовольствием, вспоминая ту вынужденную чечевичную «диету» в доме соседей-армян.

Удручал нас не только скудный стол, но и нескончаемый плач трех старушек, которые жили в доме наших спасителей. Эти женщины стонали и рыдали без конца: то по очереди, то вместе, исполняя свое гнетущее траурное трио. Сердце сжималось от горя! Самая старшая из женщин была и самой «плакучей». Стоило ей посмотреть на нас, и слезы ручьем текли из ее глаз. Я хорошо помню ее шелковистые седые волосы, ласковый взгляд черных глаз, бледное старческое лицо. Эта женщина была добра со всеми, и остальные относились к ней с любовью. Старая женщина часто прижимала меня к груди, гладила и успокаивала, когда я, трясясь от страха, бессильно всхлипывала. Но успокоить меня было не так-то просто. Мне было так одиноко! Вся эта обстановка удручала – где мои сверстники? Где друзья? Сестра Зулейха не очень дружила со мной. Несмотря на малую разницу в возрасте, между нами было некое отчуждение. А ее жуткий характер совсем не располагал к общению. Двоюродные братья жили далеко. Взрослея, мы все больше отдалялись. Одних это радовало, других огорчало. Все менялось... Неизменной оставалась только любовь фрейлейн Анны. А я с глупым упорством и бессердечностью пыталась избавиться от ее опеки. Сейчас она была, главным образом, занята моим братишкой. И очень беспокоилась, что не может уделять мне должного внимания. А я по-прежнему пыталась завоевать симпатию Амины. Но оттого, что это не приносило видимых результатов, чувствовала себя все более одинокой. Ничего не поделаешь, приходилось с этим мириться.

Когда обстановка в городе несколько стабилизировалась, к хозяевам, приютившим нас, стали приходиться их родственники. Был среди них и светловолосый, голубоглазый

паренек (нечастое явление среди армян – русые волосы). В первый же день он вызвал у Зулейхи интерес к рисованию, а заодно и к себе. Стоило этому юноше появиться в доме, как Зулейха уводила его на террасу, в укромный уголок, и заставляла позировать, одновременно строя ему глазки. Я знала, что «творческое вдохновение» – это всего лишь повод. Размышляла: стоит ли сделать этого юного армянина объектом своей любви? Вела подготовку к очередному состоянию влюбленности.

Позже мы встретились с этим симпатичным пареньком в Париже. И сейчас наши встречи продолжаются. Правда, он уже не так хорош, как в юности, но волосы и глаза не изменились. Когда он сердится на меня и сестер, говорит: «Зря я спасал этих женщин от резни!» Но тогда ни мне не удалось завести любовную интрижку, ни Зулейхе – закончить портрет. Две недели, ознаменованные поеданием чечевицы, уличными перестрелками и перерывами между боями, закончились. Однажды нам сообщили, что вечером мы поедем к отцу. Собирались мы недолго, гораздо дольше и трогательнее проходило прощание с хозяевами дома. Все обнимались, плакали и вздыхали. Наконец, благословленные заплаканными старушками, уселись в прибывший за нами фэтон. Сейчас, описывая прошлые события, полные драматизма, я пользуюсь обычными словами. Но в то время они не поддавались привычным понятиям. То, что я знаю сейчас, было непонятно тогда. Кроме того, тогда я не знала, что все благополучно обойдется. Поэтому страх не покидал меня.

Уже два дня, как перестрелки в городе почти прекратились и до семи вечера можно было появляться на улицах. После семи начинался комендантский час. Город выглядел ужасно. Это была горькая картина: магазины ограблены, брусчатка выбита из мостовых, стекла в окнах расколоты, а стены домов в щербинах от пуль. Такое зрелище удручило бы самого сильного оптимиста. Даже ехидная Зулейха огорченно помалкивала. Фэтон, не выезжая на центральные

улицы, в объезд вышел к порту и скоро подъехал к маленькому домику неподалеку он стропил судоверфи. Мы вышли из экипажа, и извозчик повел нас в домик. Тут была Амина и какой-то мужчина в оборванной одежде рабочего. Боже! Так это же наш отец!» Мы бросились в объятия друг друга и, долго обнявшись, плакали. Потом нам сказали, что отец повезет нас в Иран. Он надеялся спрятать нас в более безопасном месте, чем родные горы. Собственно, по всей России было небезопасно. Но не схватят ли нас в Иране? Удастся ли покинуть Родину незамеченными?

Тот домик, где мы собрались, был жилищем капитана нефтяного судна. Судно уже готово к отплытию, и мы очень скоро сели на него. Но прежде его должны были проверить дашнаки. Что, если отца узнают? Тогда всем нам конец... Было решено переодеть отца рабочим котельни и спустить в трюм судна. Мы должны были изображать детей капитана, а закутанные в чадру фрейлейн Анна и Амина – его добропорядочных мусульманских жен. К счастью, все благополучно обошлось: дашнаки, которых капитан щедро угостил водкой, особенно не потревожили нас, вели себя спокойно. Они не стали и дотошно проверять машинное отделение, где мой отец, вымазанный сажей, в папахе, натянутой на глаза, в грязной одежде кочегара, пытался походить на рабочих, которых прежде эксплуатировал. Пьяные дашнаки, увидев кучу детей и женщин, записанных на имя капитана, очень удивились. Видно, у них двоилось в глазах от выпитого и нас показало еще больше. Но нас они все равно отпустили с миром и убрались. Через некоторое время тень родного города, лишённого электричества, потихоньку растаяла вдали...

Но тут создалось новое и необъяснимое положение. Наше состояние можно было оценить как «синдром минувшей опасности». Мы превратились в молчаливые, испуганные, плохосоображающие существа, физически и морально истощенные. Непонятно отчего, болели зубы и сводило челюсти. Сон превратился в кратковременную, чуткую дремо-

ту. Страх не давал глубоко уснуть. По мере того, как вместе с береговой линией отдалялась и опасность, мы начинали приходить в себя. Необъяснимое чувство счастья нового рождения! Тело стало легче, дыхание глубже, мысли, освобожденные от мучительного беспокойства, яснее. Одним словом, человек ощущает радость свободы! Наиболее чувствительные плакали от счастья, верующие молились, вознося хвалу Аллаху, моряки пели и плясали. Но одно желание объединяло всех – страшно хотелось есть! Как только судно вышло в открытое море, мы все бросились к столу. После двухнедельной «чечевичной диеты» это было поистине царское угощение: здесь была икра, осетрина, плов с курицей, миндаль, пирог. Мы так спешили, что ели икру ложкой, а курицу – руками. Все увлеченно жевали, чавкали, грызли. Страшные мысли рассеялись. Мысли о революции заняла курица, воспоминания о погромах померкли перед жареной рыбой. Но вслед за насыщением пришла тошнота. Мне становилось все хуже и хуже. Я побледнела, голова кружилась, еда подступала к горлу, рвась наружу. Пришлось бежать в туалет.

Весь путь сопровождался морской болезнью. Она вымотала меня! Морская болезнь заняла место только что ушедшего страха. Почему она приключилась только со мной? Все остальные прекрасно себя чувствовали. Мне становилось еще хуже, когда я об этом думала. Когда мы прибыли в иранский город Анзали, я была похожа на настоящее чучело.

Мы пробыли в Иране более шести месяцев. Время, проведенное на чужом берегу, видится мне в мрачной тени неприятных воспоминаний. Оно сопровождалось скучными и длинными днями, жаркой погодой и высокой температурой – меня и тут угораздило заболеть. В Анзали нас поселили в каком-то домишке на краю то ли канала, то ли речушки. Позже отец принял решение перевезти нас в Решт. Это тоже был небольшой, невзрачный городок. На совершенно голой

земле стоял единственный каменный дом. Остальные постройки были выполнены из какого-то другого материала.

Не успели мы обустроиться в Реште, как местные патриоты под предводительством некоего Кучук-хана подняли бунт против англичан. Началась война. Патриоты-националисты держали длинные бороды, которые они поклялись не стричь, пока не изгонят со своей земли агрессора.

Город бомбили аэропланы, на улицах шла стрельба. А мы вновь стали жертвами исторических потрясений и кровавых событий. Видно, такова наша участь... Мы теснились в нелепом домишке, опасаясь, что пули пробьют его слабые стены.

Когда война за независимость завершилась, мы продолжали маяться от скуки. Дел у нас никаких не было, но и выходить из дому было невозможно: здесь принято ходить закутанными с головы до пят в чадру. Но мы, дети прогресса, ее никогда не носили, а потому и не могли никак приладить к себе. Тут нужно было умение. Да и ходить в чадре не так-то просто. Полагалось прикрывать краем чадры лицо так, чтобы виднелись только глаза. А тело должно быть полностью в нее закутано. Не думаю, что такой наряд можно считать достижением ислама или его хорошей чертой. В Баку эти покрывала были, но по крайней мере, цветными. Но здесь, в Иране, все носили черную чадру. Казалось, повсюду гуляют стаи ворон.

Еще одной «головной болью» Ирана является шиитство. Правда, и в Азербайджане, прежде бывшем частью Персии, исповедуется эта разновидность ислама. Но Амина была сунниткой, а в Иране это не приветствовалось. Приходилось скрывать ее «недостаток», как какую-то порочную болезнь. Амина же, никогда не придававшая значение религиозным порядкам, очень сердилась, нервничала и страстно желала, как и все мы, поскорее вернуться домой, на Родину...

С родных берегов тем временем начали приходить обнадеживающие слухи. И отец решил вновь перебраться в

Анзали – ведь Баку был оттуда совсем рядом! Мы снова вернулись в лачугу на берегу Каспийского моря, и потянулись дни ожидания. Тут-то и прихватила всех какая-то болезнь, и мы по очереди промаялись в жару и бреде. Я до сих пор не забыла, как полыхало мое тело от высокой температуры.

Так прошло несколько месяцев. Наконец однажды мы узнали, что турки-османы заняли Баку и навели порядок. Мы без промедления начали собираться домой, но пришлось несколько задержаться. Турки, опасаясь проникновения большевиков, не впускали судна в бакинские порты. Чем больше добрых известий приходило из Баку, тем нетерпеливее мы становились. Так хотелось поскорее оказаться дома!

Наконец-то настал долгожданный день, и мы, поднявшись на борт судна, привезшего нас в Анзали, поплыли к родному берегу. На всем Каспии не было более умелого, отважного и веселого капитана, чем наш. Покачавшись на каспийских волнах, заново переболев изнуряющей морской болезнью, мы (слава Богу!) прибыли в желанный, дорогой нашему сердцу город и оказались в своем разграбленном доме. В комнатах, кроме огромной мебели, ничего не осталось, да и она была вся побита и покорежена. Шкафы «украшали» пулевые отверстия, а резные части мебели отбиты. Один из шкафов в стиле Луи XIV был опрокинут на пол, кругом лежали осколки дорогой разбитой вазы. На этой вазе когда-то было изображение обнявшихся Амура и Психеи. Человеческая жестокость, разбив вазу, разлучила этих несчастных. Но все равно мы были счастливы оказаться в своем милом доме. И даже беспорядок и разруха не уменьшали нашей радости. Наконец, и о родственниках поступили известия. Мы восемь месяцев о них ничего не слышали. Теперь узнали, что Лейла, ее муж, сын и Сурайя, гонимые русской революцией, долго скитались и сейчас обосновались в Одессе. Они дожидались судна, которое ходило раз в два месяца. Но их ожидание могло затянуться: заминированное Черное море

продолжало оставаться полем боя для разных пароходов и стран.

А в Баку турки наводили порядок. Почти ежедневно состоялись казни. Вешались преступники и мародеры. В одном из городских парков была установлена виселица, на которой ветер раскачивал тела казненных, в устрашение прочим. Надо признать, такая мера давала хорошие результаты: очень скоро прекратились разбои, грабежи и прочие преступления. В городе были полностью восстановлены порядок и покой.

Конечно, прибывшие на Кавказ турки, не преминули наказать армян. И в очередной раз простой народ стал жертвой разбушевавшихся националистов. Соседей-армян, которые прятали нас в дни погромов, никто не тронул. Мы повидались с ними, и встреча была очень радостной. Вспоминая те страшные дни и килограммы съеденной чечевицы, все смеялись от души. Материальные потери, которые понесла наша семья, не огорчали – слава Богу, не произошло ничего непоправимого.

Но в скором времени турецкую оккупацию сменила английская. Турция, будучи в союзе с Германией, потерпела поражение и отступила. Победители-англичане потянулись на запах милой их сердцу нефти и по-хозяйски устроились в богатом нефтеносном краю.

Наш дом стал местом встречи английских офицеров. Подросшая Зулейха вместе с Аминой без конца принимали гостей. А я завидовала их дружбе и тому, что Зулейха повзрослела раньше меня. Она менялась быстрыми темпами. Дело дошло до того, что Зулейха, не стесняясь, курила папиросы в присутствии других.

Баку стремительно менялся, втягиваясь в европейский образ жизни. Менялись обычаи, и традиции теряли устойчивость. Религия почти полностью утратила свои позиции. Семья уже не обращала внимания на поведение Амины. На фоне событий, происходящих вокруг Кавказа, по сравнению

с тем, что происходило в России, ее короткое платье и раскованность – не самое страшное. Отец сейчас же увлекся политикой и дал ей полную свободу действий. Везде говорили и думали только о свободе, независимости, процветании Азербайджана, Армении, Карелии, Туркестана и т.д. Атрибуты независимой республики – вот что было важнее всего для всех! Вскоре и англичане покинули Кавказ, а чудесный город минаретов и нефтяных вышек Баку стал столицей Независимой Азербайджанской Республики. Был создан парламент новой республики, а количество партий чуть ли не приравнивалось количеству депутатов парламента. Республика стала создавать и собственную армию, в которую призывались юноши, никогда не державшие в руках оружия. Был проведен военный парад. Произносились парадные речи, полные патриотизма и восторга. Один молодой композитор написал музыку к гимну Независимого Азербайджана. Как и в других хорошо организованных республиках, и новая Азербайджанская управлялась Кабинетом министров, избрала президента. Мой отец был назначен министром торговли. Отныне наш дом охраняли два солдата – ведь это был дом министра! Отец носил широкую желтую ленту. Не снимая ее до самого падения Независимого Азербайджана. А мы гордились его должностью...

Вскоре после ухода англичан в Баку вернулись задержавшиеся в Одессе Лейла и Сурайя. Все радовались их счастливому возвращению. Бедняжки столько пережили! На их лицах до сих пор лежала тень перенесенных тягот и бед. Сестры были усталыми, изможденными, плохо одетыми. Сурайя надела какой-то костюм из груботканой материи, похожий на мужской. Она и сама очень плохо выглядела. Бедняжка! Видимо, пережитое дурно повлияло на ее вкус. Она очень смутилась, когда ей сделали замечание по поводу безобразного костюма. На Лейле была одежда не лучше: платье, подбитое гардинной шерстью. Оно было слишком вульгарным. Но Лейла своего платья не стеснялась. Она по-

прежнему стремилась к «свободной жизни». Пока ей удобно было жить в родительском доме. Поэтому она распространяла слух, что ее муж – мерзавец и жить с ним невозможно. Но, знающие этого человека, понимали, что Лейла лжет. Уговоры и легкие угрозы не возымели действия. Упорство Лейлы было осознанным. Вскоре она заявила, что желает развестись, рассчитывая на возможность вернуться в дом отца. Она поселилась в своей прежней комнате. А в соседней устроила сына. Муж стал помехой, превратившись в обыкновенного престарелого родителя. Но, пока не получив развода, Лейла мирилась с таким положением. Муж обожал ее и разводиться не хотел.

Он жил у своей матери и приходил к нам навещать сынишку. Бедняга, как мог, пытался вернуть Лейлу. Смягчить ее сердце. Но все зря! Если женщина хочет «независимости», муж превращается в обузу. Лейла была тверда в намерении развестись.

Одни желают выйти замуж, другие пытаются избавиться от мужа. Вот Сурайе и Зулейхе, к примеру, пришло время подыскать себе муженька. К нам уже стали похаживать потенциальные женихи из «хороших мусульманских семей». Многие из них были «почти» врачами или инженерами (похоже, не доучились!). Это были желающие взять одну из моих сестер в жены. Все равно, какую, которую отец предложит – на той и женятся. А самые расчетливые даже готовы были подождать, пока вырасту я.

XII

Независимая Азербайджанская Республика активно действовала. В Женеву была послана группа представителей, Республика и ее права были официально признаны. Баку стал националистическим, и даже несколько шовинистическим городом. Собственно, столица нового независимого государства и должна быть таковой. Одни партии делали

упор на традиции, другие требовали «равенства и эмансипации». Последние были сторонниками женской образованности и участия женщин в общественной жизни. И вправду, порой мужеподобная Дездемона, которую в театре играл мужчина, вызывала, мягко говоря, недоумение: в те времена женские роли в театрах исполняли мужчины. Можно представить, как нелепо выглядели такие «женщины» в париках и накладных бюстах!

В молодой столице кипела и бурлила жизнь. Здесь было много россиян, покинувших объятую революцией родину. Все искали «удобное место под солнцем» или временное пристанище, чтоб переждать смутное время в России. Они были уверены, что скоро все кончится, через пару-тройку месяцев, большевики покинут сцену, и каждый займется своим делом. Дожидаясь этого «безусловного времени», люди брали займы. Развлекались и были беспечны. Приемы в нашем доме стали бесконечными. Ну, а мы, сестрицы-девицы, подбирали среди посетителей «достойных нашей любви» мужчин. Например, однажды за очень короткий промежуток времени мы «коллективно влюбились» в русского музыканта, юношу из Прибалтики, и в шведского инженера. Наши привязанности и любовь были скоротечными.

В канун весны мы познакомились с молодым офицером. Он-то и стал объектом нашей очередной влюбленности. Предыдущие сразу же померкли. На широкой груди молодого офицера красовались знаки отличия. Это был чернобровый и очень красивый мужчина. Правда, характером он был несколько язвительен. Поэтому с ним мало кто дружил! Не обратить внимания на привлекательного человека? Мы не могли себе этого позволить! И, конечно же, как всегда, поочередно влюбились в него. Кажется, он был перс. Но из благородной семьи, поэтому получил образование в Петербурге. Будущие офицеры, получавшие образование в том петербургском учебном заведении, даже беря в руки книги, надевали перчатки, чтоб не замарать руки, ведь чтение – это

тоже труд, а молодым господам трудиться негоже. Они же не простолюдины какие-нибудь! Зато у них было принято повязывать на шею шелковые чулки своих возлюбленных, пьянствовать, губя свою память. Многие из них были настолько честолюбивы, что постоянно изыскивали возможность проявить героизм, порой кидаясь в бессмысленные авантюры. Во имя воинской чести они совершали поступки, требующие особой отваги и бесстрашия. Поступив на военную службу в 16 лет, Мурад проявил себя смелым и отчаянным воином, заслужив несколько медалей. Но после революции, когда воинская служба потеряла свою ценность, Мурад вместе с родителями приехал в Баку. Здесь у них жили родственники. С нами он познакомился благодаря тем же родственникам.

Моя любовь, точнее, наша коллективная любовь к Мураду, оказалась безуспешной для двух сестер. То есть, две из трех сестер вынуждены были отказаться от своей «привязанности». Меньше всего шансов было у меня, и я это хорошо понимала. Но именно поэтому мое чувство было и самым страстным. Я успокаивала огонь страсти в своем сердце тем, что брала с вешалки его кепку, когда он был у нас в гостях, крепко-крепко прижимала ее к груди, жарко целовала, вдыхала ее запах, пьянея от него. Обращаясь к головному убору Мурада, как к живому существу, я, лаская ее, говорила: «Милая кепка, передай Мураду, что я люблю его. Если он захочет, я сделаю его счастливым!» Много чего шептала я кепке своего возлюбленного! Возможно, некоторые из них она донесла своему хозяину, потому что он смотрел на меня несколько иначе, чем грузинский князь. Его взгляд был более чувственным. Иногда он даже заводил со мной беседу. Жесткие нотки в его голосе и пугали меня, и очаровывали. Мне казалось, что Мурад почувствовал наше к нему особое отношение и наслаждался, играя чувствами трех сестер. Мои с ним беседы не были продолжительными – то Зулейха встревала, то Сурайя. Так они меня и оттесняли. Приходи-

лось сдавать позиции, уединившись в уголке, безнадежно печалась. На официальные приемы меня не допускали. На семейных обедах же я сидела в самом конце стола, ощущая себя ненужным предметом. У меня не было никакого права на любовь и надежду! Я не могла быть его возлюбленной!

Вспоминаю то время со странным чувством. Из-за разницы в возрасте с сестрами меня считали ребенком, но моя нравственная зрелость намного опережала физическую. А меня ставили чуть ли не в один ряд с маленьким братишкой и племянником. Потому-то я их и не любила. Когда малыши, с детской наивностью приближались ко мне, я сердито отворачивалась. Для меня, начитавшейся романов Мопассана, получившей «уроки мудрости» от своих двоюродных братьев, такое положение дел было настоящей пыткой. Но как же можно относиться ко мне так, будто я ровня этим мальчикам! А еще меня очень огорчало обязательное правило ложиться спать. Вечером, оставаясь в спальне, я мучалась от бессонницы. Музыка, голоса, смех, доносившиеся из гостиной, заставляли меня страдать. Я ворочалась в постели, плакала от обиды: почему меня не допускают к участию в веселье? Вместо этого я мучаюсь в опостылевших стенах своей комнаты! Кошмарная несправедливость! Так и задыхалась я от горечи и обиды. В то время, как Зулейха и Сурайя вертелись среди взрослых, кроме всего прочего, мне стали гораздо меньше уделять внимания и в вопросах обучения. Все были заняты своими делами. К счастью, я могла проводить время за игрой на пианино. Это помогало рассеять грусть, часть дня проходила за инструментом, часть – за чтением книг и в раздумьях.

Если б я поделилась о своих переживаниях с фрейлейн Анной, то не чувствовала бы себя такой одинокой и несчастной, ведь, несмотря на нынешнюю нашу некоторую отчужденность, она по-прежнему любила нас. Но по своему недомыслию я не только охладела к своей няне, но и стала недолго любить ее. Давно мы уже не замечали фрейлейн Ан-

ну, не считались с ней. Немалая заслуга в этом и Лейлы, которая, став замужней дамой и мамашей, говорила, что советоваться с няней глупо. А попавшие под влияние Амины Зулехы и Сурайя считали фрейлейн Анну несовременной, ее наставления нудными и воротили от нее нос. Фрейлейн Анне не нравился образ нашей жизни по поведению, но она помалкивала. Так как лозунг «Прогресс – для всех!» шел от хозяйки. И наши чудачества были продолжением «политики верхов».

Тем не менее фрейлейн Анна не всегда молча наблюдала за происходящим, иногда и она выражала свой протест. Вот потому-то мы и стали к ней хуже относиться. Последние годы жизни фрейлейн Анны в нашем доме стали несколько сложнее. Ее почти приравнивали к обычной прислуге, перестали слушаться, посмеивались над ее мнением. Самой бессовестной по отношению к няне стала я. Мне казалось, что фрейлейн Анна, на попечении которой были самые младшие члены семьи, хотела силой удержать меня в детстве. Я стала груба с ней и получала удовольствие, иногда доводя до слез эту замечательную женщину. Но порой прежняя любовь просыпалась в моем очерстневшем сердце, и я каялась, вспоминая ее доброту. Такие мысли приходили обычно по ночам, когда мучила бессонница. Перед глазами оживали картинки прошлого, и мне становилось стыдно за свою грубость и несправедливость. Хотелось вскочить с постели, побежать к ней, обнять и попросить прощения. Но с такими мыслями я засыпала, а наутро продолжала обижать бедняжку фрейлейн Анну, которая всю свою жизнь сталкивалась с бесправием и несправедливостью судьбы и людей. Она двадцать лет верой и правдой служила нашей семье! А теперь подвергалась оскорблениям и унижениям. Лишь Богу известна тайна несправедливости...

Но поговорим о Мураде. Покуда я обитала среди малышей, стали проясняться его планы. Потихоньку стало известно, что он избрал для супружества Сурайю. Мурад был

мусульманином. Вероятно, особых причин препятствовать этому браку не нашлось бы. Скоро Мурад и Сурайя были помолвлены, а мы с Зулейхой принялись искать нового «возлюбленного». Это было несложно, и через весьма короткое время «объект новой страсти» был найден. Им оказался некий русский полковник.

Несмотря на одобрение отца, брак Сурайи и Мурада не пришелся по сердцу некоторым нашим родственникам. Во-первых, потому что бакинцы не любили родниться с «чужеземцами». Во-вторых, моя тетья, что жила по соседству, давно приглянула Сурайю для своего сына Мирзы. Разве могли родственники допустить «утечки капитала» на сторону? Я еще не рассказываю читателю о кузене Мирзе. У нас с ним была ощутимая разница в возрасте. Поэтому он больше дружил с Зулейхой и Сурайей. Моими же друзьями в детстве были братья-близнецы, Асад и Али. Мирза не особенно был любим окружающими. Он, как и все, мог приобщиться к культурной жизни. Но не воспользовался такой возможностью. Родители лезли из кожи, чтоб «сделать его человеком», тратили на это немалые средства, но ничего не получалось. Если недостатком Асада и Али считалась их чрезмерная жизнерадостность, то Мирза, наоборот, был грубым и хладнокровным. Он напоминал неотесанное животное. С детства няньки намучились с ним. Многие, не выдержав его тяжелого нрава, покидали их дом. Мирзу не раз выгоняли из школы за буйный нрав и драчливость. Но родители обожали своего единственного сынка и прощали ему все недостатки. Родительская любовь слепа...

Итак, мать Мирзы строила планы на его брак с Сурайей. Но это не пришлось по душе ни моему отцу, ни самой Сурайе. Услышав о помолвке сестры с Мурадом, мать Мирзы устроила такой скандал, словно ее обманули и ограбили. Вся родня вновь перессорилась и разделилась на два лагеря: меньшая половина поддерживала сторону Сурайи и Мурада. Большая – противилась их браку, осыпая отца упреками. Но

отец, как всегда, не обращал на их склоки никакого внимания.

Однажды кто-то стрелял в Мурада, когда он уходил от нас. Но, к счастью, пуля его не настигла. Все догадывались о причине покушения, поэтому не стали искать виновного и раздувать вопрос. Сам же Мурад не принял этого происшествия всерьез, его забавляли наши «внутриклановые разборки». Он был снисходителен к странностям родственников и насмехался над ними. Мурад посещал дома всех наших родственников и получал удовольствие от их своеобразных нравов. Особенно забавляло его семейство дяди Сулеймана.

– Я приехал к ним на фэртоне. Когда сошел, увидел на балконе вашу кузину Гюльнар. Поздоровался, как и полагается. А она, вместо того, чтобы ответить на приветствие, заржала: «Чего тебе надо?» - рассказывал нам Мурад. – Я ей отвечаю: «Ничего, уважаемая. Ничего мне не нужно. Просто я хотел повидать вашу матушку, чтоб выразить ей свое почтение». А она не поняла и опять спрашивает: «Чего-чего?» Смотрит на меня с подозрением и велит подождать. А потом исчезает в доме. Я долго ждал. Подумал даже, что она забыла обо мне. Но спустя долгое время она отворила дверь и сердитым голосом позвала меня в дом. Я пошел за ней следом и попал в какую-то странную комнату. Вся семья вашего дяди Сулеймана была тут в сборе.

– Знаешь ли, меня не волнуют военные мундиры и прочие достоинства. Мы не носим френчей, но зато имеем деньги, – очень грубо заговорил ваш дядя. Затем достал из кармана кошелек и гордо ударил себя в грудь. Вот, мол каков я!

– После такого «вежливого» знакомства мне стали задавать неуместные и бессмысленные вопросы. Каждый считал свой вопрос очень глубокомысленным и гордился своей проницательностью, а дети потихоньку хихикали. Странная семейка! И еще не понимаю, почему они так громко орут, когда разговаривают. У вас что, такой обычай? – продолжал Мурад свой рассказ о знакомстве с нашей родней.

Сурайя краснела от стыда. Среди родственников Мурада были высокопоставленные сановники, послы. А ее родственники, хотя и миллионеры, но ведут себя как неотесанные невежи. Она стыдилась их.

Дядя Мурада был избран президентом одной из новых северокавказских республик, обретших независимость. В эти исторические дни он находился в Париже. Мурад тоже собирался ехать туда, к своему дяде, и эта поездка одновременно должна была стать его свадебным путешествием. Там молодожены намеревались провести чудные дни и переждать смутное время большевистского нашествия...

Многие начинали беспокоиться затяжным присутствием большевиков, хотя почти никто не сомневался, что их власть долго не протянет. Со временем тех, кто подпадал под категорию «почти», становилось все больше. Беспокойство от затяжного присутствия большевиков росло, и поползли слухи, что после завершения гражданской войны в России, Кавказ будет захвачен ими. Слухи были самые разные, но толком никто ничего не знал.

Решение Мурада о поездке в Париж ввергло Амину в уныние. Кто-то поедет в Париж, а она останется в Баку – это невозможно вынести! Амина стала убеждать отца, что и ей с Зулейхой необходимо направиться в Париж. Она придумала сразу несколько причин: во-первых, стала выражать беспокойство какой-то своей несуществующей болезнью, лечение которой возможно лишь в Париже; во-вторых, Сурайе будет одиноко на чужбине; в-третьих, Зулейха обязательно должна учиться, по ее мнению, в Парижской Академии художеств – у нее безусловный талант, и она будет гордостью милой Родины. Да к тому же у них так оскудел гардероб! Нет, ехать в Париж просто необходимо!

Отец сдался и на этот раз, как всегда. Но поставил условие: Амина возьмет с собой и маленького сына – в такое смутное время мать не должна покидать свое дитя, лучше если она будет рядом. Амина же ради этой поездки была го-

това принять любые условия! Что касается меня, то об этом речи не шло. В очередной раз я почувствовала себя бесполезным предметом в доме. Это было болезненно. Одиночество становилось моим роком. Может быть, у них были какие-то причины оставить меня в Баку, но таковых я не видела, и не понимала. Поэтому до сих пор считаю, что со мной тогда обошлись очень несправедливо.

Раньше всех, чудесным солнечным днем, отправились в путь Мурад и Сурайя. Окно вагона было открыто, и я видела последнюю улыбку Сурайи, улыбку, смешавшуюся с цветами в ее руках... Мы все верили, что будущее сестры будет таким же прекрасным, как эти цветы. Никто не знал, что ждет ее впереди. Наверное, и хорошо, что не знали...

Затем уехали и остальные. До последней минуты я надеялась, что они изменят свое решение и возьмут меня с собой в Париж! Зря надеялась! Никто не думал обо мне, ни упаковывая вещи, не отправляясь в путь.

В девять вечера ожидалось отправление поезда. С четверти девятого началась церемония прощания. Придумав незначительный повод, я удалилась в сторонку, чтоб не рыдать при всех. Я спряталась в опустевшем большом зале и прислушивалась к звукам отъезжающего экипажа.

Прижав себя к стеклу в полутемном зале, я молча прислушивалась и ждала. Внизу открылась дверь. Послышались последние напутствия. Затем дверь захлопнулась, и фэтон отъехал от дома. Наступила тишина – итог всему...

Вот такая приключилась несправедливость... Амина и Зулейха покинули меня, оставив одну-одинешеньку. Их дорога представлялась мне в ярком свете, которому я не находила названия. Мне же пришлось остаться здесь, в безнадежной тьме... Будущее представлялось мрачным, печальным, полным бесправия и несправедливости. Именно так я себе его рисовала. А Зулейха и Амина в это время будут жить в ином мире – в Париже! Париж был для меня не просто географическим понятием. Это слово означало сказоч-

ный мир чудесных грез. Да, Амина и Зулейха буду жить там, а я... Тут слезы бурным потоком полились из моих слез. Кажалось, все мое существо обратится в слезы, выльется и меня не станет. Лучше бы так! Зачем жить в этом ненавистном мире, полном грусти и бесправия? За что я несу такое наказание? Но и слезы кончаются. Измотав, они прекращаются...

Как глупа я была, думая о бессмысленности и никчемности своей будущей жизни! Многое произошло, но все имело смысл.

Через месяц умер наш дедушка Муса. Он оставил нам, четверем внукам, огромное богатство. Оно было ощутимым, даже на фоне достояния десятков бакинских миллионеров. В тринадцать лет я стала обладательницей несметных богатств, превратилась в богатейшего человека. Но и это недолго протянулось. Через несколько дней ранним утром меня разбудили звуки «Интернационала», доносившегося с улиц. Я бросилась к окну и увидела множество солдат, вовсе не похожих на солдат азербайджанской национальной армии. Это были русские солдаты. Как оказалось, в полночь революционный бронепоезд пересек границы Независимой Азербайджанской Республики и привез на вокзал спящего города солдат Одиннадцатой Красной Армии. Вот так, без единого выстрела, Национальная армия Азербайджана сдала свои позиции. Республика пала, а победившая Россия вновь вернула себе прежнее «имущество». Я видела своими глазами конец целого мира!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

С падением Азербайджанской Республики, с концом того мира, свидетелем которого я была, закончилось и мое детство. В тринадцать лет... Отсутствие рядом сестер, брата, мачехи усиливало мое тягостное состояние. Взрослую жизнь я встречала в полном одиночестве. Но, возможно, такое неожиданное завершение детства было и к лучшему. По моему, вера в красоту жизни, непоколебимость привычного мира являются главными чертами детства. Как только иссякла вера, закончилось и детство. Оно еще не совсем далеко ушло, его чистота и беспечность были где-то рядом. Но они были мне не по сердцу. Детский взгляд на мир мешал видеть его истинное лицо, мешал ощущать его настоящие радости и беды, красоту и уродство, горечь и сладость. Так легко любить мир радости! Гораздо сложнее любить его таким, какой он есть на самом деле.

Я продолжала тяжело переживать отъезд сестер, успокаивая себя тем, что в скором будущем и мы с отцом отправимся в Париж. Но пока я грустила и страдала. Мои страдания несколько скрадывало присутствие старшей сестры, Лейлы. Хотя это трудно назвать присутствием. Она редко бывала дома. У нее своя семья, свои заботы. А фрейлейн Анна стала нервной и болезненной, у нее ослабло зрение, и это очень угнетало бедняжку. Она ухаживала за моим маленьким племянником, сыном Лейлы. Ее редкое внимание и забота обо мне натывались на мою грубость и неприязнь. Отношения с отцом были еще холоднее. Не ощущая его теплоты, я стеснялась отца и, кроме почтения, ничего не испытывала к нему.

Итак, первым серьезным, сильным чувством в моей жизни было одиночество. Сестры отправились в путешествие без меня. Надежды рухнули. Вскоре я увидела и первого в своей жизни покойника. Тело моего деда Мусы лежало на кровати, накрытое покрывалом. Покрывало будто прятало от

взоров его распухшее, обезображенное смертью тело. Я и прежде не любила своего деда. А его смерть принесла мне облегчение вместо переживаний. Дед долго болел, и полагалось каждую неделю его навещать. Нетрудно представить, какие приходилось испытывать чувства, подолгу сидя у постели умирающего старика. Считать минуты утомительного молчания, которые походили на часы! Это было невыносимо. Признаюсь, что я желала его смерти. Постоянная, вынужденная «вахта» у его скорбного ложа была пыткой не только для меня. Вероятно, его жена, другие родственники, дальние и близкие, испытывали те же чувства. Интересно, о чем думал он сам? Говорили, он очень боялся смерти. Но болезнь деда Мусы была изнурительной и тяжелой, что и сам он, возможно, желал поскорее умереть. Будучи здоровым, дед, панически боявшийся смерти, запрещал в своем присутствии даже говорить о ней. В одной древней восточной легенде говорилось, что человек, строящий дома, никогда не умирает. Вот Ага-Муса и строил роскошные здания за миллионы, которые приносила ему нефть. На момент смерти этих зданий было уже больше шестидесяти. Но легенда солгала – дед умер, не достроив до конца последнего дома.

Похороны деда Мусы проходили очень торжественно. Его степенно несли на носилках – мафе – поочередно десятки мужчин, пока другие шли следом.

Впервые в жизни увидела мертвым близкого человека. Я не горевала, но боялась. Кроме того, мне было и любопытно: воображала, что покойник – не мой дед, а кто-то чужой. А где же сейчас дед? Каков там мир мертвецов? Куда он отправился? Я со страхом смотрела на укрытое тело покойного, на выпирающий, вздутый живот. Лицо его, еще более подурневшее от смерти, было открытым: большой нос заострился, щеки запали. Борода поседела, не сохранив следов хны. Вдруг мне в голову пришла омерзительная мысль, такая тошнотворная, что и говорить стыдно. Я подумала: интересно, как пахнут покойники? Наверное, очень против-

но! После эта мысль не покидала меня несколько месяцев, вызывая отвращение и брезгливость. Мне даже снился тот мерзкий трупный запах. Но потихоньку запах смерти был забыт... Почему я об этом вспомнила?

По мусульманскому обычаю покойника омывают в мечети, а затем тело устанавливают в центре комнаты. Над телом священнослужители начинают читать Коран. В помещении, где находились муллы, женщины не допускались. Они сидели в другой комнате, плакали и причитали. И я рыдала вместе со всеми. Но не по покойному деду, а так, за компанию. Слезы, ручьем заливавшие мои щеки, были вызваны воспоминаниями о гуляющих по Парижу сестрах, о своей одинокой доле.

Носилки с телом деда несли впереди бесконечного потока сопровождающих. Покойник мерно раскачивался на носилках, как дитя в люльке. Вереницей тянулись мужчины в фесках и каракулевых папахах.

В течение недели ежедневно поминали покойного Ага-Мусу, подавая посетителям обильное угощение. Сотни бедняков, угощаясь жирным пловом с цыплятами, молились об усопшем и горько плакали. А когда обстановка поминок несколько стихла, начались разговоры о наследстве. Огромное богатство деда должно было быть разделено между его женами и четырьмя внуками. Меня мало интересовало это богатство - не очень-то верилось в возможность так скоро разбогатеть. В конце концов, именно так и случилось. Не досталось мне ни самого наследства, ни пользы от него.

Красная Армия, захватив Азербайджан, вернула его в лоно Русской Империи, облаченной в новое, советское, идеологическое платье. Капитализм рухнул, и мы потеряли все свое состояние, все богатства. Мой отец, как и вся остальная родня, был в растерянности. Никто не хотел верить в свою нищету, не мог смириться с условиями новой жизни. Те, кто рассчитывал на создание мистической Мусульманской империи, осознав несбыточность своих надежд, горе-

вали. А богачи беспокойно дрожали за судьбу своего капитала. Они день и ночь молили Бога о милости, о сохранении их собственности, о защите. Но Бог был на стороне их противников. С каждым днем в городе становилось все больше красноармейцев и сопровождавших их комиссаров. Шла весна, наполняя мир цветами и бабочками. А в Баку пышным цветом произрастали и расцветали всевозможные комитеты и советы. Весна же шла своим чередом, делая свое дело, украшая и оживляя природу. И ей не было никакого дела до человеческих проблем.

Погода стояла чудная, но отец не выходил из дома, опасаясь за свою жизнь. Желтая лента министра была заброшена в ящик шкафа. Не осталось ни парламента, ни депутатов. Никто ничего не мог предугадать о своей судьбе. «Мы свободны и независимы!» Это признала и Женевская конференция. Они не осмелятся посягнуть на нашу независимость! Они ослаблены войной и разрухой», - так с гордостью и уверенностью утверждали государственные чиновники Азербайджанской Республики, образованной из обломков Российской империи. Два года просуществовала Независимая Республика...

Отец был повержен в глубочайшую депрессию. Он все время молчал, испытывая горечь, и в глубине души коря себя. Отец не перевел свои вклады в зарубежные банки, своевременно не уехал из Баку, обманувшись должностью министра недолговечной республики. Желтая папка министра опустела, караульные у наших дверей были сняты, его должность потеряла смысл. Отец терзался мыслями о своей недалекости.

Некоторое время никаких серьезных перемен не происходило. А потом отца арестовали... Министр, богатый человек, руководитель оппозиционной партии, не мог остаться вне поля зрения новой власти. К нам в дом нагрянула с проверкой комиссия. Осмотрев дом, члены комиссии решили, что он слишком велик для нас. В тот же день у нас посели-

лась семья комиссара и его сослуживцы. Первая встреча с революционными чиновниками была доброжелательной. Курносенькая, светловолосая жена комиссара, Лейла, иногда приглашала меня на чай. Она угощала чаем из наших же сервизов (ей было совсем не жалко для гостей ничего!) и вела беседы о литературе. Лейла очень любила читать. Она говорила о «Плененном сердце» или «Тайне ночи» - эти произведения были модны в то время среди образованных людей, и беседы наши проходили достаточно интересно. Чувствовалось, что имеешь дело с начитанным и чувственным человеком. Но моя тетя Рена, которая все еще жила на верхнем этаже, и фрейлейн Анна, сердились, выражая недовольство моим общением с «этой женщиной». А мы продолжали знакомство, как из политических соображений, так и из интереса к новым переменам. Может показаться странным приглашение к чаепитию ребенка, но, несмотря на юность, я могла общаться со взрослыми на их уровне, поддержать беседу. Вот и с комиссаровой женой у нас разговор вполне клеился. Я была даже более начитанна, чем она. Книги, прочитанные в квартире тети Рены, когда мне приходилось скрашивать ее одиночество, пришлись очень кстати. Мы не только говорили о литературе, но и задавали друг другу вопросы. Множество вопросов! Ведь наши взгляды на окружающий мир, на события так различались! Порой и сам комиссар подключался к беседе, и тогда вопросам не было конца. Он был интересным человеком, умным и рассудительным: очень хотел разобраться в нашей полумусульманском-полуевропейском житье-бытье. Комиссар был атеистом, презирал религию, видел в ней все беды мира. Помните лозунг «Религия – опиум для народа»? Вот и нам он пытался внушить такое отношение к вере. Иногда мы соглашались с ним. Но, расставшись, возвращались к своему мнению. Наши любопытные чаепития недолго протянули. Наступило лето. Отец, от которого часто приходили письма, очень хотел, чтобы его дочери уехали в деревню. Он считал

наше деревенское жилище надежным убежищем от общественных потрясений. Мы выполнили желание отца – ведь все равно видеться с ним не было возможности. Помочь ему мы тоже ничем не могли. Какой смысл оставаться в жарком, пыльном, ставшем чужим городе? А в деревне мы всегда раньше приобщались к природе и покою. Кроме того, в городе участились аресты. Люди жили в постоянном страхе. Кто боялся за свое добро, а кто и за жизнь. Вот и мы поспешили поскорее покинуть город, чтобы насладиться свежей зеленью своего сада и голубой водой его бассейнов.

II

Как мы обрадовались, увидев свой сад! Садовники по-прежнему работали, ухаживая за деревьями и цветами. Они знали о нашем бедственном материальном положении, но продолжали работать и без денежного довольствия. Жили они тут же. Овцы и ягнята подросли, зеленели картофельные грядки – этот процесс не могла изменить никакая революция. Цветы, особенно сирень, по-прежнему благоухали и пьянили чудным ароматом. Все было как раньше... И это лето могло походить на прежние. Голубизна небес равнодушна к земным революциям. Море продолжало журчать ласковой прибрежной волной, а земля плодоносила. Постоянство явлений природы и непреложность ее законов вступали в противоречие с нашей без конца меняющейся и мучающейся из крайности в крайность жизни. Эти противоречия повергали меня в меланхолию. Мир вечен. Человеческая жизнь – коротка. Я начинала осознавать это... становилось грустно и больно...

Прежде не находила себе места, когда представляла парижскую жизнь своей мачехи и старшей сестры Лейлы. С тех пор прошло несколько лет, и теперь я испытывала те же чувства, думая об Амине и других своих сестрах, гуляющих по улицам Парижа. Они присылали письма и открытки. На

фотоснимках все они выглядели нарядными и счастливыми. Одна очень популярная актриса тех лет, Габби Деллис, снимала для них квартиру в Шан-Элизе. Бог мой! Каждый, кто грезит Францией, впадает в глубокую печаль, слыша об Шан-Элизе...

В течение суток я слонялась без дела. Я была полностью освобождена от прежней опеки и надзора. Иногда нарочно лицемерная мысль щекотала мое самолюбие: «А ведь у революции есть положительные стороны!» Кто бы мог подумать - меня радовала общая беда! Время от времени я сидела за пианино. Очень редко такое случалось. Бывало, что читала книги, но чаще всего бесцельно бродила по саду или отдавалась своему воображению. Куда же еще может направить свою чувственность покинутый всеми человек? В то время я нашла новое место для уединения. На самом краю дачного участка, среди старых виноградников, лежал на земле большущий валун. После полудня, в самую жару, здесь никого не бывало, я ложилась на этот разогретый солнцем валун и, любуясь морскими волнами, размышляла. Представляла себе, что виноградники на подпорках – это мои стражники. Листья перешептывались на своем чудесном языке. Иногда ветерок прогонял над моей головой обрывки облаков. И тогда шелест листьев становился громче. Голубое небо и разрозненные прозрачно-белые облака – я могла наблюдать их без устали. Это бескрайнее небо со стайками облаков становилось для меня символом бесконечной жизни. Ощущение этого величия вызывало у меня слезы грусти и восторга.

Вскоре появилась у меня и подруга. Моя двоюродная сестра Гюльнар со своей матерью приехала на дачу. Остальные члены их семьи все еще оставались в Туркестане – не было транспорта, чтобы возвратиться на родину. Зимой мы с Гюльнар почти не встречались, и я была рада видеть ее здесь. Ведь мы дружили с раннего детства. Странности ее характера всегда привлекали меня. Гюльнар была веселой

интриганкой, не очень хорошо воспитанной, раскованной девицей. Общась с ней, я приобщалась к несколько чудному мне, но порой весьма притягательному миру. Ей всего 16 лет. Но познания жизни Гюльнар были довольно обширными. Рассуждала она, как зрелый, взрослый человек. Я восхищалась ею! Гюльнар как будто соткана из эмоций! А как ей нравились мужчины!... Но, противоречивая девица, она могла одновременно презирать их. Влюбляясь в кого-либо, она в то же время испытывала некую неприязнь к объекту своей влюбленности. Мне даже казалось, чем сильнее она в кого-то влюблена, тем больше презрения вызывает у нее этот человек. Какая это была кокетка! Гюльнар кокетничала со всеми мужчинами подряд. Она была достаточно привлекательна: высокая, стройная, совсем непохожая на грудастых и толстозадых местных девиц. Очень рано она стала носить бюстгальтер и корсет, не давая своему телу излишней свободы. Гюльнар очень любила разглядывать себя в зеркало, делала это часами и очень собой гордилась. У нее были красивые глаза и пухлые губки. Мужчин она просто околдовывала! А они были бессильны перед ее чарами. Но, несмотря на свои многочисленные любовные похождения, Гюльнар была целомудренной, девственницей. Как она говорила: «Врата в рай никто не открыл». Она рассуждала, как умудренная жизнью: «Видишь ли, нужно блюсти невинность до замужества. Не то можно наломать дров. Но уж после!...» После этих слов Гюльнар многозначительно посвистывала. То есть, после будет множество любовников, приключений и страстей. Она наперед знала, каким должен быть ее муж. Скорее всего, им станет один из дальних родственников отца, безумно в нее влюбленный, слабый по характеру, безвольный, уступчивый, во всем жене потакающий, не ограничивающий ее свободу. Гюльнар предполагала, что не позже осени, по возвращении в Баку, ее отдадут замуж.

– Не могу больше терпеть! – стонала Гюльнар, исполненная неги. Но она и сейчас не теряла времени. Частенько, уводя меня в свою комнату (якобы для полуденного сна), она начинала интимные игры, страстно прижимаясь телом и лаская меня, как ласкала бы мужчину. Мне не очень нравились ее ласки, но приходилось на них отвечать – таковы были правила игры. И я им подчинялась. Так хотела моя подруга. Гюльнар скучала на даче. Кому здесь строить глазки, кроме садовников?

– Как мне тоскливо! – ныла она целыми днями. Когда я предлагала ей почитать, поиграть на пианино, помечтать, она сердито обрывала:

– Не надоедай! Неужели ты не понимаешь? Меня интересуют только мужчины!

Когда к нам однажды нагрянула «комиссия по организации домов отдыха», Гюльнар очень обрадовалась. Это была интересная история.

Перед нашими воротами стояли четверо мужчин. Садовники, встретившие их, поинтересовались, что они хотят. Те показали какие-то бумаги, но безграмотные садовники не сумели прочесть. Ни посетители, ни садовники никак не могли понять друг друга. Наконец, один из прислуги доложил о визитерах бабушке. Бабушка, завершив намаз, спросила:

– Что нужно этим мерзким безбожникам? Хотят осмотреть наш дом? Гоните их, эту нечисть отсюда!

Бабушка побагровела от злости. Перед ней все еще лежал Коран, но она не могла унять гнева. Мы пытались объяснить бабушке, что ее протест бессмыслен, русские сейчас наши хозяева и нельзя оскорблять их. Они могут сделать с нами все, что угодно! Но бабушка и слушать ничего не хотела. Пока мы безрезультатно уговаривали бабушку, комиссия без всякого разрешения прошла во двор. Увидев их, старая женщина разразилась такой бранью! К счастью, пришедшие были русскими и ничего не поняли. Все четверо

были очень симпатичными мужиками. Когда они выразили желание осмотреть дом, Гюльнар, не обращая ни на кого внимания, вызвалась сопровождать их. Она провела их по всем комнатам. А бабушка осыпала бранными словами и свою внучку. Той было абсолютно безразлично! Пусть бранится! А мужчины больше смотрели на Гюльнар, чем на помещение. Бабушка же так рассвирепела, что совсем не следила за своими словами:

– Ах, вы посмотрите на эту маленькую шлюху! Поглядите-ка, как она вертит своим обезьяним задом! Это твое воспитание, – обратила она взор к своей дочери. – Вырастила проститутку! И что же хотят от нас ЭТИ?

Бабушка не хотела принимать никаких новых объяснений. Ей были непонятны слова «Дом отдыха» и связь этих слов с нашим имуществом. Но мы-то все поняли! «Комиссия» решила конфисковать по крайней мере половину наших комнат, отдав их под нужды санатория. Члены комиссии вели себя корректно, а их главный убеждал: мы должны гордиться тем, что в нашем доме будут отдыхать и поправлять свое здоровье пролетарии.

– Зачем вам столько пустых комнат? – громко, как на митинге, говорил главный. – Отныне эти комнаты переходят в распоряжение отдыхающих. Наша святая обязанность – превратить излишки одних в достояние других.

Когда члены комиссии уходили, Гюльнар, глядя им вслед, глубоко вздохнула. Ей очень приглянулся высокий, курносый, светловолосый русский паренек.

– Что вы хотите сказать, – орала бабушка, сверкая очами, – в моем доме будут жить русские? В моем доме будут есть свинину, пить водку, хозяйничать здесь? Уж не они ли арестовали моего сына?! Никогда! Не позволю! Скорее умру!

Но бабушка не умерла. Она смирилась. Что же оставалось делать?..

Наш дом разделили на две равные части. Мы все собрались на бабушкиной половине. Здесь было десять ком-

нат. Пока было не особенно тесно. К тому же Лейла вернулась в город: ее мужа арестовали. Она уехала и больше не возвращалась. Каждой из нас досталось по комнате. Я подумала, что поделиться таким большим домом с другими – не так уж несправедливо. Но говорить об этом вслух не осмеливалась. Через неделю в наш дом приехали две группы старых революционеров. Они выглядели усталыми. Похоже, действительно очень утомились на своем поприще и нуждались в отдыхе. Были среди них вечно ссыльные старые идеологи, учителя с горящими глазами коммунистических фанатиков, поэт-украинец, кашляющий после чтения стихов, комиссарская жена, уставшая от злоключений мужа, и другие, которых я уже плохо помню. Мы с Гюльнар очень скоро со всеми перезнакомились. А через пару дней обе влюбились в старого идеолога. Я сказала «старый», но это только с точки зрения четырнадцатилетней девочки. Григорию Тарасову было около сорока лет, но выглядел он гораздо моложе. По профессии он был историк, а по жизни – пропагандист коммунистической лирики. Благодаря обаянию Гюльнар, он простил нам принадлежность к эксплуататорскому классу. В сущности мы и были лишь остатками этого класса. Не обращая внимания на наше «прошлое», Григорий старался приобщить нас к идеям коммунизма. А убедить нас в чем-то было вовсе не трудно. Да и возможностей предостаточно. Гюльнар кокетливо поддакивала каждому его слову. Но на деле она и не слушала его, а изучала его губы и руки. Я же была более внимательна, с интересом выслушивала его коммунистические «проповеди». Кое с чем можно было согласиться.

– Разве справедливо проигрывать в карты миллионы, тогда как страдают от голода и холода несчастные трудящиеся?

Согласны, - несправедливо!

– А женщины, беспечные и праздные, или мужчины, игроки и бабники – что вы о них думаете?

– Ничего хорошего! Они и нам не по душе. Так вот и начал Григорий внушать нам идеи марксизма. У него это так хорошо получалось, что через месяц в наших жилах начинала закипать новая кровь. Григория приводили в восторг результаты собственных усилий. Он смотрел на нас, как художник или ваятель на свои произведения. Ему удалось околдовать наше сознание. Как-то раз он съездил в Баку и по приезде подарил нам два значка с изображением Ленина, нацепил их нам на грудь и после этого относился к нам как к созданию своих рук. В благодарность за значки я отвела его в свой тайный уголок. Там Григорию очень понравилось. После мы каждый день приходили сюда и, лежа на огромном камне, пахнущем кишмишом, болтали о всяком. Григорий называл нас маленькими восточными девочками, рассказывал о себе, о революции, о наших правах. Однажды он сказал нам:

– Можно сказать, все наши великие поэты и писатели говорили о Кавказе. Я всегда мечтал побывать здесь. Очень хотел познакомиться с такими, как вы, девушками. Вы так непохожи на русских девушек! Вот вы, Гюльнар, напоминаете прекрасный бутон на кусте, который пугает своими шипами. Человек чувствует аромат этого бутона, хочет прикоснуться, но боится уколоться.

– А вы попробуйте, прикоснитесь, - тихо отвечала Гюльнар, – тогда и поймете, что я вовсе не так опасна. – Григорий пристально посмотрел на ее спокойное лицо, полузакрытые глаза.

– Не могу осмелиться, - наконец ответил он. – Если даже не уколюсь. Все равно могу попасть в беду.

Потом он обратился ко мне:

– Вас я опасюсь меньше. И очень уважаю. Хотел бы иметь такого друга, которого можно превратить в верного спутника, самоотверженного соратника, женщину, готовую на самопожертвование. Если бы вы знали, как не хочется с вами расставаться! Очень жаль, но скоро я уеду...

– Нет! Не уезжайте! – вдруг вскрикнула Гюльнар. – Но почему вы не хотите прикоснуться ко мне? Я не уколю вас!

Она взяла руку Григория и приложила к своей груди. Он начал ласкать Гюльнар, а я закрыла глаза. Долго ли я так сидела?

– Поздно, надо идти, – вдруг очнулась я от приглушенного, взволнованного голоса Григория.

...Во время следующих встреч он много рассказывал о себе. Его жизнь была полна опасностей, трудностей и тревог. Дважды он был сослан в Сибирь, и оба раза бежал. Участвовал в различных покушениях, работал в тайной типографии. Два года жил в Женеве, год – в Париже. Его жена и сын умерли во время эпидемии.

– Вот видите, маленькие восточные девочки, какая у меня тяжкая жизнь? Верите, что я заслужил отдых, который мне предложила партия?

Разумеется, мы были согласны с этим. Мы постепенно начинали понимать, что не все революционеры – дикие звери. Понимали, что и капитализм имеет свои недостатки. Отныне недовольство моих родственников социалистическими переменами удивляло меня. Ведь они считали, что их богатство и право на роскошь – совершенно естественны. А другие не должны к этому стремиться. Рабочий должен трудиться в поте лица, а они – наслаждаться плодами его труда. Они и не могли думать иначе.

Но не только Григорий проявлял интерес к «маленьким восточным девочкам». Почти все приехавшие на отдых относились к нам с особой симпатией. Русские, приехавшие с севера, смотрели на Кавказ, как французы на Марокко. Для них это была загадочная, далекая и очень красивая страна. Недаром русские поэты создавали произведения, посвященные горделивым горам, восхитительным девушкам и необычным нравам Кавказа. Этот край обладает особым обаянием и привлекательностью, которую непременно ощущают все русские, которым свойственен вкус и особая духовность.

В глазах гостей мы «газели с чудесными очами», «наложницы гаремов». А в экзотических романах нас чаще всего изображали «маленькими дикарками».

Дела наши шли неплохо. Мы с Гюльнар радовались созданию «Дома отдыха», потому что приезжавшие сюда скрашивали нашу поблеклую жизнь. Моя бабушка, тетя, фрейлейн Анна запрещали нам общаться с «этими людьми», ругали, запугивали, что расскажут отцам. Но мы не обращали внимания на их запреты. Наши отцы были далеко, а остальных мы не боялись. На груди у нас красовались значки с изображением Ленина, мы клялись Карлом Марксом и историческим материализмом. Кроме Григория, к нашему обучению подключилась еще одна учительница. И эта женщина посвятила свою жизнь революции. Когда она говорила о революции, светилась, словно говорила о своем чаде.

– Революция крепнет и развивается. Она необратима. И будет еще крепче. Ее необходимо беречь и защищать! – голосом, исполненным любви, утверждала она. Когда она рассказывала нам о тяжком прошлом и печальной доле рабочих, об эксплуатации бедняков, наши сердца переполняли гнев и ненависть к богатым. А ей того и надо было!

– Верьте нам! Верьте всем сердцем! Доносите идеи коммунизма до тех слоев, которые недружественны к нам, – вела она пропаганду.

Вела, надо сказать, успешно. Ведь мы-то и были теми самыми «недругами», а слушали ее, разинув рты, и соглашались! Эта женщина была родом из семьи мелкого собственника какой-то кавказской провинции. С юных лет ее удручало тягостное положение бедноты и несправедливость. Как с этим можно было мириться! Она получила образование, стала учительницей, вступила в компартию и отказалась от личного достатка, предпочтя жизнь в лишениях, не думая о каких-то удобствах и собственном благополучии. Только революция занимала ее мысли, была целью и смыслом всей жизни. Низкорослая, худенькая, отважная женщина всегда

думала лишь об общественных интересах, ставя их выше собственных. Она была далека от мечтательности и удивлялась, когда я говорила о своей привычке пофантазировать.

– Фантазии? Зачем они нужны? Жизнь и без того прекрасна и удивительна. Она лучше любых фантазий.

– Но, когда человек мечтает, он выходит за пределы привычного мира,- возражала я ей.

– Для чего тебе уходить из своего мира? Я, например, вполне довольна тем, что вокруг меня.

Именно это и вызывало мои сомнения: если ты доволен своим миром, зачем же его менять?

– Займитесь серьезным делом. Тогда у вас не останется времени для пустых фантазий,- поучала она.

Но советовать – просто. Гораздо сложнее выполнять советы.

III

Мария Николаевна (так звали ту женщину) однажды, подойдя к нам с Гюльнар, торжественно спросила:

– Ну, девочки мои, мне кажется, ваше сознание созрело, а сами вы готовы быть с нами. Может быть, пора доказать эту готовность на деле?

– С радостью.

– Дело вот в чем: мы должны создать комиссию и составить список имущества окружающих домов. Это не так сложно, но скучновато. Нужно взять ручки, тетрадки и терпеливо потрудиться. Следует описать все имущество в домах. Согласны?

Странный был вопрос. Нам еще кое-как простили бы дружбу с коммунистами, но войти в состав комиссии, описывающей имущество наших родственников – это уж слишком! Однако Марии Николаевне удалось нас уговорить. Она понимала наше колебание и положение перед родней, но,

поощряя наши чувства, одновременно старалась их заглушить:

– Каждое начало сложно. Только мужеством и упорством можно побороть любые трудности, - увещала нас учительница-революционерка.

Если уж мы решили измениться, следовало приступать к действию. Рано или поздно это должно произойти. Оставшись наедине с Гюльнар, мы долго совещались и решили дать свое согласие. Заявлять об этом поручалось мне. Гюльнар была гораздо смелее в делах любовных. В остальном отваги у нее не доставало. Напрасно моя тетя и фрейлейн Анна пытались объяснить, что мы ввязываемся в дурное дело.

– Что бы не толкало вас на это, вы должны помнить, кто арестовал вашего отца, мужа Лейлы, других родственников. Именно они, организаторы этого дурного дела! – твердили тетя и фрейлейн Анна.

Но нас уже ничто не могло остановить: ни бабушкины проклятия, ни уговоры тети и гувернантки. Мы приняли решение! Нас уже зацепил бурный поток революционных преобразований. На груди мы носили образ Ленина. Взяв в руки тетрадки, приступили мы к делу, думая, что делаем шаги в коммунизм. Группа, состоявшая из Марии Николаевны, Гюльнар, меня и высокого застенчивого юноши, называлась «Комиссией по описи», но она не производила должного впечатления. Если бы не Мария Николаевна, ничего у нас не вышло бы. Вот что происходило. Сергей, вытаскивая из кармана листок бумаги, говорил:

– Так, начнем с дома ваших соседей Мустафаевых.

– Нет-нет, не надо к ним идти! – в один голос протестуем мы с Гюльнар.

Сергей читает второе имя по списку:

– Тогда пойдём в дом Мухтаровых.

– Что вы! Хозяин – такой сердитый человек! Не надо к нему!

– Что же делать? Ладно, идем к Алекберову, он третий по списку.

– О боже! Этот еще хуже. Он знает нас с колыбели, рассердится и прогонит.

– Ну вот что, хватит! – выходит вперед Мария Николаевна. – Мы не развлекаться пришли сюда, а дело свое сделать. С первого по списку и начнем.

Мы с Гюльнар застыли в растерянности. Первым же по списку был старик Мустафаев. Его жена, строгая и вспыльчивая женщина, приходилась родственницей моей бабушке. Да она нас в порошок сотрет! Мы уперлись и не шли к дому соседей, несмотря на уговоры Марии Николаевны. Она сама пошла первой. Когда же эта серьезная в своих намерениях женщина нажала на дверной звонок, нашей прежней отваге пришел конец. В тот миг мы подумали, что лучше бы идеи исторического материализма не воплощались в жизнь, и все оставалось бы по-прежнему - в книгах он выглядел гораздо привлекательнее. Дверь открыл хорошо знавший нас садовник. Увидев меня и Гюльнар, он обрадовался и вежливо поздоровался.

– Баладжаханум будет рада вас видеть. У нее очень плохое настроение. Говорят, эти русские свиньи хотят отобрать у нас дом. Да покарает их Аллах! А это ваши друзья? – оглянулся он на Сергея и Марию Николаевну. – Ну и ну! Наверное, они говорят только на своем свиньячем языке и меня не понимают, слава Богу! В какое время мы живем! Спаси, Аллах! Чем все это закончится? – следуя к дому, мы все больше переживали. Наше беспокойство росло. Хозяйка, Баладжаханум, считалась легендарной личностью. Она лупила своих дочек метлой. Бывало, и мужу от нее доставалось. Если ей кто не нравился, она сбрасывала ему на голову мусор с балкона. Свирепого нрава женщина! Говорили, что в кармане, в складках своих юбок, она носит револьвер, чтоб походить на мужчин. Сплетники поговаривали, что болезнь ее мужа – результат «жениных» ласк. Так вот, выходит, и в

мусульманских странах женщины могут давать жару мужчинам. Когда Баладжаханым наказывала дочек, она запирали их в комнате на месяц. Бедняжки и носа не могли высунуть из своего «карцера»! Вот к такой гостеприимной хозяйке мы сейчас и направлялись... Я представляла, как встретит нас Баладжаханым, узнав о цели визита. Она будет браниться, кидать в нас горшки, плевать в лицо (а почему, собственно, и нет?...). Возможно, станет размахивать своим револьвером. А что, если выстрелит? Не убьет, так напугает до смерти.

Когда хозяйка вышла к нам навстречу, у меня затряслись колени, а марксистский дух выветрился вмиг. Увидев постороннего мужчину, она закрыла лицо платком и уперлась в нас своими горящими орлиными глазами. По-русски она не знала, как и все ее ровесники, начала говорить по-азербайджански.

– Храни вас Аллах! Добро пожаловать, я рада видеть в своем доме внучек уважаемой мусульманки. А кто эти люди рядом с вами?

– Эти люди... Эти люди... – у меня заплетался язык. – Мы, то есть, они... ну, вот...

И вдруг меня прорвало:

– Эти люди живут у нас. Они очень опасны! Заставили нас идти с ними, чтоб помочь. Они хотят описать ваше имущество. Мы не хотели им помогать, но они пригрозили, что арестуют нас. Простите, Баладжаханым, но мы вынуждены выполнить их приказ...

Мария Николаевна и Сергей внимательно слушали, ничего не понимая. Они думали, что я поясняю обстановку хозяйке, и терпеливо ждали.

– Да обрушатся черные недуги на их души! Чтоб и внукам и правнукам их покоя не было! Чтоб они в аду горели! Чтоб их бесы пытали! Да постигнет их гнев Аллаха, беды нескончаемые!

– Она что, сердится на нас? – спросила Мария Николаевна.

– Да, немножко, - пыталась я несколько смягчить обстановку. – Не волнуйтесь. Все уладится.

– Хорошо. Но пора начинать. Мы с вами останемся здесь, а Гюльнар с Сергеем опишут все, что в соседней комнате.

Она бесцеремонно прошла, села за стол и, не обращая внимания на хозяйку, стала вносить в список ковры. Брань Баладжаханым текла рекой... Вдруг она замолкла, ткнула пальцем в значок на моей груди и спросила:

– А что это ты нацепила? Портрет мужчины? Не стыдно тебе? Мало того, что ходите среди людей с открытыми лицами, так еще портреты мужиков на себе носите?! Кто это?

– Это их главный. Они заставили меня... Что я могла сделать?

Я глубоко вздохнула, изобразив страдание.

– Собаки, шакалы, свиньи!.. – Баладжаханым последовала в соседнюю комнату за Сергеем. Если бы он понимал хоть половину из бранных слов, которыми осыпала его хозяйка, наверное, умер бы от стыда. Но вскоре подошло время намаза, и Баладжаханым угомонилась.

Работы у нас было много: в доме нужно переписать все – от ложек и кастрюль до ковров и подушек. Мы сильно устали и утомились. А Мария Николаевна работала с таким рвением! Ей казалось, что своей писаниной она дает дыхание революции. Гюльнар успокаивало присутствие Сергея, который начинал ей нравиться. А я просто изнемогала! Хотя мне и удалось скрыть правду, но страх меня не покидал. Вдруг Баладжаханым догадается? Представляю, сколько ушатов отборной брани выльется на мою голову. Мне нетерпелось, чтоб марксистское действие поскорее закончилось.

Вернувшись вечером домой, мы столкнулись с бранью еще трех женщин: бабушки, тети и фрейлейн Анны. Они с жаром набросились на нас, упрекая и стыдя. Но мы с уве-

ренностью демонстрировали свою независимость, отвечали на все их нападки. И даже, воспользовавшись моментом, занялись коммунистической агитацией:

– Ну, что такое? Нас всего пятеро, а кастрюль целых двадцать четыре, две дюжины одеял, двести тридцать тарелок, и прочее. А у многих рабочих недостает самого необходимого. Зачем нам лишняя утварь? Нет, нет, нет. У вас совсем нет совести!

– Провалиться тебе в преисподнюю, ослиная башка! Бесстыжая! Отец в тюрьме томится, а она с этими вражинами развлекается!.. – вопила бабушка.

– Мы совсем не развлекаемся, а помогаем возрождению нового мира, - возразила Гюльнар.

– Слушай, ты, тупица, - встряла мать Гюльнар, – будь здесь твой отец, надавал бы тебе палок! Сразу забыла бы «возрождение нового мира» и страдания народов. Задушила бы тебя в колыбели, кабы знала, какой дрянью вырастешь!

– Не надо было рожать меня. Я что, тебя об этом просила? – огрызнулась Гюльнар. - Это вам с отцом было нужно.

Мы спорили и бранились больше часа. А после побежали к Григорию и плакались ему, жалуясь на родню. Он пытался объяснить нам, что жизнь состоит из противоречий. А в конце с усмешкой добавил:

– Трудно быть коммунистом...

...Да, послужили мы делу революции! Было описано имущество двадцати домов в округе, поразили мы свою родню! Наша семья еще простила, считая, что по неразумению, по молодости делали мы глупости. Но в стране, где четырнадцатилетние девочки становились женами и матерями, этого молодостью не оправдывали. Марксизм повлиял на наше становление. Гюльнар глубоко им не увлекалась. Ее больше интересовали носители идей марксизма – революционеры, поправляющие здоровье в «Доме отдыха». Особенно Григорий. А я верила в эти идеи искренне. Единственным препятствием для серьезной активности был арест

моего отца. Тетя Рена и Лейла в Баку прилагали усилия для его освобождения, выстаивали очереди на прием к разным народным комиссарам, налаживали связи, уговаривали рабочих с наших бывших промыслов писать заявления в пользу отца. Но результатов пока не было. Отца все не освободили, и он очень страдал. Он работал слесарем в тюремной мастерской. Эта маленькая хитрость могла помочь ему облегчить дело. Но оставаться в тюрьме все же было небезопасно. Правда, террор, распространившийся по России после разгрома белой армии, еще не докатился до Баку. Пока не происходило трагедий, и никого из наших родственников не расстреляли. Но, все равно, необходимо было в ближайшие месяцы вызволить отца из тюрьмы. Некоторых уже выпустили, и это вселяло в нас тревогу: почему же не освобождают отца? Его заключение затягивалось, а наше беспокойство росло. Из писем чувствовалось, что его восточный фанатизм помогает выносить тяготы тюремной жизни. Он писал, что на все воля Аллаха. Отец покорился судьбе, не жаловался. А я стеснялась своего происхождения и искала вину за это в других. Я не могла винить коммунистов за то, что отец арестован. Не могла ненавидеть околдовавших меня идей марксизма. А Григорий тем временем продолжал вдохновлять нас этими идеями. Мы ежедневно встречались на заветном куске скалы и подолгу беседовали. Ускользя из-под надзора домашних, каждый вечер, после шести, когда спадала жара, мы бежали к тому камню, на встречу с Григорием. Гюльнар с ним растягивались на поверхности валуна, рядышком, а я сидела чуть поодаль. Когда голос нашего идейного вдохновителя замолкал, я понимала, что он увлекся чарами Гюльнар. Я отворачивалась и молча ждала, когда они наميلуются и продолжат беседу. Мы уже знали все о жизни Григория, о его печальных и радостных днях, которые стали близки и нам. Один из его друзей вскоре должен был приехать в Баку по заданию партии. Он обещал навестить Григория в деревне. Мы с таким нетерпением ждали его приезда! Григорий

столько рассказывал нам об отваге, мужестве, уме, несгибаемости своего друга, что девичьи сердца уже заранее трепетали, предвкушая новое знакомство.

– Это самый целеустремленный человек, которого я когда-либо встречал. Он одновременно тверд, как сталь, и чуток, как поэт, и мудрец, и мечтатель, и интеллигентный, и работающий человек. Он может быть жестоким и ласковым. Очень многосложная личность!

Человек, о котором шла речь, был членом Революционного Совета, по этой линии он и направлялся в Баку. Мы так много слышали от Григория об Андрее Масарине (это и есть тот человек), что ждали его как своего хорошего старого знакомого. А я уже настраивала себя на очередную влюбленность. Прежде мне приходилось вздыхать по общим с сестрами мужчинам. Выбирать самостоятельно не удавалось. Грядущий приезд друга Григория будил мое воображение. Хотелось, чтоб мы с Андреем Масариным стали возлюбленными. Я ждала этого совершенно чужого человека, как невеста. Даже не представляла себе, что может быть иначе. Однажды мы с Гюльнар пришли на скалу раньше обычного. Гюльнар долго говорила мне о предстоящем отъезде Григория и очень этому печалилась. Ей хотелось завести с ним настоящий любовный роман. Гюльнар было мало его обычных ласк. Она вся пылала от страсти.

– До замужества я не могу стать его любовницей, - с бесстыдством объясняла она. – Нужно сохранить невинность до брака с Салимом. Хорошо, если Григорий задержится здесь. А уж после я отдалась бы ему! Он так мне нравится! Какие же у нас глупые обычаи!..

Она говорила, заводила себя, произвольно теребя мох на поверхности скалы. Вдруг у нее обломился ноготь и выступила кровь. Гюльнар в сердцах выругалась, но, увидев идущего Григория, замолкла. Он был не один.

– Они идут... – тихо произнесла Гюльнар

Я поднялась с места, глядя вперед. Григорий шел, утопая в песке, сквозь заросли инжира и винограда. За ним шел его друг.

– Это Андрей Масарин, это он! – взволнованно зашептала я.

– Вот познакомьтесь, – это мой друг Андрей, – еще не приблизившись, крикнул Григорий. У меня пересохло в горле и затряслись руки от волнения. Нет, это был не член Реввоенсовета Андрей Масарин – это был герой «Войны и мира» Андрей Болконский! Я часто вспоминала его образ и не хотела верить в смерть князя. А теперь он ожил и шел ко мне навстречу! И выглядел именно так, каким я себе представляла: гордый, серьезный, статный. Он сел на камне между мной и Гюльнар. Ему очень подходила черная военная форма. Она придавала его образу силу и некую грусть.

– Мой черный рыцарь, ты пришел за мной, не так ли? – спрашивало мое трепещущее сердце. Я молчала в оцепенении, не сводя глаз с Андрея. А он разговаривал с Григорием и Гюльнар, не обращая на меня никакого внимания. После произнес:

– Какой здесь странный, необычный пейзаж. Как же русскому человеку не влюбиться в эти виноградники, золотой песок и синее море? А этот камень, вероятно, ваш остров?

– Да, это наш остров, наша страна. А мы принцессы этой страны. Вы же – князь Болконский, не так ли? – ответила я, хотя он и не ко мне обращался.

Андрей обернулся и впервые посмотрел на меня внимательно. Гюльнар встряла:

– Не обращайте внимания на мою кухню. Она всегда фантазирует.

– Кроме того, перечисленные вами титулы не подходят для коммуниста, – усмехнулся Григорий.

– Вы считаете себя Наташей? – без улыбки спросил Андрей.

– Нет, – воскликнула я. – Я не смогла бы предать вас!

Сказав это, я покраснела, а Григорий и Гюльнар засмеялись. Лицо мое горело, я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Но губы Андрея неожиданно тронула улыбка. Он нагнулся в мою сторону, взял меня за руку и сладко-сладко поцеловал. После повернулся лицом к Григорию, и они продолжили свои политические суждения. Андрей пробыл в деревне несколько часов. Вечером за ним приехала машина, и князь моих вдохновенных грез уехал.

– О, боже! Если мне не суждено больше встретиться с ним, лучше умереть, – с грустью думала я.

Эта мысль долго не покидала меня. Неужели я всего один раз в жизни увижу человека, которого столько ждала! Надежд встретиться вновь почти не было. Где и когда это могло произойти? С отъездом Григория потеряется связь. Но я готова была любить Андрея и впредь, несмотря ни на что! Я пошла бы за ним хоть в Сибирь. И она была бы желаннее даже Парижа! После отъезда Андрея я старалась подвести к разговору о нем все наши беседы с Григорием. Побольше бы говорить о нем! И Григорий делал это с охотой и не скрывал особой привязанности к Андрею.

– Да, я восхищаюсь им! Все люди состоят из разных частиц. Но Андрей состоит из самых чистых, кристальных. Он бесстрашен, великодушен и обходителен. Мы вместе брали Кронштадт. Его отвага вдохновляла меня. Андрею не страшны никакие испытания. Ни голод, ни холод, ни боль. Он очень стоек. Для двадцатипятилетнего человека даже слишком. Просто кремень! – с жаром говорил Григорий о своем друге.

Эти похвалы лились бальзамом на мое сердце.

Отъезд Григория очень опечалил нас. Мы встретились по полудни на скале. И еще раз, в последний – после ужина, вечером. Было уже темно, но мы не расходились. Григорий и Гюльнар лобзались на валуне, а я представляла себя в объятиях Андрея. Его черная военная форма слилась с ночью, а

мое платье напоминало огромную белую птицу. Мы целовались до потери памяти...

IV

К началу сентября мы вернулись в город. Было жарче, чем летом. Мы возвращались опечаленные: все знали, что потеряли свой дом.

Кое-как обустроились в городе – дом был конфискован. Но тетя Рена смогла отстоять две верхние комнаты. Остальные заняли какие-то музыканты. Мне пришлось жить с ней. Целыми сутками приходилось слушать духовую музыку. Играли что попало и как попало. Покоя не было совсем! Повезло только глухому мужу тети Рены. Он ничего не слышал и своим спокойствием выводил тетку из себя. А тетя, и без того нервная, стала совсем невыносимой, срывала свою злобу на окружающих. Спокойствие мужа ее так озлобило, что она жалела, почему его не арестовали.

– Что за беда? Всех мужей пересажали, а жены их, наконец, обрели покой. Одна я терплю тебя! Мне и в этом счастья нет!- сокрушалась тетя Рена, вздыхая и брюзжа.

Муж ее, приложил руку к уху, пытался что-нибудь расслышать. Но потом, пожав плечами, говорил: «Твой самый большой недостаток – слабоумие».

Сделав поводом мое сиротство, тетя Рена по-прежнему укладывала меня спать рядом. А муж ее спал в соседней комнате на узеньком диване. Его ноги свисали на пол, от неудобства он храпел до утра. Иногда храп был таким громким, что заглушал военный оркестр наших новых жильцов.

– Никогда не выходи замуж, девочка моя! – с горечью говорила тетя Рена, наблюдая всю эту картину. – От мужей один вред. Днем они терзают нашу душу, а ночью – тело. А уж порой и тело-то толком потерзать не умеют. Вот как мой олух!..

Я не верила своей тетке. Не верила, что Андрей Масарин будет мне в тягость. Но не спорила с тетей. Тетка моя и сама была не сахар. Мужу своему досаждала не меньше. Она специально говорила вполголоса, чтобы он больше мучился, напрягая слух.

– Что ты сказала? Что ты сказала? – то и дело переспрашивал он, сердясь. А жена делала ему знаки не кричать, указывая на дверь музыкантов. Он так и стоял, хлопая глазами и ничего не понимая.

Я любила свою тетку Рену. И не только за то, что она жалела меня. Мне нравились ее доброта, чувственность, ум, интерес к культуре и упорство. Тетя Рена была не из тех, кто сдавался без боя! Если уж быть до конца откровенной, даже ее недостатки мне нравились: и ее страсть к карточной игре, и вспыльчивость, и слабость к сплетням. Мы часто не спали до утра, разговаривая во время вынужденной бессонницы: за стеной храпел муж, репетировали музыканты, свистел свирепый бакинский норд – как тут уснешь? Вот мы и болтали до утра. А в доме был полнейший хаос! В начале осени вышел из строя городской водопровод и, изнывая от жары, город утопал в нечистотах. Никто не спешил чинить водопровод. Питьевую воду покупали у уличных разносчиков. О купании и стирке пришлось надолго забыть. Мы жили в ужасной грязи! Обнаружив в волосах первую вошь, я испытала отвращение. Но сотая вошь – была привычной. Вокруг стоял смрад. Соседи-музыканты пользовались горшками и они подолгу оставались в комнате, их редко выносили и почти не мыли из-за отсутствия воды. Весь дом провонял насквозь! Стоило войти в дом, как в нос забивалась отвратительная вонь, а в уши – музыкальные шедевры наших новых жильцов. Вспоминая те дни, я, тем не менее, не сожалею: ведь тогда я получила очень серьезные уроки терпения и стойкости. Хорошо еще, что мы не голодали. Кавказ – щедрая земля. Здесь никогда не было в чем-то недостатка. Природа не скупилась на свои дары, да и производство не прекращалось.

Отсутствие транспорта останавливало вывоз продукции, поэтому товары оставались здесь же, создавая достаток. В то же время в самой России был страшный голод. Словом, жизнь на Кавказе была несравнимо лучше, чем в России. В республике не действовал «сухой закон», как по России. Водка продавалась везде, кое-кто закупал ее для перепродажи в других городах России. Одним этот бизнес принес приличный барыш, другим – тюрьму.

У моей сестры Лейлы была служанка по имени Катерина. Она тоже везла в Москву водку для продажи. Поезда были набиты до отказа. Катерина везла водку в плоских алюминиевых жбанчиках, привязанных к телу. Многие пользовались таким «контейнером». Катерина привозила вырученные за водку деньги и отдавала Лейле. Эта добрая женщина была очень привязана к ее малышу и заботилась о нем, как о родном.

Через неделю после нашего возвращения в город подошло время свидания с заключенными. Тюрьма находилась на въезде в город, в Биби-Эйбате. Это место, как и все нефтяные территории, представляло собой пыльное, задымленное пространство, лишённое какой-либо растительности. После обеда, в самую знойную пору, мы с Лейлой отправились в путь. Лейла везла с собой казан с жареной бараниной, а я – узелок со снедью. Мы ехали на конке, подобии трамвая, рельсовом экипаже. Вагончик, бегущий по рельсам, со впряженными лошадьми, был единственным общественным транспортом в городе нефтяных миллионеров. Люди, утонченные, чувствовали себя в конке очень неуютно. Сердце сжималось при виде двух тощих лошадей, тянущих тяжелый вагон, до отказа набитый людьми. Пассажиры даже висели на подножках. Извозчик безжалостно стегал несчастных животных, надрывающихся, волоча вагончик с людьми. От последней остановки экипажа до тюрьмы было еще несколько километров. Дорога лежала вдоль берега моря, и душная жара бакинского сентября обжигала горячим дыха-

нием. По краю дороги виднелись унылые нефтяные вышки. Прежде мы проезжали по этой дороге на автомобиле, минуя Биби-Эйбат, двигаясь к окрестным селам. Эти села были иссушены зноем, но близость моря кормила их. Сейчас мы шли пешком по пыльному пути, который прежде проделывали на дорогом автомобиле. Ноги гудели от усталости, на сердце было тягостно. На ворчание Лейлы, ее брань в адрес революции, жары, собственного мужа, я изредка отвечала ничего не значащим поддакиванием. Дорога изнуряла, и я призвала на помощь свои фантазии. В моем воображении рисовался образ Андрея. «Князь Андрей» был сейчас в Баку. А что, если он и сейчас смотрит на море, как и я? Случайность могла и его привести сюда. И он, наверное, мучается от жары. Воображение соединяло нас...

Через час мы добрались до тюрьмы. Пришлось еще немало подождать. Тюремный двор был полон посетителями. Нас спасала привычка южан к зною. Мы просидели под жаркими лучами солнца, отмахиваясь от досаждавших мух, целый час. Потом к людям вышел конвоир со списком и начал зачитывать фамилии в алфавитном порядке. К счастью (!), наша фамилия – Асадуллаевы - шла первой по списку, чем было существенно сокращено время ожидания. Я прошла вперед и передала солдату казан и узелок, затем нас впустили в другой двор, где тоже пришлось переждать некоторое время. И тут было полно народу. Ожидание было таким утомительным! Наконец, пришел конвоир и провел нас в прилегающий двор, разделенный на две половины колючей проволокой. За ней стоял отец, вцепившись пальцами в ограду... Он был одет в безобразную тюремную робу. Отец так исхудал! Лицо его заросло щетиной. Увидев нас, он протянул через ограду иссушенные, почерневшие руки. Я, не сдерживая слез, стала с жаром целовать его руки.

– Не плачь, успокойся! Как видишь, мое положение не хуже, чем у других... – успокаивал меня отец.

Я не могла говорить – слезы мешали. Слова, сказанные отцом, разрывали мне сердце: живя в этой грязи и лишениях, отощавший и униженный, он не жаловался! Но в такой обстановке его стойкость вызывала еще большую жалость и сострадание. Во время одного из посещений тюрьмы произошел случай, впечатливший меня. В самые тяжкие дни жизни иногда происходят незначительные, казалось бы, вещи, которые делают человека счастливым. Такие эпизоды вспыхивают искоркой во мраке черных дней и после уже не забываются никогда.

Однажды, возвращаясь со свидания с отцом, я особенно устала. Было уже холодно, шел снег, укрывая улицы и тротуары. Обувь у меня прохудилась, и ноги промокли насквозь. Другой обуви у меня не было – у нас конфисковали даже одежду! Когда я дошла до дому, у меня даже язык во рту примерз. Закутавшись в одеяло, я пыталась уснуть и забыть увиденное в тюрьме, свою безрадостную жизнь и несчастья последнего времени, но и в комнате было очень холодно, уснуть было трудно. Тут вдруг на меня накинули еще одно одеяло. Стало теплее, и я забылась глубоким сном. Это милая тетя Рена отдала мне свое одеяло, подарив краткий миг блаженства. Никогда не забуду ее трогательной заботы и чуткости!

V

Семья Гюльнар вернулась из Туркестана. Кузина очень радовалась возвращению своих близких. Но радовала ее не встреча с родными, а возможность наконец выйти замуж.

– Моя невинность тяготит меня, – как-то раз сказала Гюльнар. – Не пойму, как это некоторым женщинам удается сохранить ее до смерти? Вот, хотя бы фрейлейн Анна... Ведь Бог создал нас для соития, люди должны пользоваться своими возможностями. Будь я господом Богом, наказывала бы тех, кто не пользуется этими возможностями.

Родительский дом Гюльнар тоже был конфискован новыми властями, как и все дома богачей. А их семье из семи человек выделили две тесные комнатухи в другом конце города. Вскоре это жилище превратилось в гнездо склок и скандалов, в настоящий дурдом. Дядя Сулейман пытался по-прежнему вести себя по-хозяйски. Но его орлиный взгляд не соответствовал никчемной душе.

– Зачем мне слава и почет? Меня интересуют только деньги, - часто поговаривал Сулейман, потирая пальцы в характерном жесте. Его семья и без того была неопрятной и скандальной. Но в большом и богатом доме это не всегда было заметно. Сейчас в крошечной квартире все выглядело гораздо хуже. Оставшись без имущества и прислуги, семья сразу обнаружила свои дурные стороны. Родители целыми днями бранились. Пятеро детей вели свои склоки. Драки и ругань временно затихали, лишь когда эти скандалисты ложились спать. Однажды мне пришлось заночевать у них, но я так и не смогла до утра уснуть. Хотя не спать всю ночь было для меня не впервой.

Жених Гюльнар, Салим, приходил к ним каждый день. Это был очень стеснительный, ласковый и простоватый паренек. Он садился в уголке комнаты на стул и с удивлением наблюдал за причудами своих новых родственников. Салиму нравилось все, что делалось в этой ужасной семейке – ведь он был по уши влюблен в Гюльнар. Жених не сводил глаз со своей суженой, которую боготворил. Салим внешне был похож на своего отца, моего дядю. Но по характеру был полной его противоположностью. Здоровенный, грубоватый на вид, он был мягким и чувствительным, рыдал, как девица, услышав какую-нибудь печальную историю. Салим был очень услужливым. Пытался помочь каждому, даже предлагал свои деньги. Зная об этом, братья Гюльнар, особенно Асад и Али, все время кланчили у него деньги. Но ушлая Гюльнар вскоре взяла финансовые дела жениха в свои руки, оградив его от расточительства. Однако братья-близнецы

досаждали своему зятю не только выуживанием денег. Они были хороши собой и склонны к гомосексуализму. В те времена происходил какой-то редкий упадок нравов, стало много бисексуальных мужчин. Братья-близнецы моей кухни тоже грешили этим недостатком: они пользовались своей привлекательностью, чтоб заработать денег. Не преминули они обойти «вниманием» и своего зятя. Они кокетничали с ним, делая неприличные намеки. Но Гюльнар была начеку! Она рассказала родителям о проделках братьев. Мне пришлось видеть сцену их наказания. Их лица распухли от пощечин, одежда была растрепана. Сулейман тряс их за плечи, осыпая бранью и затрещинами. В конце концов близнецы пустились в рев, а вместе с ними разревелись мать и младшие братья. Одна только Гюльнар смотрела на происходящее спокойно и хладнокровно. Она радовалась и подливала масла в огонь.

– Все могут оступиться! В детстве всякое бывает. Но ведь Салим жених вашей сестры! – вопил Сулейман.

– Вот именно, жених сестры, – с горечью вторила ему Гюльнар.

– И все ради денег? – возмущался Сулейман.

– Именно из-за денег! – подтверждала Гюльнар. – Да еще в такое время, когда все в нужде.

Дядя Сулейман вновь начинал трясти и поколачивать сыновей. А Гюльнар не унималась:

– Они оба пытались совратить Салима! Как всегда, пакостят вместе. А если бы им удалось это? Ведь Салим доверчив, как дитя! Его всякий обманет.

Но тут Сулейман и ей вlepил оплеуху.

– Заткнись, змея! Хоть ты постыдись! Тебе негоже говорить о таких вещах!

Гюльнар обиженно замолчала. Асад и Али, несколько обрадованные тем, что и сестре влетело, радовались недолго. Разъяренный Сулейман все бил и бил их.

– Ну, погоди, дрянь! Получишь ты у нас... – говорили они глазами, с ненавистью смотря на сестру. Но Гюльнар никого и ничего не боялась!

Кузина настаивала на браке, и через месяц после возвращения из Туркестана родители сыграли свадьбу Гюльнар и Салима. «Свадьба» - громко сказано. Нынешнее тяжелое положение исключало пышные торжества. Приготовили немного плова, собрали родню и заключили брачный договор, согласно шариату. Вот и все.

Заключение брака и развод по шариату – очень простая процедура. Молла объявляет об этом в присутствии родителей (отцов) жениха и невесты. Свидетелями могут быть и опекуны. В брачном свидетельстве указывается, что некто берет в жены такую-то, а при разводе обязуется о том-то. На этом вопрос и решается. После свадьбы Гюльнар поселилась в крепостной части города, где у Салима была квартира из трех крошечных комнаток. Гюльнар сразу же взяла бразды правления в свои руки, и никто ей в этом не строил препятствий. Салим во всем с ней соглашался, даже в том, что не совсем понимал. Гюльнар была довольна своим домом и мужем – он оказался на должном уровне. Кажется, ее торг на этот раз удался.

– Надо выбирать такого мужа, чтоб и ласков был, и умел, – любила поговаривать Гюльнар, будто выбор мужа также прост, как выбор товара.

– Ах, если б ты знала, как сладко быть любовницей! – с глубокой негой в голосе говорила она после свадьбы. – Не зря я ждала этого! Но я даже не представляла, что от этого можно уставать. Скоро и ты это познаешь. Как у тебя дела с Джамилем?

Да, кстати, о Джамиле. Мне не хотелось прежде говорить о нем – он был мне неприятен. Джамиль был одним из претендентов на руку моих старших сестер. Он очень активно пытался помочь нам в освобождении отца. Часто бывал у нас в доме и старался понравиться. Теперь уже - мне. Ведь и

мое время подошло. С двумя старшими сестрами ему не удалось, может быть, получится со мной? Возможно, моя неприязнь к Джамилю была несправедлива. Он был среднего роста, крепкого здоровья, неплох собой и очень опрятен. Но Джамиль был рыжеволосым – это мне не нравилось. На Кавказе к таким относятся с подозрением. Если бы я любила Джамиля, его глаза казались бы мне умными. Но поскольку чувств не было, они виделись мне хитрыми. Нос у Джамиля был длинный, а голос с неприятным скрипом. Говорил он жестикулируя. И мог говорить на любую тему, пытаясь представить себя образованным и интеллигентным. Он не завершил своего образования: три года учился во французском городе Льеже на инженера, немного знал французский язык. Но из Льежа он вернулся с любовницей-бельгийкой. Несколько лет они вместе прожили в Баку. За эту связь Джамиль считался развратным. По сравнению с нами, он был небогат, но жил неплохо. Даже мог просаживать деньги в карты, как многие состоятельные люди. Но его желание казаться умнее, чем он есть на самом деле, было невыносимо. Долгими разговорами ума не покажешь! А он все говорил и говорил! Не мог согласиться с тем, что другие умнее его. А может быть, он был прав? Ведь его долгие речи утомляли других, а не его самого.

Со временем я не только не стала снисходительнее к Джамилю, а и вовсе его презирала. Когда его помощь в деле отца стала приносить плоды, он загордился. Интересно, он знал, что противен мне? Я избегала разговоров с ним, почти не реагировала на шутки и очень радовалась, когда он уходил. Он бывал у нас часто, приносил известия об отце. Джамиль был дружен с каким-то комиссаром, который обещал помочь освободить отца из заключения. Но чем больше становилось шансов на освобождение отца, тем тревожнее было мне. Странное дело – я уже опасалась его возвращения домой! Ведь это обязывало меня принять предложение Джамиля. Как я ненавидела его рыжую шевелюру! О таких

людях ходили всякие небылицы, дурные слухи. А когда бабушка рассказала нам сказку о рыжем пройдохе, я так переволновалась! По преданию, рыжий ребенок приносит в дом несчастье. А в одной персидской провинции рождалось множество рыжих ребятишек. Как только в семье появлялось рыжее дитя», на нее обрушивались несчастья. Поэтому люди ненавидели рыжих, считая их дурными вестниками. Люди думали, что рыжие – пособники дьявола и колдуны. Но однажды им в руки попали какие-то древнеегипетские записи. В них говорилось, что нужно отрезать голову рыжему, несколько дней поколдовать над ней, почитать заклинания и сварить эту голову, заправив травами. Затем вытащить из казана и установить в специальном углу. Если опыт не удавался, голова портилась. Но если удавался, голова начинала говорить! Она вещала о прошлом и будущем. И все сбывалось! Очень скоро в этой провинции не осталось ни одного рыжего – их головы резко подскочили в цене.

Глядя на Джамиля, я представляла его рыжую голову, сваренную под заклинаниями и вещающую с того света. Меня начинало тошнить от таких фантазий. Но Джамиль не мог читать моих мыслей и все больше старался мне понравиться. Меня мучило от омерзения, когда я представляла себя с ним в постели. Это не то, что «князь Андрей» - с ним я могла мысленно миловаться бесконечно!

VI

...Проводить в Баку коммунистическую пропаганду было несложно. Несмотря на то, что это один из богатейших городов мира, в сфере транспорта, водоснабжения и канализации здесь имелись серьезные недостатки. Рабочие жили в жалких домишках. Заработок их был очень низок. Отстаивать свои права они не умели. Говорят, что однажды рабочие изложили свою просьбу моему деду Мусе: выде-

лить им мыла, увеличить зарплату, проявить человеческое отношение.

– Проявите к ним человеческое отношение, – поручил дед своим помощникам, выполнив одну из трех просьб рабочих. Разница между богатыми и бедными в Баку очень заметна. А коммунисты, например, в первую очередь, улучшили сферу транспорта – запустили в городе трамвайную линию. Этот революционный трамвай был даже выкрашен в красный цвет. По вечерам его прожектора превращались в зрелище. Были и другие новшества. Коммунисты открывали ликбезы для женщин. Они знали, что, ощутив преимущества культуры, женщины сами сбросят чадру. Для мусульманок была создана и национальная консерватория. Здесь были курсы пения, музыки и танца. Во время организации музыкальных курсов я получила письмо от заведующего. Он приглашал меня «для очень важного дела». Я была удивлена, но пришла в назначенное время на встречу. Школа искусств располагалась в конфискованном доме одного из бывших миллионеров. Женщина-заведующая уже ждала меня. Звали ее Зейнаб-ханым. Я много о ней слышала и давно хотела познакомиться. Зейнаб-ханым была хорошо образованной мусульманкой, разбиралась в музыкальном искусстве. Но некоторые ее дела приводили в ужас консервативное мусульманское население города. Зейнаб-ханым обзывали шлюхой, а ее мужа – не имеющим чести. Но она не обращала на это внимания и вела свою независимую от канонов и запретов жизнь. Ее муж был беспечным и общительным человеком. А сама Зейнаб-ханым не очень придерживалась общепринятых нравственных норм. Она не была красавицей, но достаточно мила и обаятельна: красивые губы, крупные глаза и какой-то внутренний магнетизм. Когда мы встретились, она так обрадовалась, будто увидела свою спасительницу. Позже я узнала, что другие игнорировали ее просьбу.

– Видите ли, консерватория – это очень важное дело для мусульманок, – начала разговор Зейнаб-ханым. – Но нам

нужны преподаватели, знающие азербайджанский язык. Ведь ученицы здесь будут, главным образом, наши укрытые чадрой соотечественницы. Они не знают других языков. Вы нам очень нужны! Не торопитесь отказываться! Я знаю, вы еще юны, не имеете опыта преподавания, глубокого музыкального образования. Но я знаю, что делать. Подумайте над моим предложением. Уверю Вас, это очень важное и благое дело!

– Каково будет мое жалование? – смущаясь, спросила я.

– Ах, да! Вы будете получать шестьсот миллионов ежемесячно. И еще кое-какие продукты раз в неделю: сахар, сухофрукты и прочее. Я приняла предложение. И не только из-за денег – 600 миллионов не такие уж большие деньги. Но сидеть дома в тоске, одиночестве и тяжких раздумьях? Уж лучше работать. Тем более, заняться таким полезным делом. Зейнаб-ханым очень обрадовалась.

– Замечательное решение! Вы будете нашей первой учительницей. Это принесет Вам удачу! – сказала она, и мы обговорили некоторые детали. С первого числа грядущего месяца я приступаю к работе!

Вскоре музыкальная школа под руководством очаровательной Зейнаб-ханым стала лучшим учебным заведением для мусульманок. Дела школы шли замечательно, жизнь здесь шла активная и радостная. Поначалу я долго размышляла, как буду объяснять девушкам основы музыки – ведь я получила образование на русском языке. А мои ученицы этого языка не знали. Переводить свои теоретические знания на родной язык было сложно, и я решила вести практические занятия, не рассказывая, а показывая: играла гамму и, ничего не объясняя, просила девушек ее повторить. К счастью, эти девушки из бедных семей очень стремились получить образование. К тому же они были довольно способными. Очень скоро они самостоятельно наигрывали некоторые гаммы. Моя преподавательская деятельность началась успешно. Но, как и чему учить дальше? Ведь дело не кончилось несколькими гаммами и сольфеджио. Иногда у меня не

хватало терпения, и я даже ругала своих учениц. Тут бабушкина школа брани пришлось к месту! Некоторые ученицы были старше меня, и им не нравилось такое обхождение. Девочки раздумывали: чем бы угодить учительнице? Они стали делать мне подарки. Сначала я возражала и не принимала их. А потом уступила: почему бы не взять? Я делала вид, что брать не хочу, и принимала подарки лишь после долгих уговоров. Это было удобно. Девочки приносили мне продукты: сахар, рыбу, лепешки, яблоки. Если у меня было плохое самочувствие, Зейнаб-ханым переносила урок, уходила к себе (она жила на верхнем этаже училища), поила чаем. Мы беседовали, играли в четыре руки на пианино. Часто к нам присоединялся муж Зейнаб-ханым, добродушный и приветливый человек. В их дом приходило много мужчин, которые были не прочь пофлиртовать с хозяйкой. И тогда дела в школе несколько послаблялись: ученицы становились менее усердными, а учительницы менее серьезными. Но и в этом была своя прелесть.

Однажды, придя утром в консерваторию, я застала Зейнаб-ханым очень взволнованной. Она суетливо бегала по коридорам. Оказалось, что к нам должны прийти гости из Народного Комиссариата Просвещения и еще какие-то официальные лица. Их интересовало умение, которое получили мусульманские девушки в области искусства и их музыкальное образование.

– Это большая честь! – волновалась Зейнаб-ханым. – Мы должны оправдать доверие! Надо хорошо подготовиться...

Мы поднялись к ней в квартиру, чтобы составить план мероприятий. Было просто необходимо завоевать симпатии комиссара.

Прежде всего было поручено рабочим устроить в зале небольшую сцену: голоса поющих и играющих учениц смешались с ударами молотков. Зейнаб-ханым прослушала девочек и выбрала из них наиболее достойных для выступле-

ния. Всю неделю ученицы готовились развлекать гостей. Готовили концертную программу. Ближе к концерту школу украсили, как подобает в праздник. Бюст Карла Маркса возвышался на постаменте. Вокруг него расположились бюсты Ленина, Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Все они были украшены бумажными цветами и гирляндами. На стенах висели флаги, в кадучках красовались пальмы. Пианино стояло на новой сцене, а на полу были расстелены конфискованные ковры. Мне было поручено исполнить «Интернационал», когда войдут гости.

Девушки-ученицы (многие в чадре) сгрудились в одной половине зала, глядя на улицу. А я сидела перед инструментом и ждала. Наконец, к зданию подъехал автомобиль. Взволнованная Зейнаб-ханым побежала их встречать. Вскоре гости вошли в зал, и я изо всех сил начала играть «Интернационал». Закончив, я встала и повернулась лицом к залу. У меня остановилось сердце: там, среди гостей, слева от комиссара, сидел он – «князь Андрей!» Я растерялась и побежала к ученицам. Концерт, посвященный почетным гостям, начался. Дети пели, играли и исполняли танцы на сцене, покрытой коврами. Но я никого не видела – только его, Андрея! Он сидел в кресле и строго смотрел на сцену. Иногда по его лицу пробегала тень недовольства. Я была рада видеть его, но к этому чувству примешивалась горечь: скоро мы вновь расстанемся! У меня был номер для выступления. Голова кружилась от волнения: как я его исполню?! Узнает ли меня Андрей? Мог ли он вспомнить девочку, с которой виделся всего два часа в тени виноградника? Посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась: нелепая и безнадежная девица! Обратит ли на меня внимание двадцатипятилетний герой революции, член Реввоенсовета? Надежд почти не было. Но я с грустью смотрела на своего рыцаря в черной военной форме. Он и сейчас, как тогда, был в ней. Потому и выделялся среди цивильно одетых гостей.

Концертная программа продолжалась. Время быстро проходило, приближался мой черед для выступления. У меня уже дрожали коленки, в глазах был туман, а в ушах стоял звон. Кое-как поднялась на сцену и села перед пианино. Я должна исполнять «Риголетто» - очень сложное произведение. Взяла первый аккорд, и музыка потекла. Казалось, она звучала произвольно, сама собой, и вовсе не я ее исполняла. Пальцы бежали по клавишам независимо от моей воли, они жили своей жизнью. Во время отрывка, требующего особого мастерства, Наркомпрос наклонился к Зейнаб-ханым:

– Замечательно играет! Как ловко бегают ее пальцы по клавишам! – выразил он восхищение своей комиссарской души.

Зазвучали последние аккорды, и я перевела дыхание. И консерватория, и комиссар остались довольны. Зейнаб-ханым взяла меня за руку и подвела к нему. Когда я подошла ближе, увидела, что он одноглазый. Он говорил, что я буду великой пианисткой и в будущем принесу славу родине. Его единственный глаз сверкал при этом от восторга. Но мое внимание было рассеянно: меня волновало присутствие Андрея.

– Здравствуйте, мадемуазель Наташа, - вдруг услышала я его голос.

– Как? Мадемуазель Наташа? – с удивлением переспросила Зейнаб-ханым.

– Мы поняли друг друга, не так ли мадемуазель? – смотрел на меня Андрей.

– Да ... – чуть не теряя сознания, произнесла я короткое слово, не в силах что-то вымолвить.

Я чувствовала себя глупой и счастливой. Он, Андрей, стал еще привлекательнее. Его жизнь была жизнью настоящего мужчины – умного, деятельного, ответственного и героического. Я вдруг подумала, что должна стать женой

Джамиля... Этого убожества... Андрей же будил во мне жизнь.

Зейнаб-ханым успокоилась, ее волнение отошло – мероприятие прошло успешно. Она пригласила комиссара и его товарищей в столовую. Ученицы нашей школы принесли чай. Искушенная в любовных вопросах, Зейнаб-ханым усадила меня рядом с Андреем.

– Так значит, вы уже вернулись из деревни? – начал разговор Андрей. – А где та красавица, Гюльнар? Григорий в письмах часто о ней вспоминает. Кажется, он здорово влюбился.

– Она вышла замуж за очень хорошего человека и счастлива...

– Хотелось бы и с ней увидеться. Смогли бы вы нарушить свой обычай и прийти на встречу со мной? Я был бы счастлив... – Андрей смотрел мне прямо в глаза. Я растерялась и стала путать слова. – Вы смутились? Конечно, Вы очень молоды. Наверное, еще играете в куклы...

Но тут-то я осмелела и ответила с уверенностью:

– Нет, Вы ошибаетесь! Я и прежде не любила играть в куклы. К тому же в этом году выхожу замуж.

– Вас это радует?..

Я промолчала, и Андрей продолжил.

– В любом случае, я буду рад видеть и Вас, и Гюльнар. Я живу по улице Пушкина, дом 14. Мой телефон 31-34. Вы запомните?..

– Неужели?... Неужели Вы живете в этом доме?..

– А что в этом удивительного?

– Все! Я выросла в этом доме.

Это мой родной дом... Здесь я научилась ходить, говорить, играть на пианино, читать книги.

– Вот оно что! Но я не верю в судьбу. Хотя это совпадение может ускорить Ваше согласие. Так придете? – он улыбнулся. На этот раз ласково. Как будто что-то изменилось в нем, в глазах промелькнуло некое чувство, интерес.

Но я боялась ошибиться в своих предположениях. Зато куда-то подевалась моя стеснительность, и я, осмелев, разговорилась с Андреем, пообещала обязательно навестить его, но с Гюльнар.

– Значит, вы опасаетесь приходить одна в гости к мужчине, члену Реввоенсовета, потому что...

– Гюльнар обязательно согласится, - перебила я его. – Она будет очень рада. Правда, в ближайшие дни это вряд ли удастся...

– Передайте ей, что я живу не один, а с другом. Он такой бабник! Если я тогда не ошибся, такие мужчины ей по вкусу.

Чаепитие продолжалось, гости становились все разговорчивее и шумнее. Наконец, комиссар встал и поднял чашку с чаем для тоста. Его приветствия и пожелания были долгими и полными надежд. Все глаголы он произносил в будущем времени: «Мы построим, мы создадим, мы увидим...»

VII

...

Когда-то дядя Сулейман прочил меня в жены своему сыну Асаду. Но этому противилась Гюльнар. Она считала, что Асад мне не пара.

– Я не хочу, чтобы ты стала женой Асада, - сказал мне как-то Гюльнар. – Он дрянной мальчишка. Ты не будешь с ним счастлива. И между прочим, ему больше нравятся мужчины... Зачем тебе такой муж? Раз в месяц ублажит тебя, а в остальное время будешь иметь дело с грубияном, жлобом и негодяем. Я против вашего брака! А вот кандидатуру Джамиля она одобрила сразу. Правда, он сам ей не особенно нравился. Но уж получше Асада! И еще у Гюльнар возникла идея переселить меня к себе. А если она что-то решит – так тому и быть! В споре с тетей Реной по этому вопросу она

одержала верх. Тетка долго сопротивлялась моему переезду, но я все же перебралась к молодой семье. Это и мне было по душе.

Крепостная часть города имела своеобразную планировку. Крепость спускалась с холма к морю. В самом центре расположен замок средневековых правителей, а вокруг него более поздние плоскокрышие дома. Есть здесь и мечети. Улочки в крепости узкие и извилистые. Даже революция не сразу сориентировалась в лабиринтах «Ичери шехер» и здесь не происходили особые перемены: муэдзины призывно пели с высоких минаретов, люди стекались к намазу, совершали религиозные обряды.

Перебравшись жить в «Ичери шехер», я сразу почувствовала, что живу в мусульманском городе. По его узеньким улочкам могли пройти только верблюды и ослы, машин здесь не было. Все женщины носили чадру. Среди кустов сирени мальчишки играли в «альчики». Словом, была истинно восточная атмосфера. Город за стенами крепости жил иной жизнью: его атрибутами были современные здания, автомобили, кинотеатры. Сейчас многие из бывших собственников, чье имущество конфисковано новыми властями, перебрались в крепостную старую часть города. Старый город принял нас, как добрый и незлопамятный дедушка, и приютил, хотя мы были надменны с ним совсем недавно. Мне нравился старый «Ичери шехер». Здесь было спокойно и мирно. В самом воздухе старого города витали слова: «На все воля Аллаха! Безгранична милость Его, подчиняйтесь его воле – он превыше всего!». Эти слова умиротворяют и успокаивают. Старый город оберегал своих детей от внешнего мира с его страхами и бедами и придавал уверенности.

И еще меня очень радовало общество Гюльнар. С ней связано много моих детских воспоминаний – и хороших, и не очень. Мне всегда нравились ее эмоциональность, наглость, авантюризм. Правда, к этому можно добавить и распущенность, но и она мне нравилась.

Я просыпалась рано и шла будить молодоженов: не то проспят до полудня! Садилась на край кровати и слушала подробности прошедшей ночи, о которых Гюльнар так живописала, что ее муж от стыда лез с головой под одеяло.

– Чего прячешься, болван? – бесстыдно приставала к нему Гюльнар. – А помнишь, ночью?...

Такие сцены повторялись почти ежедневно.

Всю домашнюю работу выполнял Салим. Он ходил на базар, топил печь, готовил обед. У него даже мысли не было протестовать. Уж так поставила дело Гюльнар! Мы ласково улыбались ему, и он становился безропотным слугой наших улыбок. Разве он позволит нашим нежным ручкам выполнять грубую работу? Через месяц нашего совместного проживания Гюльнар сожалела об отмене многоженства.

– Жаль, что и ты не можешь стать женой Салима! Как мы хорошо жили бы все вместе! Мужчина он сильный, обeim хватило бы. А еще можно и любовников завести... Скажу тебе по-секрету, очень хочется завести любовную интрижку. Семейная жизнь несколько скучновата: один и тот же мужчина порой надоедает. Ведь и им тоже нравятся другие женщины. Помнишь, как говорил Григорий? «Верность – противоестественное состояние. Она утомляет. Те, кто хранят верность, становятся унылыми, скучными и быстро стареют».

– Да, очень жаль, что отменили многоженство! – продолжала сожалеть Гюльнар. – Пора, пора подыскать себе любовника... ты говорила, Андрей Масарин живет с другом?...

– Мы можем пойти к нему сегодня после полудня, - ответила я и сразу пожалела. Мне стало неловко за свое нескромное предложение. Но Гюльнар захлопала в ладоши от восторга:

– Конечно, пойдем! И лучше без предупреждения. Не будем к нему звонить. Не застанем дома – пойдем завтра. Ничего страшного.

Гюльнар быстра в своих решениях и не откладывает их. Во время обеда она объявила мужу, что хочет пойти со мной в консерваторию.

– Мне хочется поиграть на пианино. Я так давно не играла! Как жаль, что у нас нет инструмента, – лицемерила она, готовя почву для дальнейших интриг.

Но перед домом на улице Пушкина Гюльнар неожиданно оробела. Она долго сомневалась, прежде чем нажать звонок. Этот двухэтажный дом обреченно смотрел на нас окнами закрытого балкона. Он как будто звал нас – ведь мы с ним знакомы с детства! Я жила здесь до 10-летнего возраста. И после навещала тут свою грозную бабушку. Она жила в том доме до самого прихода большевиков, а потом переехала в старый город. Сейчас мы живем с ней по соседству.

Наконец, мы позвонили в дверь. Андрей спустился по лестнице и уверенными шагами направился к нам.

– Спасибо, что пришли, я давно вас ждал! Не сердитесь, что я принимаю вас, как гостей, в вашем бывшем доме?

Когда мы съехали из этого дома, отец отдал его одному из своих служащих. Я пришла в свою бывшую спальню, и мне показалось, что вижу сон. Мне снилось моя детская спальня с ее красными занавесками, старым ковром, прежними запахами и уютом. Сейчас здесь был кабинет Андрея. Вчерашний и сегодняшний день этой комнаты, переплетясь, вызвали в моей душе странное волнение: это и моя комната, и его! Я молча села на диван, за которым располагались книжные полки. Из окна виднелся знакомый пейзаж. А Гюльнар в это время завела веселый разговор с Андреем. Она рассказывала ему о своем замужестве, а он слушал, улыбаясь.

– Наши девушки рано выходят замуж. Ведь у них нет иного способа познать мужчин. Обычай требует хранить невинность до брака. Вот мы и спешим поскорее замуж!

– Но по вашим законам, девушки не выбирают себе женихов сами. И даже тогда вы торопитесь замуж?

– Конечно! Уж лучше старый, либо увечный муж, чем никакой! К тому же, при желании женщина может найти себе любовника. Ну, а те, кто не могут – пусть мучаются.

– А какой себя считаете Вы?

– Я? Первой, безусловно! – Гюльнар сладострастно посмотрела на Андрея. От ее взгляда у меня заныло сердце. В это время в дверь постучали, и в комнату вошел высокий, худой мужчина.

– А вот и Бирюков! Мой друг и сослуживец. Страшный человек! Он инженер и лингвист – знает семь языков. А еще он колдун! Может сломать любую волю. Иногда ломает мебель... когда гневается. Что еще сказать?

– И этого достаточно! Я рад с вами познакомиться, девушки. Можете не представляться. Андрей столько мне о вас говорил, что мы почти знакомы. Вы – Гюльнар-ханым. А вы – Наташа-ханым. Видите, я даже знаю, что необходимо прибавить к вашим ангельским именам слово «ханым». Стоит мне дней десять пробыть в какой-либо стране, и я уже знаю ее обычаи и изучаю язык. – Бирюков произнес несколько новых для него слов с легкими акцентом.

– А теперь, хоть это и противоречит нормам ислама, позвольте поцеловать ваши ручки. Это в отместку вашим предкам. Когда-то они во время пиров усаживались верхом на наших. Но думаю, что получали при этом не большее удовольствие, чем я сегодня! – Он очень учтиво поцеловал нам руки. – Странно, – подумала я, – эти люди почти такие, как и те, что приходили когда-то в гости к моему отцу. Так же учтивы и образованны.

А Бирюков уже пристально изучал Гюльнар, не скрывая своего интереса. Она же просто таяла от удовольствия! Андрей тоже смеялся вместе с ними над шутками Бирюкова. Только мне почему-то было грустно. Хотелось плакать. Почему? Наверное, начинала понимать, что правда жизни не так романтична, как в перчитанных мною книгах. Андрей – прекрасный «князь», а я должна быть женой постылого

Джамиля. Не отважного, красивого, умного «князя», а мерзкого, ненавистного червяка – Джамиля! Я грезила Андреем, ждала его, но мы не могли быть вместе!

Я не нужна ему. Но если бы и стала нужна, все равно не могла принять его любви. Слишком велика социальная разница. Предрассудки сильнее моих мечтаний! Он русский, революционер, представитель враждебного мира. А я...

– Почему Вы так задумчивы? – вдруг спросил Андрей. Но как объяснить ему это? Я отвечала ничего не значащей улыбкой, а он и не ожидал ответа, сменил тему. Мы стали говорить о моей семье, обо мне. Когда пришло время уходить, казалось, что наше знакомство – очень давнее.

В грезах я навсегда осталась с Андреем. Но зачем обманывать себя?

VIII

Родители Гюльнар с четырьмя своими сыновьями решили уехать за границу. Сделать это законным путем было невозможно – заграничные паспорта не выдавались. Чтобы получить паспорт, необходимо было преодолеть невообразимые преграды. Поэтому дядя Сулейман принял решение «бежать». Ему нравилось это слово, и он часто с гордостью его повторял. И весь день говорил о предстоящем «побеге». Хотел произвести впечатление на окружающих. А члены семьи давали ему возможность похвастать. Не каждый мог похвалиться пониманием близких и их искренней симпатией. Чаще всего в семьях старались подавить волю других. Но семья Сулеймана - это исключение. Дядю Сулеймана здесь уважали, любили, его считали мудрым, им восхищались. С любыми его решением или поступком соглашались беспрекословно. Это был эдакий семейный идол, божок.

Свой грядущий побег Сулейман считал делом простым и сам был в восторге от собственной отваги. Предполагалось провести «побег» поэтапно. Он должен был состоять из

трех стадий: сначала предстоял путь поездом, затем на поезде, и в конце – пароходом до Ирана. Все уже все знали наперед, хотя мудрее было держать это в секрете.

– Я хочу избавиться от ужасов революции! Хочу спокойно жить и свободно дышать! – бил себе кулаком в грудь Сулейман, не поясняя, что мешает его свободному дыханию. Ему не перечил никто, кроме моей тети. Только она не соглашалась с мыслью о побеге за границу и сердито говорила:

– А я хочу умереть на родине!

– Вот уйдут большевики, вернемся, вернемся - и помирай на своей родине!

– Думаешь, они так скоро уйдут?

– Когда-нибудь должны... это я тебе говорю! – делал он ударение на слове «я». Сулейман был горд своей уверенностью.

– А ты не можешь ошибиться? – приставала к нему тетя.

– Я ошибся однажды, когда женился на тебе по своей дурачности.

Спор мог длиться довольно долго и заканчивался возвращением к теме «побега».

– Почему он не может дождаться ухода большевиков здесь, дома? Деньги у нас пока есть. Чего тебе не хватает?

– Воздуха!

– И там не будет тебе воздуха! Терпеть их не могу! – фыркала тетя, имея в виду иранское население.

– Воздух! Воздух! Мне нужен воздух! - не унимался Сулейман, колотя себя кулаками в грудь.

– Ну, и черт с тобой! Бери своих детей и проваливай куда хочешь. А я останусь здесь, на земле своих дедов. Здесь и помру!

– Вот и помри сейчас же! – орал на нее неугомонный Сулейман – Обрел бы, наконец, свободу. Пустоголовая!

Желание жены не могло изменить его решения. Оно крепко засело в его мозгу. Время побега не оглашалось – но

все его знали! И члены семьи, и друзья, и друзья друзей... полгорода знали о планах Сулеймана. Люди рассуждали о трудностях, которые ждут Сулеймана в пути и на чужбине. А Гюльнар плакала, когда вспоминала о предстоящей разлуке. Но не от любви к близким, скорее, от зависти. Она завидовала всем, кто покидал родину. Хотя сама, если честно, не очень к этому стремилась.

На вокзал семью Сулеймана должны были провожать только я, Салим и Гюльнар. Багажа у них было мало – чтоб облегчить путь. С собой они взяли все ценности и украшения, спрятав их в самых невероятных местах: проверка могла быть очень серьезной! И подготовились к ней, как казалось, тоже серьезно. Но, как говорится: человек предполагает – Бог располагает.

Около восьми вечера мы прибыли на вокзал. Было очень холодно, фонари слабо мерцали в сумерках. Сердце сжималось от тоски. Я всегда грустила, провожая кого-нибудь в дорогу. Отъезд семьи Сулеймана огорчал меня. Все сидели на чемоданах, ожидая поезд. А поезд несколько задерживался. Братья Гюльнар, ее мать и она сама потихоньку утирали слезы. Только Сулейман не плакал. Он считал это слабостью. Но нам не суждено было дождаться поезда. Неожиданно в зал вошли около десятка грозных милиционеров. Они отняли у нас чемоданы и стали их ворошить. Один милиционер что-то спросил у Асада и, услышав невразумительное мычание, огрызнулся:

– Ты что, толком говорить не умеешь?

Милиционер был похож на сказочного людоеда; глаза блестели, черная борода покрывала почти все лицо – он был просто ужасен! Но Асад и на этот раз не мог дать четкого ответа.

– А-а, понял! – закричал милиционер. – Открой рот! Что ты там спрятал? Вот почему не можешь говорить!

Асад открыл рот. Милиционер раздвинул пошире его челюсти и вытащил большущий перстень с бриллиантами.

Милиционеры торжествовали, а семейство Сулеймана застыло, как ледяные столбы. Затем всех нас повели в какую-то комнату. Женщины, одетые в милицейскую форму стали обыскивать женщин, лазая в самые «заветные» места. Их руки, привычные к своему делу, так и шныряли по нашему телу. Даже в волосах моей тети были припрятаны камушки. Украшения были и в складах одежды, и во рту, и много еще где. Мне было от души жаль своих родственников – они выглядели, как покойники. Но дурацкий, неуместный смех душил меня, когда камни доставали из интимных мест.

– Вот это сюрприз! – радовались сотрудники милиции.

– Ай да багаж! На несколько миллионов потянет.

– Ну что, старый ишак в львиной шкуре, ты по-прежнему прав, да?

– Безмозглый олух! – сквозь рыдания бранила мужа моя тетка.

А Сулейман молчал и гневно наблюдал происходящее, удивляя спокойствием и выдержкой. Даже когда милиционеры сказали, что повезут нас в тюрьму, он не дрогнул. Сулейман вел себя, как каменная твердь.

– Да отпустите их! – произнес один из милиционеров – Ценности мы забрали, а сами они нам ни к чему. Зачем еще кормить их в тюрьме?

Так и сделали. Нас отпустили, и замерзшая, обобранная семья Сулеймана вернулась домой. Это было тягостное зрелище...

– Ха-ха, вот и поправились наши дела! Уменьшился наш груз, можем спокойно дышать! – горько смеялась жена Сулеймана, мешая горечь и злорадство.

– Заткнись! – глухо пресек ее муж. – В деревне осталось зарытое золото. Еще надолго хватит.

У многих бывших богачей были заначки. Так все они и жили, потихоньку продавая свои украшения и червонцы. Считалось, что до ухода большевиков должно было хватить... этой мыслью успокаивали себя многие. Бывшие мил-

лионеры даже не представляли, что можно и бедствовать, и голодать. Они не хотели верить, что их капитал будет служить кому-то другому. Но покой – удел только безгрешных...

Мы с Гюльнар обедали у Андрея. Салиму сказали, что приглашены в гости к Зейнаб. А Зейнаб знала о наших похождениях и с радостью покрывала их. Какая-то взъерошенная стряпуха приносила нам еду, совершенно постную и безвкусную. Но ели, что было...

К тому же для меня это было не есть невозможно: здесь, у Андрея, мне нравилось все! Даже плохая еда. В последние две недели мы почти каждый день виделись с Андреем. Моей радости не было предела: я была влюблена в него! Я боготворила Андрея! Трудно сказать, кто мне был люб больше: сам Андрей Масарин или Андрей Болконский, оживший в его лице. Андрей Масарин и относился ко мне, как к Наташе Ростовой. Это были некая опека и нежность. Никаких плотских желаний! По крайней мере, я так думала. Возможно, я ошибалась. Но мне хотелось думать именно так! Андрей своими словами или действиями вовсе не стеснял меня. Чувствовалось, что он при любых обстоятельствах умеет держать себя в руках.

– Если человеку удастся победить страх смерти, останется очень мало жизненных целей. Я так часто сталкивался со смертью лицом к лицу, что принимаю жизнь как счастливую случайность, а не цель, нуждающуюся в защите. Поэтому к желаниям некоторых отношусь с презрением. Вы меня понимаете? – сказал мне однажды Андрей. Последний вопрос он задавал довольно часто. А я, действительно, не всегда понимала его рассуждения, и это удивляло Андрея. Последний вопрос он задавал довольно часто.

– Вы еще ребенок. А я говорю с Вами, как со взрослой женщиной.

– Нет, ошибаетесь! Мне уже 15 лет. Наши женщины в этом возрасте становятся матерями. Не путайте меня с русскими девушками.

– Да, кажется, я еще должен к этому привыкнуть...

А Гюльнар была, как рыба в воде! Она купалась в веселье! Бирюков рассказывал всякие небылицы о себе. Но, может быть, и не так уж привирал. Андрей утверждал, что большая часть рассказанных Бирюковым историй – правда. И даже часть их делала его не таким, как все. Он ежеминутно целовал руки Гюльнар, прикасаясь губами все выше и выше. Он уже был разогрет страстью.

– Когда дойдет до шеи – пропадет, – шепнул мне Андрей. – Да и она готова...

Меня пугало поведение Гюльнар. Она выпила столько водки! Как же мы будем добираться домой?

– Еще лучше! – заорал Бирюков. – Оставайтесь тут! Скажите мужу, что попали в комендантский час и заночевали у Зейнаб. А мы ей позвоним и предупредим.

Его предложение всем понравилось. Гюльнар стала еще увереннее и пила без конца. А Бирюков принялся рассказывать новую занимательную историю. Закончив ее, он вытащил из кармана пиджака колоду карт и стал показывать удивительные фокусы. Мы смотрели с разинутыми ртами и ахали. Наконец, он убрал карты и сказал:

– А сейчас я покажу вам самый чудесный из своих номеров: через секунду Гюльнар окажется у меня в постели!..

Андрей! Хотелось слиться с этим человеком, который появился однажды в нашем винограднике, облаченный в черный мундир. Улетучилась куда-то наука добропорядочности, забылись традиции. Мое счастье пахло черной гимнастеркой, табаком и кожей – я прижалась к нему, а он ласкал мои волосы.

Было далеко за полночь. На улице ни звука, ни души. В доме благодатная тишина. А что делают, интересно, Гюль-

нар и Бирюков? Но не хотелось думать о других – только о своем счастье. Сколько же прошло времени? Как долго тянется это сладостное безумие? Мы оба жили счастливым мгновением между прошлым и будущим.

– Вы хотели бы уехать со мной? Я должен быть в Москве, еду на двухнедельный съезд партии. Потом вернусь сюда на несколько дней, и мы вместе уедем в Киев. Согласны?

– Конечно... - ответила я и заплакала от радости.

– Не плачьте, мы будем жить счастливо.

Но я плакала не от беспокойства, а от счастья.

– Мы поженимся, - продолжал Андрей. – Правда, опасно жениться на такой юной девушке. Но ради вас я готов на это. Не плачьте!

Я не могла остановить слез. А Андрей молча гладил и гладил мои волосы. И так прошла вся ночь. Наступило утро... Иногда я уходила в неглубокий короткий сон. Просыпаясь, вновь и вновь окуналась в свое счастье, отвечая на ласки Андрея. Как я его любила! Но произносить это вслух не хватало смелости.

Гюльнар и Салим очень сильно разругались. Несчастный Салим был бледен от бессонной ночи и беспокойства. Удивляясь собственной смелости, он гневно вопрошал:

– Где вы пропадали всю ночь?!

– У Зейнаб-ханым. Где же еще, - абсолютно спокойно ответила Гюльнар, снимая пальто. – Поужинали у нее, немного выпили. Потом наступил комендантский час.

– Нет. Не выйдет! Я не муж Зейнаб-ханым! Я запрещаю вам с ней общаться. Весь город знает, что она шлюха. Клянусь Пророком, я не так бесчестен, как ее муж. Запомни!

Гюльнар сначала побледнела, потом покраснела, а уж затем налетела на Салима, как коршун. Схватила его за волосы так, что он закричал от боли.

– Ты так смел? Как ты со мной разговариваешь? Как ты смеешь? Тоже мне, мужчина! – Гюльнар задышалась от

злости. – Ты, пустоголовый медведь, жирная свинья! Хочешь, чтобы я ушла от тебя? Хочешь? Дождешься? Уйду от тебя – и сразу к другому! Мы давным-давно живем в другом мире. Или ты забыл? В новом, свободном мире. Прошлое ушло в историю и не вернется! – Это были слова Григория. Я улыбнулась, услышав их от Гюльнар.

Но Салим не успокаивался. Мне было непривычно видеть его таким разгневанным и бранящимся.

– Я одно хорошо понял: моя жена шлюха! Я женат на блуднице! Весь Баку знает, что Зейнаб сводница и потаскуха. Говори! Говори, кто там еще был! Что вы делали вдвоем в этом притоне?

– Хорошо, скажу! Мы пили водку. Потом сношались с мужиками! Это хотел услышать? Повторить?

Салим ринулся на Гюльнар, но она увернулась, как кошка, и ловко запрыгнула за стол.

– Ну, лови, мешок сала!

Салим растерялся на мгновение, уставившись на жену. Потом сел на стул и заплакал, как дитя. Он что-то говорил сквозь рыдания, но ничего не было понятно. Его подурневшее от горя ласковое лицо было залито слезами.

Наконец он более-менее внятно произнес:

– Скажи, что это ложь! Не рви моего сердца! Ведь ты солгала, да?..

– Ох, эти мужчины! – закатив глаза к небу, вздохнула Гюльнар. – Конечно, солгала.

Салим успокоился, вытер глаза. Даже попытался улыбнуться.

– Но знай, когда-нибудь я изменю тебе! – взволнованно произнесла Гюльнар. – Я не смогу всю жизнь спать с одним мужчиной! Это все равно, что каждый день есть одно и то же. Ну, вот! А теперь, если хочешь, разведемся...

– Нет-нет! Только не это! Только не это...

– Тема исчерпана! – властно сказала Гюльнар. – И никаких вопросов!

Гюльнар вышла из комнаты шагом победителя.

IX

...Наконец-то комиссару, другу Джамиля, удалось вызвать отца из тюрьмы, и в конце декабря он вернулся домой. День его возвращения не был известен, поэтому отца никто не встречал. Через девять месяцев заключения отец пришел в дом к своей матери. Мы жили неподалеку. Одна из старушек, родственниц бабушки принесла нам это известие.

Отец сидел на бабушкиной кровати. У него был усталый, утомленный вид: под глазами круги, лицо покрыто морщинами, руки тряслись. Жалкое зрелище... Но уже через час он ожил. Глаза заблестели, дрожь в руках прекратилась. Когда-то Андрей сказал такую фразу: «Человека можно уничтожить и оживить пустяком». Свобода оживила отца всего за час... Андрей, как всегда, оказался прав. Глядя на отца, я думала об Андрее, которого считала своим женихом. Сейчас его не было в Баку. Но через неделю он должен вернуться. На три дня. Мне предстояло объясниться с отцом. Мысль о предстоящем разговоре пугала. Нет, она ужасала. Мне было неловко перед отцом. Он хотя никогда и не сердился на меня, но был человеком строгим. И несколько холодным. Это превращало мою застенчивость в страх. Я не знала, как начать разговор о женихе – члене Реввоенсовета. Помоги мне, Господи!

– Как твои дела? – спросил отец ласково. Таких ноток в его голосе я прежде не слышала. – Довольна работой в консерватории? Ты выросла, дочка.

– Нужно скорее выдать ее замуж, – перебила его бабушка. – Гуляет среди мужчин с открытым лицом! Это ваше европейское жите-бытье ни к чему хорошему не привело. Один срам! Видишь, что самому пришлось пережить? За что, за что, скажи мне!

Отец пожал плечами, а бабушка заплакала. Это были слезы ярости. Они обрушивались на нечестивые головы иноверцев. Бабушка делила людей не по политическим взглядам, а по религиозным. Большевики тоже были для нее иноверцами. Отсталые взгляды бабушки удручали меня. Но как ей все объяснить? И стоит ли? Не разгневется ли она еще больше? Что будет, когда она узнает, что я собираюсь замуж за русского? Несомненно, она придет в бешенство. А когда узнает, что этот самый русский из тех, кто отнял их дом, богатство, сына!.. надвигалась буря. Нет, катастрофа! Уж лучше пока молчать и подумать, что можно предпринять. Надо подождать, пока вернется Андрей. Меня бросало в холодный пот от мысли о предстоящем разговоре. Умереть и то легче! Но если молчать, Андрей может уехать без меня. Похоже, что мои переживания отражались на лице. Отец внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Что-то произошло? Ты не больна? Почему ты дрожишь?

– Да, мне нездоровится. И холодновато, - ухватилась я за мысль. Потом я набралась храбрости и решила открыться, но ... голос пропал! Страх победил. Я была бессильна перед ним. Но тут в дверь постучали. Пришли друзья отца, и моя внутренняя борьба несколько стихла. Голос вернулся и отвага тоже – ведь в них уже не было нужды.

Джамиль тем временем решил не затягивать вопрос о браке. Наутро после возвращения отца он заговорил об этом. Он вел себя, как жених, и считал, что имеет на это право. Окружающие тоже так считали – это было, с их точки зрения, вполне справедливо. После встречи с Джамилем отец вызвал меня к себе и завел разговор о сватовстве.

– Джамиль помог мне выйти из тюрьмы. Если бы не он, неизвестно, когда б это случилось. И это не все. Ты знаешь, как трудно получить загранпаспорт, а я хочу уехать за границу. Его друг, комиссар, может мне помочь. Я не могу тебя заставить, но прошу подумать над его предложением. И

еще скажу тебе – он надежный человек, образованный, деловой. Да и любит тебя. Почему ты должна ему отказывать? Повторяю, я не неволю тебя. Подумай хорошенько и ответь завтра.

Боже, как я могла возразить? Как я могла сказать, что люблю другого? Я опустила голову, делая вид, что размышляю. Покинув отца, я ощутила в душе ненависть к нему. Говоря о помощи Джамиля, он хотел разбудить во мне чувство долга и любви к родителю. А я его уже почти не любила! Почему меня должны принести в жертву прихоти отца, который уедет, оставив меня мыкаться с нелюбимым мужем? Я долго и горько плакала, сжав кулаки. Это были слезы гнева и бессилия.

Гюльнар не узнала о планах Андрея. Почему-то я скрыла это от нее. Наверное, побоялась предательства или непонимания. Гюльнар, хотя и верила в любовь, вовсе не верила в верность и клятвы. Она тоже хотела, чтобы я стала женой Джамиля. А дальше – видно будет!

– Выходи за Джамиля. Пусть отец получит паспорт. После делай что хочешь, - уговорила меня Гюльнар.

В то утро, когда мы вернулись от Андрея, она спросила меня о целомудрии.

– Ты сохранила невинность?

– До этого и не дошло, – ответила я.

– Как так? – удивилась Гюльнар. – Ты хочешь сказать, что вы и не миловались? Неужели он не овладел тобой?

– Нет... - отрицательно покачала я головой.

– Ну дела! Этот парень совсем олух!

Какие же мы с ней разные! Я не стала объяснять ей свои чувства. Она все равно не поймет.

– А и хорошо, что так обошлось! Вот и ладно, что товар не попорчен, - бесстыдно болтала Гюльнар. – Андрей мне нравится больше, чем Бирюков. У этого умения в языке больше, чем в постели. Если бы не моя инициатива, ничего толком и не произошло бы. Вот тогда я и разочаровалась бы!

– По-моему, Андрей более духовен. Он меньше думает о постели, – немного смущаясь сказала я.

– И ты дура! Любит – не любит, а не переспать с хорошенькой девушкой?! Олух, одно слово, – фыркнула Гюльнар и стала разглядывать себя в зеркале.

Разговор с отцом совсем выбил меня из колеи. Я лежала на диване и думала. В комнате было тихо и холодно. Мои мысли тоже были слабыми и холодными, сил не было вовсе, даже думать.

Бабушка приготовила плов в честь освобождения отца и созвала родственников. Отец помылся, побрился, надел чистую одежду. Он как будто помолодел. Прежде он был очень сдержанным, а теперь говорил без умолку и веселился с окружающими. Он ждал моего ответа.

– Как ты скажешь, так я и поступлю, – безвольно соглашалась я, зная наперед, что он скажет. Итак, вопрос был решен... Джамиль был счастлив и вел себя, как подобает жениху: просто замучил своим вниманием! Так и осыпал чуткостью и комплиментами!

Но несмотря на разлуку с Андреем и постоянное беспокойство, я все еще надеялась на какие-то перемены. Надеюсь на чудо...

В просторной комнате, которая и считалась бабушкиной квартирой, около двадцати близких родственников расправлялись с пловом. Многие сидели на полу – места за столом не всем хватило. Но настроение было праздничное, недостаток мебели никого не коробил, бабушкина родня не очень тяготела к европейским веяниям. Простые люди до сих пор предпочитали сидеть и спать на коврах, а не на кроватях. Вечером постель расстилалась прямо на полу, а утром сворачивалась и убиралась.

Тетя Рена тоже пришла в гости к бабушке. Она, как всегда, курила и выглядела нервной, по привычке все время придиралась к своему глухому мужу. А он не обращал на нее внимания и с удовольствием наворачивал горячий, жир-

ный плов. Моя старшая сестра тоже была здесь. Последнее время мы редко с ней виделись. Она сидела со скучающим видом, не скрывая своего недовольства. Повод на то был: муж все еще в тюрьме. Но она лицемерила. На деле повод не был причиной – судьба мужа ей безразлична. Лейла часто зевала и смотрела на часы, торопя время, чтоб покинуть скучное общество.

Фрейлейн Анна, двадцать лет жившая в нашей семье, тоже была здесь. Даже моя религиозная и верная обычаям и нравам бабушка считала ее членом семьи, не придавая значение христианской вере. Ослабевшие ласковые глаза фрейлейн Анны часто останавливались на мне. Не стоило рассказывать ей о своих переживаниях, она и так все поняла. Когда я молчала, она не докучала мне вопросами. Иногда фрейлейн Анна бросала сердитый взгляд на Джамиля. Тетя Рена рассказывала, что наша верная гувернантка пыталась отговорить отца выдавать меня за Джамиля, убеждая его в моей молодости. Она не считала Джамиля подходящей парой для меня. Но кто станет ее слушать! Я совсем забыла сказать: Джамиль был старше меня на двадцать лет...

Сулейман тоже присутствовал здесь со всеми своими домочадцами. Некоторое время спустя он даже устроил скандал. Сулейман верен себе! Когда-то он хотел обручить меня с Асадом, преследуя свои корыстные цели. Он и сейчас был уверен, что «большевики скоро уйдут», и мы заживем как прежде, расчудесно и беспечно. Как только он вошел, стало ясно, что душа его переполнена и назревает ссора. Дядя Сулейман грубо ответил на приветствие Джамиля и демонстративно отвернулся. Его сыновья сердито смотрели на Джамиля и перешептывались о чем-то. Все присутствующие это заметили, однако Джамиль не придавал такой непочтительности никакого значения и продолжал обхаживать меня на глазах у родственников, опьяненный любовью.

Мы угощались пловом с цыпленком и жареной осетриной. Потом пришел черед самоварного чаепития. Тут отец и завел разговор о предстоящем бракосочетании.

– Вы, наверное, слышали радостную весть – моя дочь выходит замуж за Джамиля.

Отец еще не закончил своих слов, как дядя Сулейман вонзил в него гневный взгляд и ударил кулаком по столу. Пиалы с чаем аж подпрыгнули на столе.

– И ты еще называешь эту весть радостной! Такое сокровище (это обо мне!) отдать какому-то ничтожеству! И как ты до сих пор не сгорел со стыда!

При этих словах Джамиль тоже подпрыгнул на месте, как чайные пиалы.

– А ну, заткнись! – заорал Сулейман на Джамиля, который еще и рта не раскрыл. – Не смей вступать! Я не с тобой говорю, а с твоим будущим тестем. – Сулейман снова ударил по столу. Чашки снова подпрыгнули, выражая солидарность с ним звонким дребезжанием.

– Ты всегда был лжецом, – кричал Сулейман на моего отца. – Отцовскую фирму к рукам прибрал? Денежки наши присвоил? Наследства лишил? Если бы эти несчастные женщины (он указал на моих теток) не вышли замуж за состоятельных людей, они умерли бы с голоду! Ты обобрал своих сестер!

Тут поднялся такой шум, началась такая свара, что даже громоподобный голос Сулеймана стал не слышен. Кричали все: одни протестовали, другие соглашались, третьи угрожали, четвертые о чем-то просили. Отец и Сулейман осыпали друг друга отборной бранью. Но и их голоса тонули в общем гвалте. Асад и Али наблюдали скандал, не скрывая удовольствия. Им вообще нравились семейные дразги. Братья явно наслаждались «представлением», их глаза блестели. Поддерживая то моего, то своего отца, они подливали масла в огонь, умело разжигая страсти. В упоении они блеяли, как барашки, прыгали, как черти.

– Да! – перекрикивал всех Сулейман. – А теперь ты и дочь свою делаешь несчастной. Бросаешь ее в объятия этого ничтожества только из-за того, чтобы получить загранпаспорт! А ведь она до сих пор считалась помолвленной с Асадом! Посмотрите, люди, какой это красавец (это, разумеется, об Асаде!), какая умница! Он очень хороший сын и был бы замечательным мужем. Но нет! Этому мерзавцу нужен паспорт! До остальных ему дела нет – гори все в аду! Пусть Аллах покарает тебя своей страшной карой!

– Закрой рот, а не то я убью тебя! – наконец сквозь зубы процедил Джамиль, приблизившись к Сулейману.

– Чем ты собираешься убить меня? Своими усами? – Сулейман ухватился за усики Джамиля и дернул.

– Не будь вы дядей моей невесты, я задал бы вам трепку! Убил бы?

Отец рвался к Сулейману, тетки с трудом удерживали его. Бабушка кричала, обращаясь к Аллаху, чтоб он успокоил всех. Сестра Лейла больше не смотрела со скучающим видом на часы. Наконец-то она развеселилась. И ей скандал доставлял удовольствие. Она тоже наслаждалась зрелищем. Бедняжка фрейлейн Анна держалась за голову обеими руками и причитала растерянно: «Боже мой! Боже мой!» Внезапно дядя Сулейман вырвался из рук Салима и Гюльнар, ухватился за скатерть и потянул ее. Все с громом и грохотом посыпалось на пол: и огромный кипящий самовар, и посуда, и угощение. Это был финал битвы. Сулейман с воинственным видом Чингисхана покинул поле боя, то есть вышел из комнаты. Вслед за ним разошлись и родственники. Эта была последняя встреча Сулеймана с моим отцом.

Через четыре дня после скандала я получила короткое письмо от Бирюкова. Андрей сообщал ему, что завтра будет в Баку и хочет встретиться со мной после полудня.

На следующий день у меня выпрыгивало сердце из груди, когда я нажимала на дверной звонок. Помощник Андрея сказал, что у него посетитель и просил подождать. Я

села на диван и стала разглядывать панораму в окне. Мне не раз прежде приходилось делать это – салон раньше был нашей учебной комнатой. Здесь нас учили немецкому языку, русской грамматике, арабскому правописанию, музыке. Все это когда-то было. Было, было...

Наконец вышел Андрей и направился ко мне. Я бросилась в его объятия, ища защиты от терзающих меня мыслей.

– Пойдем на наш диван. Там наш личный мирок, - с нежностью сказал он.

Вообще-то, диван был не очень удобным. Кожаные диваны российского производства были тогда в моде, узкие, жесткие, холодные. Но для нас с Андреем он был по-своему мил. Этот диван стал свидетелем нашей любви, нашей первой нежности и близости. Андрей усадил меня и взял за руку.

– Говорите, как Ваши дела? Вы побеседовали с отцом? Вижу по Вашему лицу, что нет. Не осмелились?

Я опустила голову.

– Может быть, Вы передумали? – Андрей отпустил мою руку. – Вы не хотите ехать со мной?

– Нет! Хочу! Очень хочу, - с таким жаром воскликнула я, что смутилась и покраснела.

– В таком случае, я ничего не понимаю. Ехать хотите, а объясниться с родителями опасаетесь. Послезавтра я уезжаю. Необходимо поставить родню в известность.

– Я боюсь...

– Могу встретиться с вашим отцом сам.

– Нет-нет! Не нужно. – У меня пересохло в горле от одной мысли об этой встрече.

– Что же делать? Вы хотите уехать, не предупредив их? Мне-то все равно. Но, по-моему, сбежать – это трусость. Вам так не кажется?

– Верно. Но я трушу.

– Пусть так! Придется уезжать тайно. Возможно, это выход. – Андрей, поняв мое состояние, попытался поддержать. Он говорил, что надо быть смелее, самостоятельнее.

Моя семья, мол, живет прошлым и зря не соглашается с новым временем, новым миром и новой жизнью. А мне необходимо жить по-своему. Мы должны быть вместе.

– Знаете, что такое жизнь? Это отношение к предметам, людям, событиям, служение великой цели, чувство долга, способность быть сильным и деятельным. Человек должен быть увлечен! Мы будем вместе делать общее дело!

– С Вами я стал склонен к лирике, - улыбнулся Андрей. – Вы юны и милы. Я хотел бы сделать из Вас отважного, полезного, необходимого обществу человека. Согласны?

– Согласна, да... - мне так хотелось верить в свою перемену, и я повторила тверже: – Согласна!

Андрей посмотрел на меня с нежностью. Прежде его лицо было холодным. Но сейчас ... Да, я дорога ему!

Андрей проводит меня к выходу.

– Завтра я пришлю Вам записку и сообщу о времени отъезда. Пока я и сам этого точно не знаю... вы придете сюда, и мы вместе поедem на вокзал.

У дверей он обнял меня и впервые произнес самые важные, самые замечательные, самые желанные слова:

– Я люблю Вас!...

Андрей прижал меня к груди.

– Верьте мне. Я буду ждать Вас послезавтра. – С этими словами он открыл дверь, и я вышла на улицу. Я стала более спокойной и уверенной. Оглянувшись, увидела Андрея. Он жмурился от солнца и улыбался.

Меня сместила забота Джамия. После разговора с Андреем он даже стал мне нравиться. У него ведь свои планы. Джамиль собирался ехать в Тифлис сразу после свадьбы, а оттуда – за границу. В Тифлисе мы должны были дожидаться получения пресловутых паспортов. Затем проводить отца через Батуми.

– Вам по душе такой план? – спрашивал Джамиль.

Мне было смешно. Сейчас мне все нравилось!

В комнату вошла Гюльнар и протянула мне письмо.

– Зейнаб-ханым передала для тебя.

Но я знала, что это от Андрея. – Прошла в другую комнату и дрожащими руками раскрыла конверт.

Андрей назначил мне встречу на утро следующего дня, в десять часов. Он будет ждать меня у себя дома. Я прочла послание и вернулась к Джамилю.

– Ваш отец будет счастлив вновь увидеть свою семью. Бедняга так настрадался. Он заслужил счастье. По старым верованиям, счастье имеет определенные пределы. Они не меняются. Просто переходят от одних к другим. Становясь несчастным, вы создаете почву для счастья других. И это успокаивает. Но когда вы сами обретаете счастье, кто-то теряет его. Возможно, очень близкий и дорогой Вам человек. Удивительное представление, не так ли? И совершенно справедливое.

Зачем он это сказал! Меня снова стали терзать сомнения. Если я уеду с Андреем, отец лишится последней надежды получить паспорт и встретиться со своими родными. Он жил надеждой на встречу с семьей! Нет, я не могу уехать!...

– Простите, я плохо себя чувствую, хочу побыть одна... – я не могла видеть этого человека. Джамиль снова стал мне омерзителен. Его резкий голос резал мне слух. Я не могла его слышать!

Улегшись на кровать, обессиленная и уничтоженная, я пожелала себе одного – смерти. Потом позвала Гюльнар и рассказала ей все. Она не могла поверить.

– Как ты могла скрыть это от меня? Ведь прежде ты все мне рассказывала!

Но у Гюльнар не хватило духу сильно ругать меня. Мои слезы растрогали ее.

– Прошу тебя, пойдешь завтра к Андрею и все ему объясни. И о паспорте, и Джамиле. Я не могу предать отца, семью. Ты объясни ему сама. Хорошо?... – просила я кузину, давась слезами. Гюльнар обещала выполнить мою просьбу. А я, проглотив четыре пилюли снотворного, уснула. Про-

снулась в 10 утра со страшной головной болью и горечью во рту. В доме стояла глубокая тишина. Гюльнар ушла к Андрею, а Салим – по своим делам. Я с трудом поднялась с постели. Шел дождь, в комнате было холодно. На душе скребли кошки. Вспомнила слова Джамиля: «Своим несчастьем ты, возможно, дала кому-то шанс на счастье». Сейчас они казались мне бессмысленными. Но почему же я не должна быть счастлива! Почему я, думая о других, должна обрекать себя на муки, терять любимого человека, возможность начать другую жизнь? Я потеряла его! Моего черного рыцаря! Он навсегда уедет из Баку, и мы никогда больше не увидимся. У меня не было сил даже плакать.

– А где Гюльнар? – войдя в комнату, спросил Салим.

– Не знаю. Я только что проснулась. Кажется, я заболела.

Салим после того неприятного разговора с женой несколько изменился. Он осунулся, стал угрюмым. Салим ходил по комнате. А мне так хотелось побыть одной!

– Я еще немного посплю. Разбуди, когда придет Гюльнар, – попросила я его, предполагая, что через полчаса она вернется. Салим вышел из комнаты.

Но Гюльнар не вернулась. Ни днем, ни вечером, ни наутро. Вообще исчезла! Салим вдруг обнаружил, что из дома пропали некоторые ее вещи, платья и чемодан. Меня осенила догадка. Как же сказать Салиму?

– Неужели она и тебе ничего не сказала?

Этого не может быть! Умоляю, заклинаю, скажи правду! – обезумел Салим. И я готова была поклясться! Бедняга Салим то плакал, то замолкал, горестно глядя в пол.

– Почему она так поступила? – недоумевал он. – Я же не вынесу этих страданий!

На него тяжело было смотреть, сердце обливалось кровью. Я даже подзабыла о своем горе. А ведь меня грызло подозрение, что Гюльнар заняла мое место и сбежала с Андреем. Он и ей очень нравился. Кроме того, последнее время

она часто повторяла, что живет с мужем из последних сил. Неужели Гюльнар уехала с Андреем? Нет, это подло, возмутительно! Да, Гюльнар способна ради своих прихотей переступить через чувства других. Даже через меня? Но понять такое – выше моих сил!

...Я сидела в маленькой комнате с крошечным окошком и ждала **своей «доли»**. В соседней комнате молла в присутствии свидетелей и жениха совершал обряд бракосочетания. Когда эти люди подпишут свидетельство, я стану женой ненавистного Джамилля. Строчки плыли перед глазами. Тягостное волнение отнимало последние силы. Собственно, зачем нужно это бестолковое чтение? Жизнь похлеще любого романа! Перед ее правдой их надуманные сюжеты – детский лепет! Нет, читать сейчас невозможно. В голове одна омерзительная мысль: «Я принадлежу Джамиллю!» Знать, что отныне ты будешь спать с ним в одной постели, соприкасаться с ним телом... Это ужасно! Я закрывала глаза и представляла, как его руки, покрытые рыжими волосами, будут обвивать мое тело, ненавистные губы станут лобзать меня, слышала его противный дребезжащий голос... До сих пор и получасовое присутствие Джамилля угнетало меня. Отныне придется терпеть его ежедневно, ежемесячно, ежеминутно. Всегда! Горе обуяло меня. Но слез не было. Горе смешалось с ненавистью к родным, к отцу, Джамиллю. Потому и не было слез...

Дверь открылась. Я спрятала книгу. Пришло время думать не о книгах, а о семье... Я встала. Мои тетки со слезами радости на глазах (что свадьба, что поминки – всегда плачут!) стали поздравлять меня:

– Слава Богу. Ты стала мужней женой. Пусть жизнь твоя наполнится счастьем!

– Счастливее не бывает! – огрызнулась я. Выставлять свое недовольство напоказ уже не имело смысла.

Мне только что исполнилось 15 лет. Джамиллю было тридцать пять.

Х

Вечером того же дня мы выехали в Тифлис. Отец должен был отправиться во Францию через Батуми. Нам предстояли его проводы. А пока он дожидался своего паспорта. В самый разгар революционных преобразований получить загранпаспорт – это было почти невозможно. Никто не верил, что дело выгорит.

Но тот комиссар, друг Джамиля, дал слово. А я стала разменной монетой в их сделке, жертвенным барашком...

На вокзале были все признаки военного времени: лишения, страдания, нищета, грязь... Маленький локомотив тянул непомерную для себя ношу – слишком длинный состав. Их размеры не соотносились. Поэтому локомотив быстро «уставал». Остановки были частыми. В поезде было полно чужеземцев. Считая Кавказ относительно мирным и сытым, сюда отовсюду тянулись гонимые войнами люди.

Отец тоже пришел на вокзал. Были тут тетя Рена с фрейлейн Анной. Они плакали вместо меня. Лейла делала какие-то поручения Джамилю. А он так и кружил вокруг меня, словно мотылек. Хотя... он, все-таки, больше похож на мерзкого червя. Ненавистный голос Джамиля заполнил все пространство вокруг меня и оседал на моем теле, как липкая влага.

У нас были билеты в восьмиместное купе. Но сюда уже набилось пятнадцать человек. Как оказалось, у всех были вполне настоящие билеты на эти же места. Начались споры.

Наше путешествие длилось два дня, вместо предусмотренных восьми часов. Мы прибыли в Тифлис и на фаэтоне добрались до дома друга Джамиля. Хозяева уже поджидали нас. Как и все кавказцы, это были гостеприимные люди и очень говорливые. Сколько они задавали вопросов! А мы, усталые с дороги, должны были уважительно отвечать на них. Наконец нас провели в заранее приготовленную

спальню, где стояла большая двуспальная кровать. Я села в кресло и заплакала. От усталости, тоски и безысходности. Предстояла ночь в объятиях постылого мужа... мысль о том, что меня ждет этой ночью, вызывала обильные мурашки по всему телу. А Джамиль обхаживал меня и недоуменно спрашивал:

– Что с тобой? Почему ты не раздеваешься? Будь умницей, сними платье.

Он уже обращался ко мне на «ты». Что я могла ему ответить? Произнеси я хоть слово, слезы вновь хлынули бы рекой. На его предложение раздеться я отрицательно покачала головой. Ни за что! Мысленно я толкала, била, убивала Джамиль! О какой близости могла идти речь?

– Ну хорошо. Что же мне делать? – спросил Джамиль. Он вышел из комнаты и принес стакан воды. Я оттолкнула его, выплеснув воду из стакана. Джамиль сел на край кровати. Я продолжала плакать, но слезы текли уже не так обильно. Но тут вдруг я услышала...храп. Оторвав руки от лица, увидела, что Джамиль уснул. С меня будто сняли тяжелую поклажу. Я тихонечко разделась, погасила свет и улеглась в постель. Уснула мгновенно. Глубокой ночью проснулась оттого, что почувствовала на себе его руки. Я отмахнулась и в темноте угодила кулаком в лицо Джамиллю. Он вскрикнул, а я спрыгнула с кровати.

– Если Вы прикоснетесь ко мне еще раз, я оденусь и проведу ночь в кресле.

– Но ведь я твой муж! – произнес Джамиль обиженным голосом.

– Ну и черт с Вами! Ненавижу Вас!

– За что? Что плохого я тебе сделал?

Я не ответила. Через несколько минут, успокоившись, он сказал:

– Ладно, ложись спать. Я тебя не трону.

Я легла на самом краю кровати, оставив между нами широкое пространство. Но Джамиль не делал попыток овладеть мною.

...Мы пробыли в Тифлисе три месяца, хотя рассчитывали на три дня. Друг – комиссар прилагал все усилия ускорить получение паспорта, но не получалось. Мне начинало казаться, что жертва была напрасной. Но Тифлис мне нравился. Здесь я чувствовала себя лучше, чем в Баку. Жизнь в городе была ключом, всюду ощущалось веселье. Те, у кого еще оставались деньги, тратили их в ресторанах, театрах, на скачках. Джамиль продал бриллиантовое кольцо, и недостаток в деньгах у нас не было. Мы посещали театры, выходили на прогулки с друзьями Джамиля. Словом, не скучали, интересно проводили время. Я по-прежнему думала об Андрее, все еще любила его. И презирала Джамиля. В течение двух месяцев, ложась в постель, я брала в руки книгу и изображала на лице гнев. А Джамиль плакал, ласкал мне спину и уговаривал смягчиться. Если он был слегка пьян и делал более смелые поступки, то мне приходилось грубо отталкивать его. На этом его «поползновения» и завершались. Мне вовсе не было жаль своего мужа. Наоборот, доставляло удовольствие мучить его. В моих глазах он был глупым уродом. Хотя, на самом деле, я искажала действительность. Другие считали его достаточно привлекательным и умным. Был, правда, у Джамиля и настоящий недостаток – скупость. Он был щедр, только проигрывая в карты. А уж какой это был хвастун! Хвалился всем и каждому: и умен он, и образован, и благороден, и утончен! Джамиль радовался, что женат на наследнице самого богатого человека. Его не волновало то, что имущество «наследницы» осталось лишь в воспоминаниях. Но и эти воспоминания были ему сладостны. Джамиль считал большевизм случайностью, а наше банкротство временным и исправимым. Он с такой гордостью говорил о нашем канувшем в Лету богатстве! Джамиль очень огорчался, когда собеседник не проявлял интереса к

разговору о наших несметных богатствах, о бесчисленных капиталах и прочем имуществе. Но если кто-то слушал его с завистью и уважением, Джамиль был просто счастлив. Тогда и я «обладательница наследного права», соответственно, еще больше росла в его глазах. Может быть, поэтому он был снисходителен к моим капризам. Он уважал во мне не личность, а представителя знатного и богатого рода. Будь я полнейшей кретинкой, он все равно уважал бы меня как «дочь миллионера». Конечно, это было мне на руку. Но я все равно презирала его, и презрение росло. То, что в других людях могло нравиться мне, в Джамиле вызывало отвращение. Меня раздражала его манера есть, говорить, одеваться – все, все, все! Порой я наслаждалась этой ненавистью: специально разглядывала его, чтоб найти еще что-нибудь отталкивающее. К счастью, он не мог читать моих мыслей, а молчание принимал за скромность. А может быть, просто притворялся?

Я начинала любить Тифлис. Мне все больше нравился этот город. Мы снимали небольшую квартирку в центре. Но обедать ходили в ресторан: я не умела готовить даже яичницу. Оно и хорошо! Это избавляло меня от обязанности заботиться о Джамиле.

У меня был свой, воображаемый мир. Я жила в ином, фантастическом измерении, где рядом был Андрей. Не знаю, Гюльнар ли сейчас с ним или кто-то другой, но это не мешало мне рисовать в воображении волшебные картины нашей любви. Думая об Андрее, мне легче было переносить присутствие Джамиля.

В нашем окружении появлялись новые люди. Их становилось все больше. Это были, главным образом, любители покера. А Джамиль считался одним из самых известных игроков на Кавказе. Картежники так и тянулись к нему! Вскоре наша квартира превратилась в некий клуб игроков в покер. Они играли с вечера до рассвета, в промежутках между играми ходили в рестораны, ели, пили, набирались сил и

вновь садились за зеленое сукно игрального стола. Эти люди играли с таким азартом, что даже конец мира не взволновал бы их. Огромные кучи денег переходили из рук в руки, выигрывались и проигрывались. В начале кавказской революции у игроков еще оставалось немало золота и бриллиантов.

Иногда и я присоединялась к ним. Мне не впервой была карточная игра. У нас в доме все играли в покер, и я знала карты с младых ногтей, а сейчас у меня был такой мастер – наставник, как Джамиль. Тут уж, как говорится, сам Бог велел! И очень скоро я превратилась в игрока, подающего большие надежды. Теперь и я частенько заигрывалась за зеленым столом до раннего утра в компании профессионалов, курила, переживала волнение истинного игрока. Насколько такой образ жизни был нормальным для 15-летней девушки, мне трудно было разобраться.

Одна из жен игроков стала моей подругой. Она предлагала мне чаще выходить на прогулки, а не проводить все время за картами.

– Так Вы очень скоро состаритесь, - увещевала она. – Нельзя так много времени отдавать картам.

Я согласилась с ней, и мы, оставив Джамиля и его дружков дома, выходили на прогулку. Эта женщина была милой и легкомысленной. Она была настоящей охотницей за мужчинами. Надо сказать, удачливой охотницей. Обворожить мужчину не представляло для нее труда: она была ласковой, как кошка, с очень изящными манерами. Мужчины сами тянулись к ней. Выбрав меня своей подругой, невысокая, ладная, миловидная женщина часто говорила:

– Мы совсем непохожи, поэтому не будем мешать друг другу. Наоборот, можем привлечь еще больше мужчин. Ведь у них есть выбор!

Мне не очень-то хотелось отлавливать любовников, но и спорить с ней не стоило. Предпочитала молчать. Но Саломе, как звали эту женщину, сумела обворожить и меня – я рассказала ей об Андрее.

– Как?! Разве можно любить большевика! – возмутилась она. Но, выслушав мою повесть до конца, согласилась. – Действительно, надо привыкать и к такой мысли. Если честно, и в нашем доме живет один комиссар, очень достойный и красивый мужчина. Но, к сожалению, он на меня вовсе не обращает внимания (она глубоко вздохнула). ... И все же я боюсь этих большевиков.

– По правде сказать, ни в Баку, ни в Тифлисе обстановка не такая уж ужасная.

– Просто им пока не до нас... Подождите немного и сами убедитесь. Кошмары еще впереди.

Но пока все было хорошо. Люди в Тифлисе были хорошо одеты, не голодали. Дома многих богачей были конфискованы, и они жили на съемных квартирах, достаточно уютных. Среди наших гостей не ощущалось тревоги в связи с революционной ситуацией. Они были веселы, нарядны, их жены носили дорогие украшения. Положение в России не бросило пока сюда своей кошмарной тени и трудно было представить, что может произойти позже. А пока жизнь в городах Кавказа больше походила на европейскую.

Проницательной Саломе нетрудно было заметить мое отношение к Джамилю. Очень скоро она начала задавать множество вопросов о нас с ним.

– Как так? Вы не спите вместе?! – вытаращила глаза Саломе, узнав о нашем «супружестве» столь деликатные подробности. – Что же он делает? А как вы себя ведете?

– Я поворачиваюсь к нему спиной и читаю книги.

– А он?..

– Ничего.

– Что значит «ничего»? Он не делает попыток приблизиться к Вам?

– Делает.

– Но ответьте, ради Бога! Он ничего от Вас не требует? Не пытается овладеть Вами? Ничего не говорит?

– Говорит. Жалуется все время. Ноет и раздражает меня. Если бы Вы знали, как порой мне хочется убить его! Сдавить, как вошь, уничтожить! Каждую ночь он допекает меня уговорами, пытается смягчить, пробует ласкать. Мне это противно! Саломе, я испытываю к нему физическое ужасное чувство!

– Послушайте, милый ребенок, а может быть, Вы не заметили, когда он овладел Вами?..

– Нет-нет! Я знаю, что говорю.

– Интересно, очень интересно. А позвольте спросить, какие книги Вы читает по ночам? Какие-то особенные?

– Разные. Сейчас, например, перечитываю Достоевского.

– Понимаю. Вам следует завести любовника, прежде чем сблизится с ненавистным мужем. Не то Вы никогда не вкусите сладости любовных утех.

Саломе настаивала на своем выводе. Ее не волновало мое упорство и нежелание иметь друга. Мои доводы казались ей глупым ребячеством.

– Я старше Вас на десять лет и лучше знаю, что Вам нужно!

Лето было в самом разгаре и одаривало теплом, небесной голубизной, пением птиц, фруктово-ягодным изобилием. Лето я люблю больше всего – это для меня пора обновления. Один наш знакомый, состоятельный человек, устроил чайную в личном саду, под открытым небом. Мы часто приходили сюда, почти ежедневно. В жаркие летние дни трудно представить место лучше этого. Здесь росли старые тенистые каштаны, чудесные розовые кусты, зеленые лужайки радовали шелковистой травой. Прохлада, пение птиц, шоколадное мороженое, которое я могла есть без счета – просто сказка! И мы повторяли эту сказку почти каждый день, спеша в свой маленький райский уголок.

Однажды я все-таки позволила Джамилю овладеть моим телом... Не знаю, что меня подвигло на это – естественное

женское желание или желание стать свободнее. В ту ночь я не читала. Как обычно, я просто молча лежала и ждала: он обязательно начал бы уговоры и просьбы. А когда Джамиль попытался обнять меня, я не стала сопротивляться...

XI

В конце октября мы получили телеграмму от отца. Он сообщал, что в ближайшие дни отправится в путь. Мы сели в поезд и поехали встречать его в Батуми.

Отец показался мне помолодевшим и веселым. Его взгляд, походка, жесты стали гораздо увереннее. Он жил на квартире у своего друга. В те времена снять квартиру в Батуми было сложно. А мы арендовали какую-то развалюху на берегу моря. Эту лачугу с прогнившими рамами трудно назвать жильем. В комнате гулял ветер, дуло во все щели, крыша была худая. В случае дождя укрыться не представлялось возможным. Прелести дырявой крыши мы ощутили позже, а пока в Батуми стояла ясная солнечная погода. Дождаясь судна, на котором уплывет отец, мы прогуливались по набережной, любовались Черным морем. Почему – Черное? Его воды гораздо лазурнее каспийских, а берег украшен тропическими пальмами с веерообразными ветвями. Кругом в песке возились дети. Жизнь казалась обычной и мирной. На самом же деле призрак революции тревожил людей и гнал их из страны. Меня это очень огорчало.

Отец и Джамиль без конца говорили. Джамиль был очень уважительным и почтительным зятем. Он боготворил моего отца. Отец тоже был доволен им.

– Я не смог получить паспорт для всех. После моего отъезда постарайся сделать это и для себя, – советовал отец Джамилю.

Джамиль же обещал ему сделать все возможное, чтобы выехать в Европу. Эта мысль меня радовала, хотя и был страх перед неизвестностью. Как сложится жизнь там, в далекой, чужой стране?...

Волны бились о береговые укрепления и забрызгивали нас черноморской водой. А судно, раскачиваясь, уносило отца от берега. От того берега, где осталась я... Прежде я думала, что оборвать цепь, приковывающую меня к этому берегу, будет невозможно.

– Все было бы иначе, если бы и я тогда уехала с сестрами в Европу, – думала я с тоской. – Не познала бы несчастной любви к Андрею. Не стала бы женой ненавистного Джамилия.

А отец удалялся все дальше и дальше. Вскоре его лицо, мокрое от накрапывающего дождя и озаренное счастливой улыбкой, исчезло вдали. Судно становилось меньше, меньше, меньше... Превратилось в серую точку на горизонте и пропало... Мне захотелось вернуться домой. Очень знобило, нужно было согреться, залезть в постель, зарыться под одеяло и забыть эту шемящую тоску. Ветер усиливался, трепля ветки пальм. Но и дома он гулял по комнате, проникая через щели. Через дырявую крышу дождь наполнял тазы и плоски, выстроенные на полу.

Я без сил улеглась в кровать. Кажется, у меня поднялась температура. Она росла вместе с моей грустью.

Мне было так плохо!... Джамиль вызвал врача, и тот сказал, что мне необходим постельный режим. Болеть мне понравилось, а выздоравливать вовсе не хотелось. Разве не замечательно быть безразличным ко всем, ненавидящим все больным человеком?

В комнатушке становилось все холоднее. Начались осенние дожди. Я прислушивалась к каплям, стекающим с

потолка в посуду, что стояла на полу. Ветер кружил хоровод вокруг моей кровати. Пейзаж за окном был серым и унылым: серое небо, серое море, серая улица. Дождь смыл все краски. Казалось, он никогда не кончится. Мои мысли были такими же серыми, как все вокруг. Я с тоской думала об отце, который увидит Стамбул, Париж... Представляла его встречу с сестрами. Интересно, они когда-нибудь вспоминают обо мне? Как сложилась бы моя жизнь, будь я там, рядом с ними? А если бы там рядом со мной был Андрей?.. От этих дум становилось еще горше. Когда поднималась высокая температура и я уходила в полузабытье, мне снилась чудесная сказка: мы живем с Андреем в хрустальном замке, нам прислуживают невидимые джинны, поэтому кажется, что мы совершенно одни. В нашем волшебном мире было только два существа – я и он. И эти два существа были бесконечно счастливы среди зелени садов и благоухающих цветников. Никто не мешал нам любить друг друга. Это мое воображение преобразилось в сон... И не хотелось просыпаться.

Врач сказал, что меня надо переправить в Баку и пообещал устроить меня в санитарном вагоне, который скоро пойдет туда. Через пару дней я сидела в сером вагоне с огромным красным крестом и дрожала, укутавшись в одеяло. Напротив сидела санитарка, а за перегородкой кто-то стонал. Санитарка сказала, что это тифозный больной. Я знала о множестве вшей, которые стали знаком нашего революционного времени и укусы которых может быть заразным. Заболеть тифом ничего не стоило. Но мне не было страшно. Наоборот, стоило заболеть и умереть, сразу закончились бы все муки и кошмары, думала я.

Через два дня поезд прибыл в Баку и меня отправили к свекрови. Скоро я стала идти на поправку. Молодой организм умеет противостоять болезни. А еще оставалась надежда на перемены к лучшему.

Каждый день меня навещала фрейлейн Анна. Она по-прежнему жила у Лейлы, ухаживала за ее сынишкой. Но у нее уже была мысль уехать к сестре, в Англию. Та давно звала Анну к себе. Моей милой нянечке не представляло особого труда получить заграничный паспорт – ведь она считалась иностранкой. Не то что нам, гражданам России. Что дали фрейлейн Анне годы долгой и верной службы нашему семейству? Ничего! Мы и сами стали банкротами. Чем же могли помочь ей? Да и вообще, мы вели себя не очень хорошо по отношению к ней и прежде. Не умели оценить ее по достоинству, любить и уважать, как она того заслуживала.

Я разглядывала седые пряди склонившейся надо мной фрейлейн Анны. У нее очень ослабло зрение и свободное время она посвящала вязанию. Мне становилось теплее от ее ласковых голубых глаз. Я не всегда подавала виду, отвечала на вопросы сухо и коротко, не говорила ей нежных слов благодарности. А фрейлейн Анна не держала обиды, она говорила и говорила, – обо всем, и более всего, о предстоящем путешествии. Будь ее воля, она бы не уезжала. Но видя наши трудности, не хотела быть нам обузой. Однако, стоило заговорить о разлуке, как фрейлейн Анна начинала горько плакать. Я поражалась ее любви к нам, такой беззаветной и бескорыстной. Разве можно любить просто так, ни за что? Мы не стоили ее любви, а она все равно нас любила. До сих пор мне трудно понять, за что эта женщина одаривала нас своей истинно материнской любовью.

Спустя некоторое время фрейлейн Анна покинула нас. Сперва ей предстояло поехать в свой родной город Ригу. Дорога лежала через Россию, объятую революцией и потрясениями. Эта дорога была длинной и тяжелой. Но когда, наконец, фрейлейн Анна встретилась со своей сестрой, она обрела так необходимые ей внимание и покой.

Дом родителей Джамиля тоже был конфискован, и теперь все жили вместе. Три молодых человека, братья Джамиля, тоже жили с нами. Это были очень вспыльчивые, раз-

говорчивые и прожорливые юноши. Они часто ссорились, чем огорчали свою мать, которая в равной степени заступалась за каждого. После смерти отца Джамиль считался в семье старшим, но и ему осточертели ссоры братьев. Мать с утра до вечера готовила еду ненасытным сынкам и проливали слезы из-за их бесконечных стычек. Она почему-то надеялась, что мне удастся примирить ее драчливых сыновей.

– Доченька, ты свет моей старости, бальзам моих ран, - говорила она языком сказок «Тысячи и одной ночи». – Постарайся примирить братьев. Они ссорятся по сущим пустякам! Я порой думаю, что Бог наказал меня за глупость, одарив сыновьями-дурнями. Храни тебя Бог, дочка! И тебя, и твоих будущих детей.

Она исподтишка поглядывала на мой тощий живот в надежде, что скоро усилиями ее сына он округлится. Но ее надежды не сбывались, и свекровь очень огорчалась. У мусульман бездетные семьи были не в чести. Свекровь весь день вздыхала и призывала Аллаха, даже когда готовила обед.

Мне вовсе не хотелось толстеть и превращаться в жирную гусыню. Но свекровь, заставляя меня съесть полкурицы, две тарелки супа, рис и сладости, ворчала:

– Ты совсем ничего не поела! Весь Баку будет корить меня, что плохо кормлю сноху. Смотри, какая тощая!

Дни шли своим чередом. Наш друг комиссар обещал рано или поздно достать нам загранпаспорта. Но мне уже не верилось, я стала совсем пессимисткой.

Я занималась тем, что играла на пианино, читала английские и французские книги, изучала персидский язык.

Иногда выходила гулять или играла в покер. Я играла со своими тетками, обыгрывала их и огорчала этим. Но любимым моим прибежищем по-прежнему оставался мир грез. Только здесь мне было уютно и привычно.

Однажды дверь распахнулась и вошла... Гюльнар! Я вскрикнула от удивления. А Гюльнар подбежала и обняла

меня. Я любила ее, но между нами пролегла обида. Она предала меня, поэтому я не могла ответить на ее поцелуи.

– Не будь дурой! – как всегда, уверенная в своей правоте, начала Гюльнар. – Андрея ты отвергла. Вот я и сблизилась с ним. Зря сердисься. Я у тебя ничего не отнимала. Но если хочешь знать, он все равно любил тебя, а не меня. Пойми, переспать – это одно, а любить – совсем другое. Ты-то как? Нравится тебе быть женщиной?

Гюльнар пыталась остудить мою сердечную рану. Но я не была готова к примирению.

– Ты меня предала!

– Ох, какая ты! О каком предательстве идет речь? Сама не захотела уехать с ним! Вот я и поехала. Зря ревнуешь.

– А кто простит тебе позор родителей, слезы Салима? Никто! Нет, твоему поступку оправдания найти нельзя.

– Какие вы все отсталые! Пустоголовые, пропащие буржуи. Бестолочи! – Гюльнар села на кровать. Потом леглась на подушках и заговорила, сладостно растягивая слова. – Если бы ты знала, как хорошо жить без всяких обычаев, запретов, правил! Твоя жизнь может меняться с каждой встречей!

Я поняла, что у нее произошло новое любовное приключение. Гюльнар не могла жить без приключений! Смысл ее жизни составляли всевозможные любовные похождения и интриги.

– Мы недолго прожили с Андреем, – продолжала Гюльнар. – Сначала поехали в Киев. Через месяц его послали в Москву на какой-то съезд. Терпеть не могу политику! Мне необходимо было поразвлечься, а это Андрею не понравилось. По-моему, я и сама ему не нравилась. Он думал о тебе. Не позволял мне говорить о тебе, перебивал, менял тему разговора, иногда сердился. Эх! Я относилась бы к нему иначе, если б он меня так же любил! Но наши отношения не протянули и месяца. К нам пришел как-то один из его друзей и...

– Ты совсем спятила, – возмутилась я ее легкомыслием. – Как ты себя ведешь!

– Разве плохо? Почему я не должна спать с мужчинами, если они мне нравятся! Глупо! А ты самая глупая из всех людей! Ах, да, вспомнила: как этот бедняга Салим? Он успокоился? Как он перенес мой побег?

– Так ты еще не виделась с ним?! Когда же ты вернулась? Где твои вещи?

– Час назад. Вещи дома оставила. Салима не было. Хотелось тебя повидать прежде, чем родителей.

– Спасибо.

– Пойдешь со мной к нашим? Что-то мне одной не по себе, вдвоем проще..

– Какая ты беспечная! – рассердилась я на кузину. – Сначала отняла Андрея...

– Никто его у тебя не отнимал. Ты сама его упустила. А я – раз! – и сцапала, чтоб не пропал. Тебе не все равно?

– Ты отняла у меня Андрея...

– Не отнимала...

– Отняла...

– Нет.

– Да!

– Ладно! Допустим. И что дальше?

– Ничего...

– Вот и хорошо. Хоть и я «отняла» Андрея у тебя, но ты все равно пойдешь со мной к родителям. Я прошу тебя! Ведь мы были сестрами!

Я молча сидела на краю кровати.

– Действительно, – думала я, – если Андрей не любил ее, значит, она его и не отнимала. Узнав Гюльнар поближе, он, возможно, еще больше полюбил меня...

– Ну что, идем? – снова спросила Гюльнар.

– И не знаю...

– Моя милая кузина! – Гюльнар заключила меня в свои объятия. – Не покидай меня! Не мучай!

Удивительно, но в глазах Гюльнар блеснули слезы, а голос был печален. Это так на нее не похоже!

– Я никого в этом мире не люблю, кроме тебя и матери. Прости, если я виновата! Давай останемся друзьями. Как прежде...!

– А где же Андрей?.. – мой вопрос успокоил Гюльнар. Она поняла, что прощена.

– Он уже два месяца в Анкаре. То есть должен быть там. Друзья говорили, что у него хорошее будущее, в смысле карьерного роста. Ему прочили стезю дипломата, – Гюльнар помолчала и продолжила. – Он красив, но не ласков и холоден.

– Неправда! Он очень хороший, очень ласковый! – закричала я и расплакалась. Гюльнар обняла меня, погладила и спросила:

– Неужели он был ласков?

– Андрей был со мной нежен...

– Возможно. Не спорю. А со мной – нет.

Однажды он чистил свой револьвер и вдруг направил его на меня. Я спросила: «Ты можешь убить меня?» Он ответил: «Конечно! Если так будет нужно, и рука не дрогнет!» Он так серьезно сказал это, что мне стало холодно. После этого разговора нетрудно было с ним расстаться. Что было, то прошло... Пойдешь со мной?

– Ладно, пошли, – утерла я слезы. И вправду, не стоило ревновать. – А что ты скажешь дома?

– Пока не знаю. Может быть, сказать, что меня похитили?

– Но ты же забрала из дома вещи...

– Да, уж... надо подумать. А и нечего думать! Мой муж мне осточертел и все!

Когда мы подошли к двери дома, Гюльнар замялась. Она подтолкнула меня, и я вошла первой.

– Смотрите, кого я привела! – притворно храбрилась я.
– Все воскликнули от удивления. Моя тетя побледнела и задрожала. Она бросилась к дочери и стала целовать ее.

– Чем целовать эту бесстыдницу, лучше спроси, где и с кем она была? Да – с кем! – угрюмо, злобно прорычал Сулейман.

– Ни с кем, отец. Салим допек меня своей ревностью. Вот я и ушла. Захотелось переменить обстановку.

– Ха, ха, ха! – заорал Сулейман. – Салим ее мучил! Да он блоху не обидел за всю жизнь. Шлюха!

– Шлюхой тоже быть непросто! – нагло отпарировала Гюльнар. – Надо было это видеть!

– Прекрати, бесстыжая! – снова заорал Сулейман. – Чем ты занималась? Где шлялась?

– Ну, ладно. Помните Марию Николаевну, учительницу? Так вот, с ней я и уехала. Она увезла меня с собой в Москву. Там я работала в детском саду.

Я всегда знала об изворотливости и лживости Гюльнар. Но сейчас была восхищена ее находчивостью. Она так хитро и умело плела ложь, что даже ушлый дядя Сулейман поверил ей! Но уж братья-близнецы, пройдохи и лгуны, сомневались. Этих прохиндеев не так-то просто было провести! Они стали хихикать. Сулейман несколько растерялся. Он не знал, кому верить.

– Но почему нас не предупредила? Почему не писала?

– Я писала, отец. И сама удивлялась, почему вы мне не отвечаете. Ты же знаешь, как сейчас работает почта. Наверное, мои письма где-то затерялись.

– Да что ты! – съязвил Асад.

– Ну и дела! – подхватил Али.

– Заткнитесь оба! – огрызнулась на них Гюльнар. – Уж кому за вами поспеть в срамных делишках! Рассказать, что вы делали с маленьким Асланом, другими мальчиками и девочками? Воры, вруны, жулики!

Вот теперь я узнавала это семейство! Все старались перекричать друг друга: отец, сыновья – все орали. Вдруг распахнулась дверь и в комнату ввалился бледный Салим.

– Я увидел чемоданы... понял... Гюльнар... вернулась, – бедняга не мог говорить от волнения. Он с жаром обнял Гюльнар и стал осыпать ее поцелуями. – Я знал, что ты вернешься! Я ждал тебя! Все время ждал!

Салим плакал от счастья. Все, даже Асад и Али, смотрели на эту сцену с изумлением.

Салим и Гюльнар снова зажили вместе. Но Салим стал более грустным. Гюльнар многократно пересказывала удачно придуманную ложь о Марии Николаевне, о детском садике, ласковых ребятишках, которые в ней души не чаяли. Она говорила с таким упоением, так искренне, что я немела от удивления. Она даже передразнивала детское лopotание, когда рассказывала о своих «воспитанниках».

– Тебе надо писать романы, – сказала я ей однажды, восхищаясь ее способностью к сочинительству.

– Может быть. Но не сейчас. Позже, когда у меня пропадет интерес к мужчинам.

Писать произведения не лучше, чем быть их героями!.. – она смачно прищелкнула языком.

Уже через месяц Гюльнар заскучала и снова собралась в дорогу. Пока еще не знала, с кем и куда. Порой я завидовала ее решительности. В отличие от Гюльнар, я была склонна к сомнениям и труслива. Наверное, и счастье свое упустила по этой причине. В то время мне и на ум не пришло бы, что смогу впоследствии так измениться и осуждать свою прежнюю слабость и уступчивость. Время может разрушать одно и строить другое, иногда из материала разрушенного.

XII

Весна в этом году была какая-то особенно чудесная. Она будто несла на своих крыльях недостижимую мечту.

Природа меняла наряд, и весной он одинаково прекрасен – будь то на Кавказе или во Франции. Она ликовала, празднуя свою победу над унылой зимой, и ей вторили треск лопающихся почек, оглушающее чириканье воробьев, теплый ветерок, доносивший отдаленные раскаты весенней грозы. Только я была в стороне от этого праздника, он еще больше усугублял мои страдания. Где, в каких небесах укрыто мое счастье? Ожидание превратилось в образ жизни. Мы должны были получить загранпаспорта. Обещания нашего друга комиссара стали несколько увереннее. Один из чемоданов давно уже стоял наготове, на самом виду. Он стал для меня символом свободы и счастья. Когда мне было совсем худо, я смотрела на него и обретала надежду. Гюльнар разглядывала его с завистью.

– Счастливая! Вот уедешь во Францию, будешь спать с французами... Говорят, они очень умелые любовники. Хочу иметь кучу любовников! Не смогу спокойно смотреть на привлекательных мужчин. А с тобой так бывает?

Я отрицательно замотала головой.

– Ты все еще ненавидишь Джамиля? Сбеги ты с Андреем, я бы тебя еще поняла. Но зачем хранить верность своему мужу?

В вопросе отвращения к Джамилю я была с ней согласна.

– Нельзя сказать, что будет дальше, – продолжала Гюльнар. – Возможно, в будущем ты станешь давать мне кое-какие уроки.

– Боюсь не оправдать твоих надежд.

Так и текли дни. Я играла на пианино, Гюльнар искала любовников, птички пели и чирикали. Но однажды взволнованный Джамиль принес известие: он своими глазами видел загранпаспорт, этот знак новой жизни. Мечта становилась явью. Оставались незначительные детали, несколько формальных пометок. Я от волнения рухнула на стул и заревела.

– Что ты реवेशь, дура? – останавливал меня внутренний голос. – Радоваться надо, а не плакать!

Из кухни вышла свекровь и, узнав причину моих слез, тоже заплакала. В одной руке она держала шампуры для мяса, а другой утирала слезы на впалых щеках.

– О, Аллах! Значит вы оба уедете! А ты так и не подарила мне внука! Кому будет нужна моя старость? Этим трем дебоширам? – указала она на сыновей.

Служанка свекрови тоже присоединилась к нам и пустилась в рев. Так мы и плакали в три голоса, а Джамиль ходил из угла в угол и сам едва сдерживал слезы.

Мы с Джамилем перебирали имена людей, с которыми предстояло попрощаться. Список был бесконечным: его родственники, мои родственники, друзья, знакомые, соседи. Со всеми нужно было повидаться, повздыхать, поплакать. А сколько времени уйдет на выслушивание ненужных советов! И я решила сократить список: убирала из него целые семьи. В итоге осталось несколько самых необходимых людей. Но у меня было и желание: очень хотелось увидеть напоследок наш деревенский дом, попрощаться с теми, кто был невидим другим и бесконечно дорог мне. Ведь я никогда уже не вернусь на Кавказ!

На последней станции железной дороги я пересела в фэзтон. Здесь были и другие пассажиры. Извозчик был незнакомый, поэтому не приветствовал меня как прежний. Лошади тоже были без прежних кисточек и бубенчиков, которые так нравились мне в детстве: мне хотелось сорвать их и прикрепить к своей шляпке. Старая дорога через степь была частично отремонтирована новой властью. Выровняв колдобины, революционные чиновники хотели показать свою заботу о трудящихся в пику их бывшим хозяевам-собственникам.

Фэзтон, как и раньше, остановился перед входом, не въезжая во двор. Я сошла на землю и осталась одна. В это время года в деревенском домике бывало мало народу, всего

несколько садовников. Кругом было очень тихо. Позвонив в дверной звонок, я нарушила эту тишину. Ждать пришлось долго. Наконец, железные ворота распахнулись, и я увидела растерянное лицо нашего садовника Фирдовси.

– Здравствуйте, госпожа! Храни Вас Аллах! – радостно заговорил он. – Как я рад Вас видеть! А то здесь уже и нет человеческих лиц, кроме этих иностранцев-свиной. Просто замечательно, что Вы приехали.

Я рассказала ему о предстоящей поездке к отцу, во Францию.

– Да, жаль Вашего батюшку, – посочувствовал садовник. – Он был добр к нам. Храни его Аллах! Вот так все, один за другим, и уезжаете? А что дальше?...

– Ты позволишь мне погостить здесь денек?

– Что за вопрос! Это честь для меня!

И Хадиджа, и Софья, и Севяр будут рады Вас видеть, – перечислил Фирдовси имена своих жен. Старшей из них было тридцать, младшей – пятнадцать лет. Все трое закричали от радости, увидев меня рядом со своим мужем. Они бросились навстречу и принялись целовать меня. Шестеро их детей, три кошки и облезлый пес тоже вертелись вокруг нас. Как они обрадовались, узнав, что я заночую здесь! И тут же искренне огорчились, когда услышали о моем предстоящем отъезде из Баку. На их лицах было неподдельное сожаление. Женщины принялись хлопотать у печки, готовя для меня ужин, а я вышла в сад насладиться красотой деревенского вечера. У садовника был большой дом. Здесь жила не только его многочисленная семья, но и два других садовника. Дом стоял недалеко от входа, отсюда не виден был наш, укрытый зеленью. Я попросила Фирдовси не провожать меня и направилась сквозь виноградные стойки в сторону нашего дома. Старые лозы, окружив меня, приветствовали тихим шелестом. Здесь я чувствовала себя по-настоящему среди родных! Сотни розовых кустов начинали цветение, мягкий песок слегка похрустывал под ногами. Мне показалось, что

ничего здесь не изменилось, но вскоре я поняла, что ошиблась. Изменилось все! Как, собственно, и я сама. Раньше и я ничем не отличалась от окружающих меня деревьев, песчинок, была такой же частью деревенской природы. Все и сейчас стояло на своих местах, но было каким-то... безжизненным. Может быть, мои прежние друзья обиделись, что я покидаю их? И поэтому старые деревья стояли надменно, отступив от меня, как будто отвернулись?

Я села на краю огромного бассейна, наполненного чистой голубоватой водой.

– Мы видимся с тобой в последний раз, – думала я, опустив руку в прохладную воду. В ней и сейчас, как прежде, отражались зеленые ветви деревьев, синее небо с клочьями белых облаков. А как, интересно, поживают чудища, живущие в глубине бассейна? Они знают, что я уезжаю?.. Вспомнилось, как мы бегали с Асадом и Али вокруг этого бассейна, шумели и безобразничали. Как фрейлейн Анна бранила меня за мокрое платье, а тетя Рена звала на помощь – она никак не могла застегнуть свой корсет. Все это было. И никогда больше не повторится.

Посидев у бассейна, я направилась к дому. Фирдовси дал мне ключ. Сначала я прошла в бабушкину кухню. Закрыла глаза, воскресив картину прежней бурной жизни. Здесь, на этой кухне, всегда было шумно: сидя на полу и вытирая обильно стекающий с лица пот, бабушка грозилась каталкой внукам, крича и бранясь. Иногда кто-то удостоивался ее похвалы, иногда оскорблений. Сейчас тут было тихо, холодно и тоскливо. Мне стало не по себе. Будто я очутилась в склепе. Прошла в комнату и села за пианино. Хотелось наиграть что-нибудь веселое, но звуки были фальшивыми и траурными. Я встала, закрыла крышку и направилась в другие комнаты. Везде была атмосфера траура: угрюмая, тоскливая тишина. Прошла на балкон и села в плетеное кресло. Солнце спешило к горизонту, в предзакатном небе

лениво хлопали крыльями какие-то птицы. Последние лучи окрасили в золотисто-красный цвет желтоватые стены дома.

– И ты покидаешь меня? – обреченно и обиженно спрашивал меня дом моего детства.

Я поспешила туда, где когда-то встретила с Андреем, в глубь сада, в густой виноградник. Вот она, моя скала! Легла, как и раньше, ощутив ее прохладу. Тут, на этом камне, я впервые встретила с Андреем, когда он пришел с Григорием. А мы с Гюльнар ждали их...

– Ты сама упустила свое счастье, не кори судьбу, – шептал мне прохладный валун. И я соглашалась с ним. Никогда больше не буду гладить его замшелые трещинки, не увижу голубой морской глади вдалеке – все что было мне так дорого здесь, уходило, уплывало, таяло, исчезало... Только теперь я поняла, что жизнь состоит не из приобретений, а из потерь: мы каждую минуту что-то теряем – и так до самой смерти. Прощаясь с морем, садом и домом, я получила от них этот напутственный урок.

Паспорт лежал на столе, и все, кто приходил в дом, разглядывали его с уважительностью и завистью. Это был талисман от невзгод, знак грядущей свободы. Паспорт – кусок свежей бумаги в картонном переплете – напоминал волшебный предмет. Гюльнар то и дело досаждала мне своим шипением.

– Дуракам всегда везет! Могла ведь уйти с Андреем – не ушла! Не воспользовалась даром судьбы. Ей бы следовало тебя наказать! А она, наоборот, дала тебе шанс уехать за границу! Нет, это несправедливо! Я ненавижу тебя!

Но потом она подходила ко мне, обнимала и начинала плакать. Но у меня даже успокаивать ее не было времени.

– Пойдем вместе повидать родню, – предложила я ей.

– Пошли, конечно, хоть какая-то радость, – утирала Гюльнар ручьем текущие слезы.

Мы навестили ее семью, где, как обычно, состоялась очередная склока: Сулейман, уходя из дома, забыл кошелек.

Асад стянул из него триста миллионов. На эти деньги можно было купить несколько пачек табака (инфляция достигла чудовищных масштабов!). Но Асад ошибся, полагая, что находится дома один – его младший брат сидел под столом. Он возился там со своими оловянными солдатиками. Став свидетелем кражи, он тотчас доложил отцу об этом.

– Я растил тебя для того, чтобы ты меня грабил?! – орал дядя Сулейман.

– Верно, надо было грабить других, – огрызнулся Асад и получил оплеуху от отца. Асад признавал только силу и только ей подчинялся. Он сразу умолк. А тетя немного поплакала и тоже успокоилась.

– Значит, уезжаешь? – брезгливо поморщился дядя Сулейман. – Да еще с таким ничтожеством! Нет, чтобы выйти за этого!..

Тут Сулейман указала жестом на стоявшего за его спиной Асада. Асад же скривил мне такую мерзкую гримасу!

– Ты еще пожалеешь, что не вышла за него замуж!

– Сулейман, прекрати бранить девочку! Она не виновата. – Это все ее отец, – вмешалась его жена.

– Не произноси при мне имени этого вора, преступника, мерзавца! – воскликнул Сулейман. Его лицо перекосило от ярости.

– Замолкни! Не забывай, что он мой брат, а ее отец.

– Не замолкну! Лучше бы он не был нам никем. Пристроил твою долю отцовского наследства...

– А тебе какое до него дело? Мое было наследство...

– Твое?! А зачем же я на тебе не женился? Весь расчет и был на твое наследство. Неужто ты, старая образина, думаешь, что иначе я взял бы тебя в жены? Это – он не успел договорить. Тетя схватила подушку и бросила ему в лицо. Младшие сыновья радостно захлопали в ладоши. Старшие радовались молча. Гюльнар посмеивалась в кулачок. Но реакция Сулеймана была такой же необычной, как и он сам: дядя взял эту подушку, положил ее на стул и сел сверху.

– Ладно, поговорим о чем-нибудь другом, – совершенно спокойно произнес Сулейман.

Тетя принесла чай, и разговор стал теплее. Мы с удовольствием вспоминали прошлые времена, когда наша семья вызывала уважение, восхищение и зависть других.

– Помню благотворительный вечер в резиденции губернатора, – бахвалился дядя Сулейман. – Этот трепач Таги Русланов записал 50 000 рублей. А я подошел после него и внес 70 000! Вы бы видели его багровую рожу! Он готов был меня загрызть. А я наслаждался его злобой.

Много чего еще вспомнил дядя Сулейман. Но все его воспоминания сводилось к громким именам, родословным и деньгам.

– Эх, деньги – это прекрасно! – вздохнув, завершил беседу Сулейман.

Все остальные тоже вздохнули. А Гюльнар помолчала и добавила:

– Хорошо, что закончилась власть богачей и эксплуататоров.

– Идиотка! – снова вскипел Сулейман. – Где тебя этому научили? В твоей дурацкой школе?

– Нет, она научилась этому, когда спала с господами из Третьего Интернационала, – съязвил Асад.

– Прекрати, слуга шайтана! – крикнула на него мать. – Будь твоя воля, ты загрыз бы сестру!..

– Я должна уходить. Нужно еще попрощаться с бабушкой и тетей Реной, – поднялась я с места, видя, что снова начинается скандал.

Все замолкли. Мы начали прощаться. Дядя Сулейман вытер слезу (такая редкость для него!), в горле у него застрял ком. Он, действительно, расстроился. А тетя уже ревели во все горло. Асад и Али ущипнули меня легонько – это знак уважения и любви.

А младшие дети тянули меня за подол. Наконец, мы вышли за порог и направились к бабушке.

Бабушка была угрюма. Для нее все за пределами пятидесяти километров считалось чужбиной. Что Батуми, что Франция, что Америка – один черт!

– Ты скажи отцу, чтоб скорее возвращался, – ворчала бабушка. – А тебе и самой лучше бы дома сидеть и детишек рожать, чем вертеться в бесовских краях среди бесстыжих людей. Ничего не поделаешь, такова воля Аллаха... – смирилась она. Затем бабушка прочитала напутственную молитву и еще раз наказывала вести себя хорошо и не предаваться разврату. Она призывала к этому всех своих внушек. Бедная бабушка очень постарела. Она была уже не той властной и грозной хозяйкой дома. Перемены сильно на нее действовали, состарили и сломали. Бабушка не понимала смысла этих перемен, но очень хорошо видела их результаты. Ее сильная воля была сломлена. Она уже не бранилась и не командовала, не отдавала распоряжений и не была столь требовательна. Бабушка привыкла жить по законам ислама и, умирая вскоре после моего отъезда, обратила свои последние слова к Богу. Она спешила к Нему, потому что новый мир был ей чужд и непонятен.

...Тетя Рена, прощаясь, тоже долго плакала. Она любила меня больше всех своих племянниц. Рена чувствовала, что мы уже никогда не увидимся.

– Теперь я чувствую себя по-настоящему нищей, одинокой и старой, – сказала она, мрачно посмотрев на глухого мужа. Сейчас он стал совсем туг на ухо. Часто приходилось писать на бумаге, обращаясь к нему.

– Лучше бы он умер! – с жестокостью сказала тетя Рена. – Зачем нужна такая жизнь? И сам мучается, и нас допек.

– Не говори так! – возразила я. – Если все больные и немощные умрут, на земле и половины людей не останется.

– Вот и ты уедешь. Увидишь другие страны, других людей, другие народы, – горько заплакала тетя Рена. – А я из-за него никогда никуда не ездила! Он всегда обещал по-

везти меня в Ниццу. Обманул! И жизнь прошла... Но у тебя, слава Богу, все впереди.

Мне было жаль несчастную тетку. Я была согласна с ней в том, что передо мной открываются новые перспективы, я стою на пороге новой жизни. Пока эта жизнь представляла собой голое, чистое поле, где мне предстояло насадить сад и взрастить плоды. Не хотелось думать, что это чистое поле может остаться заросшим бурьяном и колючками. В начале пути думается только о хорошем...

– У тебя впереди много перемен. Жизнь еще одарит тебя добром, – утирая слезы, говорила тетя, и ее слова придавали мне уверенности.

На вокзале нас провожали братья Джамиля, Лейла и Гюльнар. Сейчас здесь было уже чище, чем некоторое время назад. Беженцев из России стало меньше, в вагонах было уже попросторнее. Наше купе, пока пустое, радовало чистотой. Возможно, нам так казалось от счастья: все виделось лучше, чем есть на самом деле.

Последние объятия, поцелуи – и я поднимаюсь на ступеньки вагона. Трижды прозвенел звонок, поезд тронулся, а Лейла и Гюльнар вновь заплакали. Состав набирал скорость. Вскоре вокзал остался позади. Слезы радости застилали мне глаза. Правда, к этой радости подмешивалась и горечь разлуки с близкими.

Огни Баку остались вдали, и поезд нырнул в темноту. Стук колес рождал в душе странную мелодию. И тут я снова вспомнила об Андрее. Последние дни я почти не думала о нем – слишком много было забот. А сейчас, отдаляясь от России, отдалялась и от него. И надежды на встречу почти не осталось. Где бы я сейчас была, если бы уехала с ним? В какой стране, в каком городе? Не стоило терзать себя бессмысленными вопросами. Всё в жизни предопределено... Зачем думать о том, что могло бы случиться, если?... Что это – фатализм? Безусловно.

ХІІІ

Шесть дней пути на паршивом суденышке по Черному морю измотали меня. Морская болезнь отнимала последние силы. В Турцию я прибыла в ужасном состоянии. Но очень скоро пришла в себя и с интересом стала изучать эту страну. Прогресс тут был налицо. В новой Турецкой Республике женщины не носили чадру и не закрывали лица. Головы многих из них покрывали белые или цветные платки из разнообразных тканей. Я тоже повязала голову таким подобием чалмы. Перепробовала несколько ее разновидностей. Интерес к Турции постепенно угасал, и я стала с нетерпением дожидаться французского паспорта. Отец писал Джамилю, что хочет приехать в Стамбул по своим делам и просил дождаться его. Примерный зять, Джамиль, выполнил просьбу отца и оформлял паспорт только для меня. Необходимо было получить визу всех стран, через которые пройдет Ориент-Экспресс. Это была очень трудоемкая работа. Она затянулась на два долгих месяца. За это время я исходила весь Стамбул вдоль и поперек.

В Стамбуле было много «русских кабаре». Позже эти кабаре распространились на Запад и, наконец, сконцентрировались в Париже, где было изобилие русских эмигрантов. Мужчины занимались торговлей и любой низкооплачиваемой работой. Женщины шли в служанки или... на панель. Тут они имели успех... Ядреные русские бабы имели массу поклонников в этой экзотической стране.

Иногда Джамиль приводил меня в известное кабаре «Черный цветок». По-моему, здесь его привлекала одна дама. Но мне было все равно. Я развлекалась, пользуясь случаем – раньше никогда в таких злачных местах не бывала. Думала, что это неприлично.

В кабаре пели русские песни, пили шампанское и «страдали в тоске по родине». Удивительно, что в таком месте, где следовало развлекаться, люди собирались, чтоб

предаваться ностальгии. И вряд ли они согласились бы сменить такой вид «развлечения» на более веселый.

– Мы приходим сюда поплакать, а не посмеяться, - рассказывал мне один из постоянных посетителей. – Ведь мы всё потеряли: родину, состояние, царя...

Похоже, тот мужчина, князь, обо мне думал так: «Она нас не поймет – ведь она не русская. Да к тому же простолюдинка. Какое ей дело до гибели России!».

– За нашу матушку, святую Русь! – орал он, держа в руках бокал.

Я тоже из приличия поднимала бокал, хотя святая Русь меня вовсе не интересовала.

Приходилось даже пригубить из бокала, выражая свою солидарность и уважение к проблемам этих несчастных людей, потерявших все. Но разве мы потеряли меньше?..

Днем я бывала в мечетях, вечером в кабаре. Вот так и текли дни. Мне не терпелось поскорее уехать из Стамбула. Я уеду одна, без Джамия! Даже сестры не спрашивали о нем в своих письмах, только передавали приветы из приличия. Джамия тревожило такое отношение. Его вполне справедливо беспокоила такая холодность. Выходит, полноправным членом семьи он пока не считается. На деле так и было. Никто, кроме отца, не одобрял этот вынужденный брак. В свое время старшие сестры отказали Джамилю. Его положение было щекотливым. Будучи намного старше меня, в других вопросах он уступал. В нашей семье его не любили. Джамиль был обеспокоен тем, что я уеду в Париж одна.

– Ну вот, – сквозь слезы сказал он однажды, – скоро уедешь к своим, больше я вам не нужен. Никто не станет меня искать. Ведь ни твои сестры, ни мачеха не любят меня. Они постараются нас разлучить.

Глупец! Можно подумать, я люблю его! Он даже не предполагал, как противен мне. Правда, моя прежняя ненависть к нему несколько попритихла, но в привязанность не переросла. Я лицемерно успокаивала его. Говорила, что мы

думали совсем не так: мне хотелось поскорее избавиться от него!

Я ждала отъезда. Джамиль проигрывал в карты последние деньги. И в один «прекрасный» день он объявил, что у нас не осталось ни копейки. Но человеку, привыкшему к деньгам, трудно без них. Джамиль взял в долг, но и эти деньги через неделю закончились. Мы трижды на протяжении недели посетили «Черный цветок», остальное время он провел за картами. Джамиль написал моему отцу и попросил у него помощи. Удачливость в карточной игре отвернулась от него в Стамбуле, и он не мог поверить в это, продолжал играть. Но фортуна отвернулась от Джамиля. Возвращаясь утром с пустыми карманами, он жаловался мне:

– Идет в руки сильная карта, а сопернику еще сильнее! Беру другую – снова у него крупнее! И так весь вечер. Отчего такое невезение?! – Он чуть не рвал свои рыжие волосы.

– Лучше не играй, – советовала ему я, зная заранее, что это бесполезно.

– Ты права. Пора прекратить, – отвечал он, тоже понимая, что не сможет.

В карты не везло, расходы увеличивались, долги росли. Ростовщики тоже не давали больше денег, зная положение Джамиля. Дело дошло до того, что живя в роскошном доме, мы ложились спать голодными. На жалкие гроши, которые находили в карманах своей одежды, мы покупали хлеб и рыбные консервы. Джамиль не находил себе места от мучающей его тревоги, а я была невозмутима. Меня забавляло наше положение – ведь скоро я уеду, и все это не будет меня касаться.

Когда-то в детстве я мечтала наесться рыбных консервов. Мне так нравились жирные сардины! Но дома не позволяли есть «плебейскую» пищу, и я делала это в тайне. Сейчас рыбные консервы были единственной доступной пищей, но не надоедали мне. А Джамиль стыдился их. Он все задавал вопросы, на которые некому было ответить.

– Ты уедешь, а я останусь. Как же я без тебя, а? Когда придет твой отец? Пришлет он мне, наконец, денег? Ведь и тебе на дорогу нужны деньги, и для других дел.

Мне так надоело его ныть! В конце концов, я грубо обрывала его:

– Как ты мне надоел! Уймись!

И тогда он начинал плакать, отказываясь есть консервы. А я, пользуясь случаем, ела и свою, и его порцию.

За неделю до моего отъезда отец прислал немного денег. Мы вернули долги и купили мне билет до Франции. Кое-что осталось и на покер. Две ночи ему «шла карта», и он выиграл немало. Мы снова проводили время в «Черном цветке». Я даже посетила классические места паломничества. Здесь было очень жарко. Казалось, и воздух плавится от зноя. Священное кладбище спало глубоким вечным сном без печали и забот. Чинары охраняли покой каменных надгробий. А там, через Босфор, виднеется азиатская часть Турции. Чуть восточнее – Анкара. Андрей, наверное, сейчас там... Я всегда знала, что счастье дается человеку горсточками, обрывками. Но и эти крохи не всегда попадают в наши протянутые руки.

Слава Богу, я наконец, получила паспорт! Все визы были на месте, все штампы проставлены. Через два дня мы с Джамилем пришли на вокзал. Поезд Ориент-Экспресс был не чета тому, на котором мы ехали из Баку. Все вагоны были спальными, освещение такое, что рябило в глазах.

Я вошла в купе и села. Бледный и печальный Джамиль сел рядом.

– Ты будешь мне писать? – то и дело с тоской спрашивал он.

– Конечно, буду, – однообразно отвечала я одно и то же. – Обязательно буду.

– Не забудешь меня?

– Нет, не забуду, – лицемерила я.

Но Джамиль чувствовал, что мы расстаемся навсегда. Он поцеловал меня. И в этом поцелуе были мольба, страх и почтение.

– Я знаю, что теряю тебя, – заплакал он.

Что я должна была ответить? Что делать? Я пыталась успокоить его, уверяла, что это не так, что мы будем жить вместе. Кажется, он немного отошел. За минуту до отправления Джамиль покинул вагон. Я смотрела на него в окно и желала, чтоб эта минута скорее закончилась. Хотелось плакать. На этот раз от радости. Наконец-то я расстанусь с ним! Мы оба были жертвами обстоятельств. Поезд тронулся. Джамиль шел рядом с окном. Потом побежал, но остановился, застряв в толпе.

– Не забывай меня! Пиши мне! Прошу тебя! – услышала я его последние слова. Он затерялся в толпе. Все!..

Поезд уже шел полным ходом. Я вдруг поняла, что большой кусок счастья оказался у меня в руках и не могла сдержать слез. Сжав руки на груди, я благодарила Бога за эту долгожданную радость. Всю ночь я провела, сидя у открытого окна. И не думала спать. В воздухе витал аромат ночи.

Поезд шел по местечкам, не обозначенным на карте: здесь обитали драконы и рыцари, гномы и великаны. Их голоса смешивались со стуком колес. Лишь на рассвете я легла, не раздеваясь, и сразу уснула. Всю дорогу я не выходила из купе. Я покидала его лишь чтоб поесть в ресторане.

На четвертый день пути мы приближались к Парижу. Я испытывала необъяснимое волнение. Такое случилось со мной лишь однажды – когда ОН был рядом, Андрей. За окном расстилались зеленые поля. Их аромат чувствовался в теплом воздухе. Озера и холмы, речки и луга бежали мимо окон. Я смотрела на небо и вспоминала слова Андрея: «Ваша жизнь как будто проходит в небесах». То были мои самые светлые дни. А сейчас, приближаясь к Парижу, я готовилась сбросить тесное платье минувшего и начать новую

жизнь. Из прошлого я возьму в нее с собой лишь ту часть,
которая протекала в небесах.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотелось бы добавить несколько слов к тому, что изложил господин Г.Годжаев в предисловии к азербайджанскому переводу «Кавказских дней».

Перевод романа на русский язык приурочен к столетию со дня рождения Банин в 2005 году. Я приступала к этой работе с большим интересом, ведь Ум-эль Бану – кузина моей матери, Солмаз-ханум (Нагиевой), их деды были родными братьями. Поэтому интерес был не только творческого плана. Признаюсь, с некоторыми моментами, указанными господином Годжаевым, и я не могу согласиться; более того, многое меня возмущало. Но, чем дальше шла работа, тем яснее становилась причина этих неточностей и противоречий: тоска, обида, недопонимание, естественная потребность человека в любви, стремление найти свое счастье.

Работая над переводом, я с удивлением ловила себя на том, что иногда не заглядываю в книгу. Но когда, спохватившись, возвращаюсь к тексту, вдруг поражаюсь: именно об этом шла речь! Что это – «память предков» или «зов крови»? Не знаю, но многие вещи так знакомы! Даже предметы, описанные Банин. Мне приходилось видеть такие в доме своего деда, а его рассказы, услышанные мной еще в юности, оживали в описании улиц Баку, характеров родни, деревенского дома и дачного сада. И мне приходилось бродить по огромному саду, принадлежавшему когда-то нашим общим предкам, и я испытывала в такие минуты непонятное чувство тоски и тревоги, странного внутреннего волнения. Сейчас понимаю, что рождало эти чувства: призраки прошлого сопровождали меня в этих прогулках, ими пропитан

воздух того сада, они живут в листве последних погибающих деревьев, до которых никому сегодня нет дела! В одной из глав романа автор говорит о том, что все в жизни предопределено. Вероятно, не случайно перевод книги Банин был поручен именно мне: призраки прошлого объединяют нас. Слову «призраки» я придаю условно-символическое значение. Они связали нас с Банин не только кровным родством, но и генетической памятью. Я с радостью принимаю эстафету из рук «французской» азербайджанки Ум-эль Бану и надеюсь, что мое творчество тоже будет востребовано и интересно читателю.

*Автор художественного перевода
с азербайджанского на русский язык*
Гюльшан Тофик гызы

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	3
Введение	5
Часть первая	7
Часть вторая	119

Банин (Ум-эль Бану)

«КАВКАЗСКИЕ ДНИ»
Автобиографический роман

«Кавказ» – Баку – 2006

Директор: проф. Н.Б.Мамедли

Корректор: Нина Сухомьяс

Дизайнер: Вагиф Надиров

Сдано в набор: 21.12.2005

Подписано в печать: 09.01.2006

Формат 60x84 1/16.

Объем: 14 п.л.

Заказ № 11

Тираж: 500

Отпечатано в издательстве «Нурлан».

Тел: 497-16-32, 850-311-41-89

Адрес: Баку, Ичери шехер,

3-й Магомаевский переулок, 8/4

ISBN 9952-432-23-2

9 789952 432237